МВ и ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. М. ГОРЬКОГО

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ

ВЫПУСК 5

ПРАКТИКА КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

СВЕРДЛОВСК
1974

МВ и ССО РСФСР
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. М. ГОРЬКОГО

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ

ВЫПУСК 5

ПРАКТИКА КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

СВЕРДЛОВСК
1974

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А. М. Горького

Ответственный редактор доцент *И. Я. Лойфман*

© Уральский государственный университет, 1974

Раздел I. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАКТИКИ И ПОЗНАНИЯ

И. Я. Лойфман

ЕДИНСТВО ПРАКТИКИ И ПОЗНАНИЯ КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Введение общественно-исторической практики в теорию познания в качестве ее центрального пункта явилось, как известно, составной частью революционного переворота, совершенного К. Марксом и Ф. Энгельсом в философии. Сформулированный ими принцип единства теории и практики открыл путь к научному решению коренных гносеологических проблем. Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, именно практическое преобразование мира человеком формирует его познавательные способности, служит источником и критерием знания, является причиной развития познания. На ленинском этапе развития марксизма принцип единства теории и практики получил всестороннюю разработку, и в соответствии с духом новой эпохи особое значение приобрел вопрос о творческом характере отражения мира человеком на базе общественной практики[1]. В этой связи гносеологическое исследование взаимодействия практики и познания, практической обусловленности знания представляется весьма актуальным.

Все философы-марксисты признают единство познания и практики, зависимость и производность теоретического освоения действительности от ее практического преобразования. Однако по вопросу о том, как практика и познание соотносятся, разграничиваются, совпадают, связываются, в философской литературе высказаны различные точки зрения. В настоящей статье ставится задача обсудить эти различия в ряде аспектов и дать анализ единства практики и познания как противоречивых сторон общественно-исторической деятельности человека. Мы полагаем, что учет соотносительности практики и познания имеет первостепенное значение для раскрытия сущности практики как гносеологической категории.

Сразу же отметим, что гносеологическое соотношение практики и познания есть одна из разновидностей соотношения материального и идеального, ибо в марксистско-ленинской философии атрибутом практики является материальность, а атрибутом познания — идеаль-

---

[1] См.: М. Н. Руткевич. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск, 1970, стр. 17—20.

ность [2]. С этой точки зрения практика есть материальное освоение действительности, неотделимое от ее идеального преобразования, тогда как познание — идеальное освоение действительности, неотделимое от ее практического преобразования. Самые различные формы общественно-исторической деятельности человека — производственно-техническая, общественно-политическая, научная, художественная, педагогическая, игровая, бытовая и другие — раздваиваются на практику и познание, развертываются в противоположности материального и духовного освоения действительности. В самом деле, целенаправленность любой деятельности человека предполагает социальное по своей сущности отражение свойств и законов соответствующей области бытия, т. е. ее идеальное преобразование; предметно-чувственная сторона человеческой деятельности выступает как социальное по своей сущности материальное изменение мира, при котором «человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно» [3]. «Общественная жизнь является по существу *практической*» [4],— подчеркивал К. Маркс.

Нам представляется неправомерным ограничение объема марксистского понятия практики сферой материального производства и общественно-политической деятельности, т. е. такими формами деятельности, которые непосредственно преобразуют окружающий нас материальный мир и вместе с тем непосредственно направлены на удовлетворение материальных потребностей субъекта (индивида, социальной группы или общества). По мнению Т. Ярошевского, который придерживается подобных взглядов, встречающиеся в работах К. Маркса и Ф. Энгельса термины «эксперимент и научная практика», «художественная практика», «культовая практика» и др. употребляются не в категориальном, а в обиходном значении понятия «практика» [5]. Между тем и деятельность экспериментатора, и деятельность театрального артиста, и культовые мероприятия предметно воспроизводят и преобразуют окружающий человека мир. Это различные формы целенаправленной предметно-чувственной деятельности человека, и в этом смысле они охватываются философским понятием практики. Конечно, указанные формы практики обладают спецификой, ибо в научном эксперименте реализуется теоретическое отношение человека к действительности, в деятельности артиста — его эстетическое отношение к действительности, а в культовых действиях реализуются воображаемые отношения [6] между религиозным человеком и сверхъестественным объектом его

---

[2] Критика попыток представить теоретическую деятельность в качестве специфической формы практики дана, в частности, в работе М. Н. Руткевича «Актуальные проблемы ленинской теории отражения» (гл. 8 «Практика и теория»).

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 566.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 3.

[5] См.: Т. Ярошевский. Понятие практики у К. Маркса и современность.— «Вопросы философии», 1973, № 5, стр. 18.

[6] См.: Д. М. Угринович. Введение в теоретическое религиоведение. М., 1973, стр. 50.

веры (иллюзорно-практические отношения). Однако специфика этих форм социальной деятельности, производных от материального производства и общественно-политической деятельности, не исключает их материальности, а материальность — атрибут практики [7].

Таким образом, практику и познание следует рассматривать как **универсальные характеристики** общественно-исторической деятельности человека, неотделимые друг от друга. Соотносительность практики и познания как **полярных определений** деятельности человека выступает как их взаимополагание, взаимообусловленность и взаимопереходы.

Взаимополагание практической и познавательной деятельности человека состоит в том, что исключая друг друга, они не могут существовать друг без друга, одна в снятом виде содержит другую. Оторванная от познания, практика утрачивает свой целеполагающий характер и качества специфически человеческого способа материальной деятельности. Оторванное от практики, психическое отражение утрачивает свой идеальный характер и качества специфически человеческого отражения действительности. В практике осуществляется материальное «снятие» познания, тогда как в познании имеет место идеальное «снятие» практики.

В философской литературе нередко встречается понимание взаимополагания практики и познания как включения одного в другое. Так, во вступительной статье к книге «Практика и познание» Д. П. Горский и С. Н. Смирнов утверждают, что практика есть «преобразование действительности благодаря ее отражению и отражение действительности, совершающееся благодаря и посредством ее преобразования» [8]. По мнению О. Н. Джугели, «практика является единством материального и идеального компонентов» [9]. З. Цацковский полагает, что теоретическое знание, выступая как фактор, управляющий практическим действием, становится составным элементом практического действия; в свою очередь, практическое действие, обслуживая теоретические, познавательные потребности (например, в эксперименте), становится элементом познавательного действия и утрачивает свой практический характер [10]. Эти и подобные им взгляды, например, включение практики в процесс познания в качестве особой ступени познания, нельзя признать удовлетворительными, ибо в них представление о единстве общественно-исторической деятельности заслоняет представление

---

[7] См. также: Современные проблемы теории познания диалектического материализма, т. 1. М., 1970, стр. 62.

[8] Д. П. Горский, С. Н. Смирнов. Актуальные проблемы диалектико-материалистического учения о практике и познании.— В кн.: Практика и познание. М., 1973, стр. 9.

[9] О. Н. Джугели. О предмете теории познания.— В кн.: О предмете философии. Тбилиси, 1973, стр. 76.

[10] См.: Z. Cackowski. Dzialanie, praktyka, poznanie. — "Studia Filozoficzne" 1972, № 1, s. 11—112; см. также: И. Б. Михайлова. Чувственное отражение в современном научном познании. М., 1972, стр. 38.

о ее противоречивости. Марксизм подчеркивает единство познания и практики, включает это единство в гносеологию, из чего, однако, не следует, что практику нужно понимать как материально-идеальную деятельность, а познание — как практико-теоретический процесс. Практика и познание полагают и исключают друг друга как материальная и духовная стороны деятельности. Поэтому представляется некорректным прямое включение идеальных элементов в материальную деятельность, а материальных элементов — в идеальную деятельность.

Единство познания и практики есть взаимополагание противоположных и вместе с тем **неравноправных** сторон социальной деятельности. «...Внутренняя, мыслительная деятельность не только является дериватом внешней, практической деятельности, но имеет принципиально то же строение, что и практическая деятельность» [11], пишет А. Н. Леонтьев. Практическому освоению объекта субъектом при помощи материальных средств соответствует духовное освоение объекта субъектом при помощи идеальных средств. Эти последние суть «форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc» [12]. **Объект познания** дан человеку лишь в формах его практической, предметно-чувственной деятельности. Объект познания не может быть шире объекта практического действия, ибо область идеального освоения действительности полностью определяется практикой. Именно практика обнаруживает и развертывает объект познания, дает фактический материал для последующего осмысления. На этом основании подчас утверждают, что объект и существует как момент деятельности субъекта [13]. Такое утверждение неточно, поскольку объект выступает не только как предмет деятельности субъекта, но и как объективная реальность, иначе говоря, объект существует независимо от субъекта познания и субъекта действия.

В ходе практической деятельности формируется и **субъект познания,** формируются и развиваются познавательные способности субъекта, его чувственность и разум. «В самом акте воспроизводства изменяются не только объективные условия... изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык» [14].

Практика принимает участие как нечто первичное, определяющее в становлении **форм отражения**, специфических методов и средств того или иного вида познания. В основе трудовой деятельности человека, как отмечал К. Маркс, лежат две основные, проти-

---

[11] А. Н. Леонтьев. Мышление.— «Вопросы философии», 1964, № 4, стр. 93.

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 163.

[13] См. напр.: В. С. Костелов. О некоторых особенностях соотношения субъект — объект в процессе познания микромира.— В сб.: Методологические проблемы современной науки. М., 1970, стр. 326.

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 483—484.

воположные друг другу функции — разделение и соединение, разложение и связывание. Это предметно-чувственное преобразование вещей позволяет выявить многообразие их конкретных свойств и открыть их внутренние связи, общее и необходимое в отдельном и случайном. Практика берет мир в обоих его «измерениях» — феноменальном и сущностном [15], что отображается в расчленении процесса познания, знания и методов его получения на уровни, один из которых фиксирует чувственную данность предмета, а другой — его существенную определенность

Следует отметить, что единство структуры практики и познания проявляется не только в единстве уровней познания, но и в единстве объекта, субъекта и форм познания. Гносеология домарксовского материализма отстаивала принцип отражения, но игнорировала активность субъекта познания, ограничивая структуру познания отношением «формы познания — объект». В рамках идеалистической философии гносеологическая проблематика вращалась преимущественно вокруг отношения «субъект — формы познания», причем здесь был поставлен вопрос о роли в познании мотивов и установок субъекта, его идеалов и опыта. И только диалектико-материалистическая концепция познания связывает указанные отношения в единую, практически обусловленную цепь «субъект — формы познания — объект» и тем самым раскрывает сущность познания как творческого отражения действительности [16]. Нельзя отражать объективный мир, не творя его материально и идеально. Воспроизведение действительности в формах познания — это сложный процесс ее отображения, преображения и оценки субъектом соответственно его природе и актуальным потребностям, а объективность знания, вычленение в знании содержания, не зависящего ни от человека, ни от человечества,— результат творческих усилий субъекта. В то же время нельзя творить, создавать новое в практике и в познании, не отражая закономерности объекта, закономерности средств деятельности (в сфере познания — это способы оперирования понятиями, математическими объектами, музыкальными формами и т. д.) и закономерные связи субъекта (его потребности, опыт и др.)

Один из аспектов соотносительности практики и познания как полярных определений человеческой деятельности состоит в том, что они обосновывают друг друга и изменяются на основе взаимодействия. Единство практики и познания проявляется в их функциях, а именно в единстве преобразующей и познавательной функций предметно-чувственной деятельности и, с другой стороны, в единстве познавательной и преобразующей функций духовной деятельности.

---

[15] См.: Г. А. Давыдова. Практика — основа единства эмпирической и теоретической ступени познания.— В кн.: Практика и познание. М., 1973, стр. 160.

[16] См.: М. Н. Руткевич. Актуальные проблемы ленинской теории отражения (гл. 5 «Отражение как творческий процесс»).

Материальная целенаправленная деятельность не только изменяет окружающий человека природный и социальный мир, но и обусловливает его познание. Как указывал Ф. Энгельс, «существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» [17]. Практика дает нам знание о предмете и вместе с тем служит критерием, который оценивает саму глубину постижения предмета, т. е. само знание о предмете. Марксистский анализ истории науки показывает, что главными источниками прогресса науки являются требования развития производительных сил и характер общественных отношений. Общий уровень, основные этапы и направленность познавательной деятельности определяются общим уровнем, основными этапами и направленностью практики. Если, таким образом, учесть функции практики по отношению к познанию, а также преобразующую функцию духовной деятельности (целеполагание), то можно дать следующее **определение практики** как гносеологической категории. Практика есть материальная целенаправленная деятельность, являющаяся основой, целью и критерием истинности познания [18].

Обратившись к функциям познания, следует подчеркнуть, что идеальное отражение объективного мира не только дает человеку знание о мире, но и является средством предметного преобразования мира. «...Теория,— писал В. И. Ленин,— есть обоснование предпринимаемых действий для уверенности в них...» [19] Познание отражает закономерности объективного мира, которые затем используются для постановки цели практического действия и обоснования путей ее реализации, для планирования практической деятельности. Познание выступает обобщением практики, отражает потребности и возможности практики, тенденции ее развития. Коротко говоря, познание служит орудием общественно-исторической практики. Так, марксистско-ленинская теория служит научным методом преобразования общественной жизни. «Ни одно общество,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии,— не нуждалось так в научной теории, как социалистическое общество. Поэтому теория должна и впредь прокладывать путь практике, обеспечивать строго научный подход к руководству экономической и культурной жизнью советского народа. Широко поставленная теоретическая работа призвана ярким маяком освещать путь нашей партии. Дальнейшее творческое развитие марксистско-ленинской теории партия рассматривает как важнейшую задачу, как необходимое условие успехов

---

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 545.

[18] См.: М. Н. Руткевич. Марксистское понятие практики в его связи с другими философскими категориями.— В кн.: Взаимосвязь категорий. Свердловск, 1970, стр. 96—97.

[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 172.

в строительстве коммунизма»[20]. В целом развитие общественно-исторической деятельности характеризуется неуклонным изменением соотношения между практической деятельностью, обоснованной эмпирически, и практической деятельностью, обоснованной теоретически. В век научно-технической революции степень наукоемкости различных сфер деятельности повышается особенно быстро. Если, таким образом, учесть функции познания по отношению к практике, а также познавательную функцию предметно-чувственной деятельности, то можно дать следующее **определение познания** как гносеологической категории. Познание есть идеальное, практически обусловленное отражение материального мира, выступающее как обоснование, предвидение и обобщение практики[21].

Следует специально отметить, что единство практики и познания как полярных определений деятельности есть **единство относительное,** проявляющееся всегда в конкретно-исторической форме. Если на первых ступенях развития общества духовное производство было, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «непосредственно вплетено» в материальную деятельность и в материальное общение людей[22], то впоследствии на основе развития материального производства и общественного разделения труда идеальный план деятельности все более усложняется, дифференцируется, возникают такие относительно самостоятельные, специализированные формы деятельности и связанные с ними формы отражения действительности, как художественная и научная. Социалистическое преобразование общества, ликвидируя отчуждение труда, ведет к сближению, схождению материально-производственной, научной и художественной деятельности, к проникновению научного и художественного начал в различные сферы общественной жизни.

Далее, относительность единства практики и познания проявляется не только во всей системе общественно-исторической деятельности человека, но и в каждом отдельном виде деятельности. Практика и познание развиваются не синхронно и не равномерно, в их отношении имеются моменты соответствия и несоответствия, опережения и отставания. При этом, как справедливо отмечает Н. Т. Литвиненко, развитие единства научной теории и практики характеризуется не простым чередованием периодов соответствия и несоответствия, а углублением их взаимного проникновения,

---

[20] Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, стр. 85—86.

[21] См.: И. Т. Якушевский. Ленинизм, революция и «советология». Л., 1968, стр. 276—279.

[22] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966, стр. 29.

взаимного перехода друг в друга[23]. Теория становится все более полным и точным отражением объективного мира, а практика все в большей мере становится теоретически обоснованной. Важно учитывать, что взаимодействие теории и практики, науки и производства не снимает относительной самостоятельности их развития.

Относительная самостоятельность развития материального производства проявляется в том, что главным двигателем его всегда являются противоречия производительных сил. Превращение науки в непосредственную производительную силу отнюдь не означает, будто теперь направление развития производства определяется наукой. Вернее утверждать, что развитие материального производства обосновано собственными потребностями производства и обусловлено возможностями науки[24]. С другой стороны, относительная самостоятельность развития науки проявляется в том, что и количественные, и качественные изменения системы научного знания детерминированы не только потребностями материального производства, но и внутренней логикой развития науки. В связи с этим нельзя в полной мере принять концепцию С. Н. Смирнова, согласно которой интенсивное развитие науки, ведущее к изменению стиля научного мышления, определяется преимущественно собственными законами науки, а экстенсивное развитие науки определяется преимущественно законами развития материального производства[25]. Развитие науки, как и развитие материального производства, имеет двойную детерминацию — со стороны практики и со стороны познания, причем определяющая роль принадлежит в конечном счете материально-производственной практике.

Если взять, наконец, отдельный акт деятельности, то и в нем единство, совпадение практики и познания относительно. В практическом действии непосредственным регулятором выступает опыт, который всегда неполон, ибо включает лишь часть всей системы знания субъекта и никогда не охватывает практику во всей ее непосредственности. В научном познании элементарный цикл познания представляет собой переход от наличного уровня знания к более высокому уровню, от фактов, добытых в практической деятельности, к теории. Формой такого перехода является гипотеза, которая дает лишь вероятное знание о причинах явлений и может оказаться удачной и неудачной, плодотворной или бесплодной. Принятие, исправление или отбрасывание гипотезы осуществляется на основе ее практической проверки. Теория прокладывает путь практике, но именно практика предотвращает догматизацию знания и является первопричиной его развития. Фундамен-

---

[23] См.: Н. Т. Литвиненко. О единстве теории и практики в социальном познании.— В кн.: Проблемы познания социальных явлений. М., 1968, стр. 39.

[24] См.: С. Н. Смирнов. Взаимосвязь революций в развитии материального производства и естествознания.— В кн.: Практика и познание. М., 1973, стр. 93.

[25] Там же, стр. 99.

тальное положение о примате практики по отношению к познанию при взаимной обусловленности их друг другом В. И. Ленин сформулировал следующим образом: ***«практика выше (теоретического) познания,*** ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»[26].

Подводя итог рассмотрению различных аспектов связи практики и познания, необходимо подчеркнуть, что научное понимание содержания практики и познания и отношений между ними возможно лишь на основе марксистско-ленинского принципа единства практики и познания. Этот принцип и явился методологической основой исследования общих и частных проблем теории познания, предпринятого авторами настоящего коллективного труда. В первом разделе книги фундаментальные определения практики, т. е. ее атрибутивные характеристики, структура и функции, закономерности функционирования и развития, анализируются в их противоречивом единстве с фундаментальными определениями познания. Во втором разделе форма существования, содержание и функции различных видов знания (естественнонаучного, технического, художественного, обыденного) рассматриваются в их обусловленности практикой.

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

А. В. Гайда, К. Н. Любутин

СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ПРАКТИКИ И ПОЗНАНИЯ

Наиболее общие законы движения, развития бытия и познания есть и законы взаимодействия субъекта и объекта. Материальная целеполагающая деятельность субъекта по преобразованию объекта исторически и логически выступает в качестве основы познания вообще, основы познания наиболее общих законов в частности. Отсюда вытекает большое мировоззренческое и методологическое значение категорий субъекта и объекта.

* * *

Проблема субъекта и объекта органически связана с основным вопросом философии. Диалектико-материалистическая философия рассматривает сознание как **отражение** бытия на основе **практики.** Место и роль практической деятельности в общественной жизни определяют место и роль категории практики в системе философских наук марксизма-ленинизма. Эта категория оказывается, по существу, теоретическим «началом», обусловливающим возможность решения коренных философских проблем. Маркс делает обобщение большой научной важности: «Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [1]. Сама же практика, материальная целенаправленная деятельность людей, может быть проанализирована только с помощью категорий субъекта и объекта. С раскрытием практической природы отношения субъекта и объекта исследование отношения познания к бытию было поставлено на реальную почву.

Становление марксистской концепции субъекта и объекта связано с преодолением как идеалистических, так и материалистически-натуралистических точек зрения. Марксистско-ленинская концепция субъекта и объекта отличается от предшествующих концепций своим последовательно материалистическим и диалектическим содержанием.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, стр. 107.

Мы рассмотрим отношение субъекта и объекта в плане основного вопроса философии как единство материального и духовного взаимодействия на основе материального. Это единство возможно в практике как единство и различие субъекта и объекта практической и познавательной деятельности. С этой точки зрения представляется односторонним мнение Б. А. Вороновича о том, что «практика не имеет внутри себя никаких целей и мыслей» [2]. Практика — целенаправленная деятельность субъекта. С другой стороны, не способствуют разработке категории практики появляющиеся в печати высказывания такого рода: «Кроме материальной практики, составляющей главное содержание общественного бытия людей, есть еще духовная практика.., являющаяся в конечном счете отражением и следствием этого бытия...» [3].

Деление практики на материальную и духовную лишает категорию практики специфического содержания. Категория практики приобретает смысл в системе гносеологических категорий в противопоставлении познанию. Здесь практика и познание абсолютно противостоят друг другу. Это и есть строгое категориальное употребление понятий «практика» и «познание», причем целеполагание не исключается из практики. Характеризуя отношение практической и духовной деятельности, Маркс и Энгельс подчеркивали конкретно-исторический характер этого единства. «Производство идей, представлений, сознание,— писали они,— первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни» [4]. В процессе развития общества происходит относительное отмежевание этих форм деятельности, они становятся относительно самостоятельными в рамках единства. В силу этого сам субъект деятельности дифференцируется на субъект практической и субъект познавательной деятельности, и именно с этого момента мы можем говорить об истинном разделении труда. «Разделение труда,— отмечали Маркс и Энгельс,— становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики» [5].

Категории субъекта и объекта, чрезвычайно богатые по содержанию, активно исследуются в последние годы в советской философской литературе. Определение категорий «субъект» и «объект», выяснение специфики их отношения друг к другу, исследование их места в системе категорий и, соответственно, их связи с кате-

---

[2] Б. А. Воронович. Философский анализ структуры практики. М., 1972, стр. 102.

[3] А. Г. Харчев. Ленинизм и некоторые принципиальные вопросы современной этики.— В кн.: Ленинский этап в развитии философии марксизма. М., 1972, стр. 328.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 24.

[5] Там же, стр. 30.

гориями «материя» и «сознание» и т. д. — основные обсуждаемые вопросы. Причем их решение и трактовка самих категорий весьма неоднозначны. Имеет место распространение субъектно-объектного отношения на взаимодействие любых двух материальных систем [6], отождествление рассматриваемого отношения с отношением материи и сознания [7] и т. д. Сам субъект практической и познавательной деятельности трактуется то как человеческий индивид [8], то как определенный коллектив, класс, общество в целом [9].

Нам представляется, что в данном случае имеет место определенная односторонность, связанная со сведением многоаспектных философских категорий «субъект» и «объект» к одному или ряду их аспектов. Более того, многие авторы исследуют категории «субъект» и «объект» совершенно изолированно друг от друга и тем самым ликвидируют специфику субъектно-объектного отношения. В связи с этим имеет смысл ввести критерий субъектно-объектного отношения. Таким критерием, по нашему мнению, является сознательная, целенаправленная деятельность, где субъект — носитель сознательной, целенаправленной деятельности, а объект — то, на что деятельность направлена. Поскольку субъектно-объектное отношение есть сознательное, целенаправленное взаимодействие, которое возможно лишь на основе общественно-трудовой деятельности, постольку говорить о субъектно-объектном отношении можно лишь с появлением человека, человеческого общества. «Человек,— писал К. Маркс,— не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [10].

В субъектно-объектном отношении необходимо различать субъект и объект практического действия и познания: «...смешивать познавательное отношение с практическим, — пишет М. Н. Руткевич,— не следует точно так же, как вообще не следует отождествлять познание с практикой. Соответственно в понимании категорий субъект и объект оба эти аспекта надо различать» [11].

Практическая и познавательная деятельность являются двумя различными видами деятельности субъекта, которые в рамках гносеологии абсолютно противостоят друг другу. Поскольку практика

---

[6] См.: В. Ф. Сержантов. Некоторые философские вопросы теории медицины.— «Тр. ин-та экспериментальной медицины». Л., 1958; В. Н. Типухин. Логическое становление субъекта.— «Научн. тр. Омского сельскохозяйственного ин-та», 1971, т. 81.

[7] А. В. Востриков. Теория познания диалектического материализма. М., 1965.

[8] Ф. М. Канак. Проблема субъекта и объекта познания в современной физике. Автореф. канд. дисс. Киев, 1966.

[9] П. В. Копнин. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966.

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

[11] М. Н. Руткевич. Актуальные проблемы ленинской теории отражения, стр. 69.

есть материальная, предметно-чувственная деятельность, в процессе которой люди изменяют окружающий их внешний мир, постольку субъект и объект, являясь противоположными сторонами практики, с необходимостью должны быть материальными системами. «Идеи,— подчеркивал К. Маркс,— вообще ничего не могут осуществить. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» [12]. В отличие от практики познавательная деятельность непосредственно не изменяет материальный мир, а представляет собой процесс объективно-истинного воспроизведения действительности, самой практики в сознании человека. Однако данный момент не дает нам оснований для отождествления субъекта познания с сознанием. Познание окружающего материального мира происходит на основе его преобразования, которое, как уже отмечалось, может быть осуществлено только материальным способом, материальными средствами. Конечно, познавательная деятельность имеет свою специфику, однако и здесь субъектом познания выступает не сознание, а человек, наделенный сознанием. Отсюда понятно, что объект практической и познавательной деятельности не совпадают. Объектом практической деятельности являются реально существующие материальные предметы, явления объективной действительности, которые втянуты в сферу предметно-чувственной деятельности субъекта. По мере изменения объекта и в процессе его изменения происходит познание объекта субъектом. Материальный объект — часть объективной реальности. Познавая объект, люди познают материальные образования, которые могут не быть непосредственными объектами практического освоения.

Столь же не тождественны субъект практики и субъект познания. Конечно, когда познание было непосредственно «вплетено» в практическую деятельность, субъект практической и познавательной деятельности совпадали. Единство практической и познавательной деятельности приобретает новый вид с выделением научного познания. Разделение труда приводит к относительному разделению субъекта практической и познавательной деятельности. Превращение науки в непосредственную производительную силу ныне оказывает существенное влияние на взаимосвязь субъектов практической и познавательной деятельности. Общественное производство все более и более пронизывается теорией, труднее становится провести четкую линию между научной деятельностью, научным экспериментом и целыми отраслями материального производства. Тем не менее мы можем отличить по основным целям, задачам, роли в общественной жизни определенные коллективы, группы, индивидов, которые непосредственно включены в практическую деятельность, от многочисленных научных коллективов, групп, отдельных научных работников, основная функция которых — изучение действительности и которые представляют собой субъекты

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 132.

познания. Но поскольку научное познание невозможно без особых форм научной практики, постольку они выступают в конечном итоге и субъектами научной практики. Развитие научного знания с необходимостью ведет к объединению отдельных научных работников в совокупный субъект. Научная деятельность такого совокупного субъекта суть неотделимая составная часть субъекта практической деятельности, ибо субъект познания выполняет определенную функцию в рамках более широкой системы.

В субъектно-объектном отношении можно выделить несколько уровней. В самом широком плане **субъектом выступает общество, а объектом — часть объективной действительности, которая осваивается обществом практически и духовно.**

Основу взаимодействия общества и природы как субъекта и объекта составляет практика, совпадающая в данном отношении с трудом. Труд, рассматриваемый вне его конкретно-исторических форм, представляет собой отношение активного воздействия общества на природу ради присвоения предметов природы путем их целенаправленного преобразования. Характеризуя труд, Маркс в качестве его простых моментов выделяет целеполагающую деятельность, или сам труд, предмет труда, т. е. объект воздействия, средства труда как комплекс вещей, с помощью которых общество воздействует на объект. Степень практического воздействия общества на природу зависит от уровня развития производительных сил и производственных отношений, от уровня развития орудий труда. Орудия труда, как неотъемлемый элемент субъекта, характеризуют не только степень подчинения природы обществом, но и отражают уровень духовного проникновения человеческого разума в природу, характеризуют уровень ее познания, освоения.

Общество как субъект практического действия развивается по мере превращения в объект практики части природы. «Производство создает... не только предмет для субъекта, но также субъект для предмета» [13].

Категория общества как субъекта — абстрактно-всеобщая категория. Наполнение ее конкретным содержанием предполагает, с одной стороны, анализ реального взаимодействия общества и природы как субъекта и объекта в процессе их конкретно-исторического развития, с другой — дифференцировку общества на отдельные подсистемы, ибо в их отношении к природе есть принципиально различные моменты. Далее. Поскольку отношение общества к природе есть производственно-практическое отношение, то в конечном итоге непосредственным субъектом этой деятельности является та часть населения, которая непосредственно занята в производстве.

В данном субъектно-объектном отношении общество выступает одновременно субъектом практической и познавательной деятельности, хотя в узком смысле слова общество как субъект практики и познания функционирует по-разному. В практическом преобразо-

---

[13] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, ч. 1, стр. 28.

вании природы общество выступает как субъект практики со всеми специфическими характеристиками, которые необходимы для изменения природы, в гносеологическом отношении общество выступает как субъект познания и оперирует не самими материальными предметами, а их идеальными образами.

Общество является субъектом познания потому, что является субъектом практического действия. Предметно-чувственное воздействие субъекта на объект пронизано познанием, познавательное отношение субъекта к объекту определяется предметно-чувственным отношением.

Признание общества в качестве субъекта познания, по нашему мнению, сохраняет правомерность при строгом проведении принципа единства общего, особенного и единичного. Ф. Энгельс отмечал, что мышление отдельного человека «существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших поколений, настоящих и будущих людей» [14].

При характеристике общества как субъекта познания нас интересует отражение природы, обусловленное практически, познание ее законов и процессов. Познавательное отношение субъекта к объекту как общества к природе становится все более и более научно-теоретическим. Активность общества-субъекта относительно познания природы проявляется в движении знания от эмпирического уровня к теоретическому.

Относительная самостоятельность познания приводит к относительной самостоятельности взаимодействия общества и природы как субъекта и объекта познания. Разделение труда внутри общества приводит к появлению научных коллективов, специалистов-ученых, усилиями которых и осуществляется общественное познание природы.

Общество в качестве относительно самостоятельного гносеологического субъекта связано с объектом при помощи материальных орудий познания, которыми по отношению к обществу как субъекту познания являются материальные средства, приборы и т. д., свидетельствующие о развитии общества как субъекта практического действия и непосредственно раскрывающие связь практического и познавательного моментов.

Гносеологический анализ познавательного отношения общества и природы предполагает исследование отражения природы в сознании общества как совокупного субъекта. Результат отражения представляет собой более или менее целостную картину природы. Наиболее полная и обобщенная научная картина природы получила свое выражение в диалектико-материалистическом учении о взаимосвязи и развитии форм движения материи.

Следующий аспект субъектно-объектного отношения предполагает рассмотрение общества как субъекта практической и познавательной деятельности по отношению к самому себе как к объекту.

---

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 87.

Данное субъектно-объектное отношение реализуется через деятельность определенных общественно-исторических общностей. Таким образом, в **системе общественных отношений в качестве субъекта и объекта практики и познания выступают определенные общественно-исторические общности.** Основное место среди них принадлежит классам. Выделение субъектно-объектного отношения в системе общественных отношений — дело весьма сложное, ибо возможность данных общностей выступать субъектами исторического процесса еще не означает, что они являются таковыми на протяжении всей истории.

Любая социально-историческая общность, любой класс не могут стать конкретно-историческими субъектами социальной практики без осознания соответствующих потребностей, без того или иного осознания своей цели, своей задачи. С этим связано и определенное понимание путей, средств реализации социальных целей.

Отношение субъекта к объекту внутри общества в конечном счете есть практическое, то есть материальное целенаправленное действие, будь то в базисной или надстроечной сферах. В классово-антагонистическом обществе основной вид практической деятельности в сфере общественных отношений есть классовая борьба, высшая ее форма — борьба политическая. Классовая борьба как материальная деятельность осуществляется, подобно трудовой деятельности, с помощью **материальных орудий, в качестве которых выступают организации, социальные институты, учреждения.** Ведущую роль играют здесь политические организации, прежде всего партии и государство, взятые как материальные образования, материальные организации людей.

Как практическое преобразование природного объекта, так и практическое изменение объектов в общественной сфере невозможно без **целеполагания.** В связи с этим субъект социально-исторической практики **не может не быть субъектом конкретно-исторического социального познания.** Субъектом развивающегося социального познания, как и субъектом социального действия, оказывается социально-историческая общность (класс, и т. д.). По мере достижения социальной однородности при переходе к бесклассовому обществу субъектом общественного познания становится все общество.

Познавательная сторона данного аспекта субъектно-объектного отношения связана с отражением общественных отношений, общественно-исторической практики сознанием общностей, среди которых ведущую роль в классовом обществе играют классы. Уровень развития класса, его сплоченность, организованность, участие в практической деятельности определяют и уровень развития его как гносеологического субъекта. Специфической особенностью познания общественных отношений является то, что все его виды — виды идеологического отражения. Объективное положение субъекта социального отражения определяет истинность или ложность отражения, научный или ненаучный подход.

И, наконец, **субъектом практической и познавательной деятель-**

ности выступает человеческий индивид, а объектом — любой предмет, на который направлена эта деятельность. Осознание человеческим индивидом своей цели и средств ее реализации и позволяет нам говорить о нем, как о субъекте практического действия и познания. «...У отдельного человека,— пишет Ф. Энгельс,— для того, чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действовать, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждение его воли» [15].

Субъект индивидуального действия развивается **одновременно** и как субъект познания. Деятельность с помощью орудий труда позволяет усвоить закрепленные в орудии практические операции, общение посредством материальных знаков позволяет усвоить идеальное их содержание и приемы познания, тем самым позволяет развить индивидуальное сознание и познание.

Выделение данного аспекта субъектно-объектного отношения представляется необходимым, ибо взаимодействие общества и природы, субъектно-объектное отношение внутри общества не существуют сами по себе, в «безличном» плане, но реализуются только через деятельность отдельных индивидов. Человеческий индивид как субъект практического действия может стать таковым и становится лишь будучи включенным в определенную систему общественных отношений, в социальную общность, которая в определенном смысле приобретает известную самостоятельность по отношению к индивидуальному субъекту как объекту. Субъект практического действия предполагает физическую зрелость человека как индивида, интеллектуальное развитие, включение его в систему общественных отношений.

Столь же очевидно, что не существует познания вообще, что процесс познания осуществляется в сознании отдельного человека. Процесс познания, как и практика,— общественная деятельность. Человеческий индивид в качестве гносеологического субъекта в своем отношении к объекту всегда опосредован человеческим обществом, которое дает ему определенные материальные и духовные предпосылки, необходимые для процесса познания. Человек как субъект познания воспроизводит в чувственной и абстрактно-логической форме в своем сознании свойства изучаемого объекта. Объектом чувственного познания являются любые реально существующие предметы, отражаемые органами чувств человека. Ими выступают вполне конкретные фрагменты действительности, и в этом понимании они близки к понятию «вещь», «тело» и т. д. В чувственном познании субъект дан во всей своей природной многокрасочности, конкретности, целостности. В формах рационального познания субъект охватывает внутренние связи явлений, отвлекаясь от частностей. В силу этого объект рационального познания утрачивает черты непосредственной цельности. Однако чувственность и мышление неверно считать ступенями познания. Собственно ступенями в науч-

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 310.

ном познании является эмпирическое и теоретическое познание. Соответственно с этим эмпирический и теоретический объекты являются в определенном смысле продуктом и не могут быть определены безотносительно к эмпирической и теоретической деятельности субъекта. Прежде чем пытаться найти различия эмпирического и теоретического познания, необходимо определить их общую основу, а последняя состоит в том, что они есть уровни научного познания. И уже в рамках этого они отличаются по глубине проникновения в сущность изучаемых явлений. Для того, чтобы реальная вещь стала объектом познания, ее необходимо преобразовать в нужную для субъекта форму. Как известно, в познании субъект оперирует не самими реальными предметами, а знаниями о них, образами предметов, которые в зависимости от уровня отражения можно разделить на эмпирические и теоретические.

Эмпирические и теоретические объекты нетождественны соответствующим фрагментам действительности. Эмпирические объекты есть результат описания и объяснения действительности на уровне явления. Теоретические объекты описывают действительность со стороны внутренних связей явления. В отличие от эмпирических объектов, которые возникают на основе наблюдений, экспериментов и т. д., теоретические объекты суть результаты абстрагирования, идеализации и т. д.

При выделении различных аспектов субъектно-объектного отношения речь идет, конечно, не о более или менее самостоятельных и независимых друг от друга субъектах, а о различных сферах рассмотрения единого субъекта, который по своей сущности есть развивающаяся общественная система.

П. П. Чупин

ПРАКТИКА КАК МАТЕРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Проблема практики, несмотря на огромную литературу, посвященную ее разработке, продолжает оставаться в центре внимания философских исследований. Более того, актуальность ее дальнейшего изучения неуклонно возрастает. Обнаруживающиеся в ходе анализа этой сложной и многогранной проблемы все новые и новые аспекты свидетельствуют о ее неисчерпаемости, а достигнутые результаты содействуют общему прогрессу развития философских знаний. И это понятно. Категория практики имеет фундаментальное значение не только для теории познания, но и для марксистско-ленинской философии в целом.

Уже в «Тезисах о Фейербахе», первом документе, содержащем в себе, по словам Ф. Энгельса, «гениальный зародыш нового мировоззрения» [1], К. Маркс, обращаясь к этой проблеме, писал: «Общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [2].

Три взаимосвязанных момента обращают на себя внимание в этом тезисе. Во-первых, указание на практическую основу и сущность человеческой жизни, общественных отношений. Развертывание этого положения путем выделения из всех общественных отношений отношений экономических как главных и определяющих дает в конечном счете диалектико-материалистическое понимание истории. Во-вторых, подчеркивание определяющей роли практики в познании. Развертывание данного положения создает прочный фундамент для последовательно материалистического истолкования сущности познавательного процесса, его диалектически противоречивого характера. И, наконец, в-третьих, оба указанных момента, в свою очередь, предполагают выработку правильного, т. е. диалектико-материалистического понимания самой категории практики.

В чем же заключается правильное понимание практики? Каковы те условия и требования, соблюдение которых обеспечивает науч-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 371.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 3.

ный подход к анализу данной категории и к выработке адекватного определения ее?

Известно, что поиски такого подхода со стороны всей домарксистской философии не привели к успеху. Старый материализм постоянно обращался к чувственности, видя в ней форму непосредственной связи человека с внешним миром. Но при этом саму чувственность он, по выражению К. Маркса, брал «только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*». Его главным недостатком было то, что он не смог понять чувственность как «человеческую чувственную деятельность», практику. Поэтому и оказалось, что «деятельную сторону» (человека), в противоположность материализму, в ряде случаев развивал идеализм, «но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»[3]. Связывая свое представление об активности субъекта только с формой духовной деятельности (сознанием, волей), идеализм в принципе исключал возможность понимания практики как «предметной деятельности». Между тем истинное решение проблемы, подчеркивал К. Маркс, как раз и состоит в том, чтобы эту «деятельную сторону» человека, практику понимать как революционно-пребразующую, предметно-чувственную, т. е. материальную деятельность.

Мир человека — это прежде всего мир человеческой деятельности, и «человеческая действительность» утверждается в качестве таковой не иначе как посредством именно материальной, практической деятельности людей во всех многообразных формах ее проявления. Таков главный вывод, к которому приходят К. Маркс и Ф. Энгельс. Коренное отличие нового взгляда выражено здесь предельно ясно. Но не менее ясно и то, что при таком подходе категория практики — это не только и не прежде всего гносеологическая категория. Центральное место практики в теории познания — не предпосылка, а следствие из признания решающей роли ее в общественно-историческом процессе в целом.

Анализ роли практики, как уже отмечалось выше, неотделим от выработки правильного определения самого понятия ее. Диалектико-материалистическое понимание категории практики основывается на определенной интерпретации отношения между субъектом и объектом. Практика — это философская категория, предназначенная для выражения такого отношения между субъектом и объектом, сущность которого состоит в материальном воздействии субъекта на объект, в целенаправленном изменении его. В процессе и результате практической деятельности изменение объекта неизбежно приводит к самоизменению субъекта, его внутреннему обогащению, к актуализации в нем новых возможностей, обеспечивающих дальнейший прогресс как в развитии самой практики, так и вырастающего на ее основе познания. Важнейшими **формами** практики являются материальное производство, общественно-политическая деятель-

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 1.

ность, научный эксперимент. Каждая из форм, в свою очередь, подразделяется на **виды.** Своеобразие в проявлении видов и форм и их соотношения в определенных исторических условиях выражается понятием **типа** практики. Понятие типа практики сближается с такими понятиями, как «способ производства» и «общественно-экономическая формация», но не тождественно им. В известном смысле оно шире первого, но уже второго. Способ производства составляет ядро соответствующего типа практики, но не исчерпывает всего его содержания. Напротив, понятие общественно-экономической формации включает в себя такие стороны общественной жизни, которые не покрываются понятием исторического типа практики, хотя в конечном счете и определяются ею. Существенной чертой понятия исторического типа практики является то, что определенные этапы в развитии общества оно характеризует в аспекте предметной деятельности и структуры этой деятельности.

Из понимания практики как процесса материального взаимодействия между субъектом и объектом, процесса, в котором субъект посредством своей собственной активности осуществляет целенаправленное изменение объекта, следует, что обе взаимодействующие стороны данного процесса являются материальными системами. В трудовой практической деятельности,— подчеркивал К. Маркс,— человек «...действует предметным образом»[4]. «Веществу природы он сам противостоит как сила природы»[5]. Однако субъектом является не любая материальная система, а лишь такая, функционирование которой опосредовано сознанием и целесообразной волей. В самом широком смысле субъектом практики выступает общество как конкретно-историческая совокупность действующих людей в их отношении к природе. Но независимо от того, идет ли речь обо всей этой совокупности или только об определенной части ее, или, наконец, об отдельном индивиде, выступающем в этой роли, субъект практики есть всегда общественный субъект[6].

Возникшая в условиях общения между людьми и будучи сама одним из средств такого общения, практическая деятельность человека выступает как особая форма его общественной деятельности не только потому, что ее субъект (человек) есть член общества, но прежде всего потому, что независимо от того, как организована эта деятельность, является ли она непосредственно коллективной или нет, она всегда и везде по своему содержанию, смыслу, цели, назначению, по самой своей природе, наконец, имеет общественный характер. «Индивид *есть общественное существо*,— писал

---

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Их ранних произведений. М., 1956, стр. 630.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 188.

[6] В литературе высказывается мнение, что **субъектом действия** является материальная, практическая деятельность, направленная на изменение объекта. Но субъектом практики не может быть сама практика; в действительности в качестве субъекта может выступать определенная материальная система, которая посредством практики, т. е. материального действия, преобразует бытие предметов материального мира.

К. Маркс.— Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением *общественной жизни*» [7].

В структуру субъекта помимо тех органов, функционирование которых обеспечивает естественную, физиологическую предпосылку выполнения практических актов, необходимо включить также средства, орудия труда, технику, составляющие, так сказать, его «неорганическое тело». Человеческое общество выделилось из животного стада благодаря систематическому изготовлению и употреблению орудий труда, и поэтому уровень технической оснащенности является объективным показателем степени развитости самого общества. «Экономические эпохи, — писал К. Маркс, — различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [8].

В актах практики, в частности, трудовой деятельности, постоянно возникает и разрешается противоречие между человеком и орудиями, с одной стороны, и природой — с другой. Предмет природы, подвергнутый изменению в ходе труда, сам может стать средством воздействия на другие вещи, включаясь, тем самым, в общий преобразовательный процесс природы человеком. Но орудия, средства практической деятельности вообще лишь в том случае могут быть включены в структуру субъекта, когда они используются человеком в качестве проводников его воздействия на объект. В противном случае они либо сами становятся объектом, либо вообще выходят за пределы субъектно-объектных отношений.

«Средства труда, — писал К. Маркс, — есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметами труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействия на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи... Так данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего [9]». Стремясь удовлетворить свои потребности, человек объективирует свои способности с помощью средств труда, которые, будучи материальными предметами, подчиняются объективным законам действительности и определяют способ его деятельности, совпадающий с необходимостью последней.

Б. А. Воронович в книге, специально посвященной анализу структуры практики, правильно отмечает, что развертывание практической деятельности происходит в результате взаимодействия трех моментов — цели, физиологических средств и техники,— и что

---

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 590.
[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 191.
[9] Там же, стр. 190.

лишь единство этих трех моментов составляет практический процесс[10]. Однако в ходе самого анализа автор не раскрывает это единство в полной мере. Вопрос о структуре практики остается невыясненным, а проблема соотношения физиологического и технического рассматривается, главным образом, лишь в плане критики «техницизма».

Категорией, противоположной субъекту, является объект. Под объектом практического отношения понимается все то, что так или иначе испытывает воздействие со стороны субъекта, на что направлена его деятельность. Иными словами, объект — это часть или сторона объективной реальности, актуально связанная с субъектом и преобразуемая в ходе его деятельности.

Так, если в самом широком смысле субъектом практики является общество, то ее объектом, соответственно, — та все увеличивающаяся часть природы, которая втянута или втягивается в сферу жизнедеятельности общества. Но общество в целом есть совокупный субъект, и как таковой он обладает структурой, элементы которой вступают в актуальную, конкретную и конечную связь не только с предметами природы или продуктами прошлой человеческой деятельности, но и друг с другом. Возникающее при этом множество субъектных подсистем образует сложную иерархию субъект-объектных отношений, в которой названные подсистемы, в свою очередь, могут выступать в одной связи в роли субъекта, в другой — в роли объекта или фактора, опосредствующего воздействие первого на второе, и наоборот. Более того, само общество, выступающее как субъект в отношении природы, выступает объектом для самого себя. Подобным же образом любая субъективная подсистема, преобразуя внешнюю действительность и преобразуясь сама в ходе этого процесса, может в то же время целенаправленно изменять определенные компоненты своей собственной организации, т. е. одновременно выступать и субъектом и объектом одного и того же практического акта.

Субъект-объектное отношение в практике обладает особым содержанием: его нельзя понять вне связи с основным вопросом философии, но, с другой стороны, оно и не является простой конкретизацией взаимоотношения таких категориальных пар, как сознание и бытие, мышление и материя. Прежде всего, деление на субъект и объект в актах практики ни генетически, ни актуально не совпадает с делением всего того, что существует, на идеальное и материальное, ибо и субъект и объект принадлежат одной и той же сфере — сфере материального. Отношение между субъектом и объектом не может быть истолковано также в плане первичного и вторичного или в плане связи свойства и его носителя. Объект (речь идет именно об объекте, а не о предметах материального мира вообще) не предшествует субъекту (в данном случае обществу, взятому во всем его

---

[10] См.: Б. А. Воронович. Философский анализ структуры практики, стр. 126.

историческом развитии), равно как и субъект объекту, если их соотношение рассматривается не в аспекте основного гносеологического вопроса, а в аспекте практики [11]. Природа существовала задолго до человека и его сознания, но бытие природы как объективной реальности вообще нельзя отождествлять с ее бытием в форме объекта для субъекта, первое не покрывает второе. Особенность субъект-объектного отношения в практике состоит в том, что субъект (общество) не может сформироваться как субъект, не формируя свою противоположность — объект, и только формируя свой объект, он тем самым формирует и себя в качестве действительного субъекта. При этом субъект, разумеется, не творит объект из ничего, но будучи материальной системой, вписанной в окружающий мир, он (субъект) взаимодействует с предметами этого мира, преобразует их и, только превращая посредством своей деятельности предметы действительности из «вещей в себе» в «вещь для себя», он тем самым превращает их в объекты практического отношения.

Объект, таким образом, оказывается обязанным своим происхождением материальной деятельности субъекта и в этом смысле зависим от него, но из этого вовсе не следует, что он не может существовать независимо от субъекта. Процесс практического действия угасает в его результате, поэтому последний может быть мыслим (и действительно существующим) вне необходимой связи с субъектом и той конкретной формы, в которой субъект реализовал свою цель. Независимость объекта от субъекта в практике обусловлена наличием объективных законов, которым подчиняется бытие объекта. Поэтому хотя субъект и может в соответствии со своими целями вызвать к жизни бытие **особых вещей** (т. е. вещей, не существующих в действительности в готовом виде), он не может создать **особого бытия** вещей, которое шло бы вразрез с законами объективного мира.

Буржуазные философы, а заодно с ними и современные ревизионисты, спекулируя на понятии активности субъекта, усиленно распространяют мнение, что в философии диалектического материализма якобы проводится фатальный взгляд на практику, лишенный гуманистического содержания. Этот «фатализм» они усматривают, в частности, в том, что диалектический материализм защищает тезис об актуальной обусловленности практики законами внешнего мира и результатами прошлой деятельности, тогда как, по их мнению, этот тезис несовместим с признанием ее как активной (гуманистической) деятельности, направленной на достижение таких извечных антропологических ценностей, как свобода и счастье людей.

Исторический прогресс в достижении свободы действительно опосредован человеческой активностью, реализующейся в форме практики. Но изображать эту активность как деятельность, оторванную от внешнего мира, — это значит извращать само существо-

---

[11] См.: П. В. Копнин. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966, стр. 67—68; С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 56.

категории практики, сводя ее лишь к духовной, теоретической деятельности сознания. И как бы после этого ни возносить на словах практику вплоть до провозглашения ее в качестве центральной категории проповедуемого ими «гуманистического марксизма», эта трактовка не содержит ни грана марксизма и является антигуманистической по существу. Ведь подлинный гуманизм заключается не в проповеди благих идей и намерений, а в реальном изменении условий существования, в преобразовании их в истинно человеческие.

Диалектико-материалистическое понимание практики, основываясь на признании ее материальности, необходимо предполагает раскрытие соотношения материального и духовного моментов в деятельности субъекта. Практика есть процесс материальный, но вместе с тем это такой процесс, в ходе и результате которого субъект осуществляет свою сознательную цель. Поэтому раскрытие содержания понятия практики не может быть сведено к выбору одной из сторон альтернативы: либо сознательная активность, либо материальный процесс. Практика является высшей формой проявления человеческой активности, и это происходит именно потому, что она является опосредованной сознанием материальной деятельностью. Цель и план (как результат опережающего отражения), целесообразная воля, способность субъекта регулировать и контролировать свое взаимодействие с объектом являются столь же необходимыми моментами практического акта, как и сам материальный процесс. «Целесообразная деятельность, — правильно замечает в этой связи Б. А. Воронович,— не имеющая продолжения в актах сознательного преобразования объективного мира, не является практикой, равно как и материальный процесс, не обусловленный и не контролируемый сознательной деятельностью человека, не может рассматриваться в качестве практического» [12].

Целеполагание как атрибут общества есть существенный, необходимый и отличительный признак практической деятельности в любой ее форме. Объективный процесс развития мира, подчеркивал В. И. Ленин, протекает в двух формах: в форме природного процесса (механического, химического и т. д., совершающегося в природе независимо от человека) и в форме целеполагающей деятельности людей, практики [13]. Своеобразие практического процесса заключается в форме его осуществления: будучи материальным по содержанию, этот процесс является субъективным по форме в том смысле, что пронизан сознанием, регулируется и контролируется им. Вместе с тем, поскольку этот субъективный момент объективируется в процессе и результате практики, последняя (как деятельность, обращенная к объекту и совершающаяся вне сознания субъекта) «...имеет не только феноменальное (в юмистском и кантианском смысле слова), но и объективно реальное значение» [14].

[12] Б. А. Воронович. Философский анализ структуры практики, стр. 149.
[13] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 170.
[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 106.

Практике как материальной деятельности субъекта противостоит познавательная, теоретическая деятельность его сознания. Сознание же — сфера духовного, идеального. В этой связи встает вопрос: входят в структуру самой практики какие-то элементы духовного или нет? Если нет, то не исключает ли это признание ее сознательного характера, если да, то совместимо ли это с определением ее как безусловно материальной, предметной деятельности? Не следует ли из признания сознательности практики определять ее как деятельность не только материальную, но, вместе с тем, идеальную? Сложность этих вопросов составляет, как известно, один из важнейших пунктов современных дискуссий по проблеме практики и ее соотношения с познанием.

Существует мнение, что вследствие взаимопроникновения материального и духовного моментов в актах познания определить то, что является практикой, можно только функционально, а не по характеру самой деятельности. Так, немецкие авторы Г. Клаус и Д. Виттих пишут: «...практикой является любая материальная или идеальная деятельность, которая есть непосредственная основа, непосредственная цель и непосредственный критерий истины в познании»[15]. Еще более «радикально» эту точку зрения проводит Э. Я. Баталов: «Теоретическая деятельность, — пишет он, — ...сама есть практика, то есть преобразование мира — только не материальное, а идеальное»[16]. При таком подходе всякое различие между познанием и практикой исчезает уже полностью, ибо теоретическая, познавательная деятельность сама оказывается формой практики. В действительности же практическая и теоретическая деятельность — это не различные формы практики, а различные формы человеческой деятельности. Включение в понятие практики теоретической деятельности ведет к ликвидации идеального, к растворению его в материальном, а следовательно, в конечном счете и к снятию основного гносеологического вопроса. И хотя этот вывод, разумеется, не делают сами сторонники рассматриваемой точки зрения, он неизбежно следует из принятых ими посылок.

Однако если теоретическая деятельность не может быть включена в понятие практики, то все же может быть целесообразно (как это делают некоторые авторы) ставить вопрос о включении в него отдельных элементов духовного? В самом деле, если практика есть сознательная деятельность, то такое «включение», на первый взгляд, представляется вполне логичным. Это тем более кажется справедливым в связи с возрастанием субъективного момента в практике, усилением ее научного характера и т. д. Вся трудность, однако, при такой постановке вопроса состоит в том, как правильно отмерить этот духовный момент и где гарантия того, что, вклю-

---

[15] Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1961, N 11, s. 1390—1391.

[16] Э. Я. Баталов. Разрушение практики (критика маоистской концепции практики).— «Вопросы философии», 1969, № 3, стр. 100.

чив один момент, мы не включим также и другие? Ведь совершенно очевидно, что в осуществлении элементарного практического акта этот духовный элемент может выглядеть весьма скромно, сложный же акт практики может потребовать глубоких научных сведений и, следовательно, теоретической деятельности для его реализации. Включать ли и в этом случае ее в понятие практики или нет, остается неясным, и подобные вопросы будут вставать неизбежно до тех пор, пока не будет устранена противоречивость исходной позиции.

В действительности, решение указанной проблемы надо искать не на путях включения теоретической (и духовной вообще) деятельности в понятие практики, а на единственно верном пути их диалектической взаимосвязи как единства противоположностей. Практика всегда есть материальная деятельность, и как таковая она не содержит в себе никаких элементов идеального, духовного. Но практическая деятельность есть лишь одна из двух взаимосвязанных сторон человеческой деятельности, другой ее стороной является деятельность духовная, теоретическая. И как бы эти стороны ни переплетались друг с другом, качественное различие между ними (т. е. между материальным и духовным способами освоения мира) всегда остается. Сознание переходит в практику и вместе с тем не переходит в нее. Переход сознания в практику есть процесс его объективации и, значит, отрицания как идеального. В непосредственной же своей идеальной форме оно регулирует и контролирует практический процесс, придает ему характер целенаправленного, сознательного действия, но не переходит в буквальном смысле в практику (т. е. не отрицает себя), а проявляется в ней в качестве одной из неэлиминируемых предпосылок для ее осуществления. Поэтому диалектическая взаимосвязь, единство, а не тождество этих сторон человеческой деятельности при определяющей роли практики в нем является необходимым условием для дальнейшего развития как самой практики, так и вырастающего на ее основе познания.

В. В. Ким

ПРАКТИКА И ЗНАКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Знак есть средство отвлеченной и обобщающей деятельности, осуществляемой в условиях общественной практики и общения людей. По справедливому замечанию А. Полторацкого и В. Швырева, знаки являются не только отличительным признаком жизнедеятельности человеческого общества, но и необходимым его условием. Поэтому «употребление знаков должно быть понято как определенный механизм, обслуживающий общественно-производственную деятельность, и, следовательно, являющийся по отношению к ней вторичным, производным» [1]. Но множество знаковых наборов, выработанных и используемых людьми в практической деятельности, имеет длительную историю. Без прослеживания определенных форм деятельности организмов в живой природе нельзя материалистически объяснить возникновение в человеческом обществе подлинных знаков и знаковой деятельности.

В настоящей работе нас будет интересовать только один аспект отношения общественной практики и знаковой деятельности, а именно, генезис знаковой деятельности.

Все высшие животные находятся в информационных отношениях с внешней средой, им присущ анализ сигналов, содержанием которого является информация, и сигнальная деятельность. В их приспособительном поведении выработалась способность обнаруживать вещи по отдельным признакам — по звукам, по запахам и т. п. Однако в объективной действительности не все эти признаки, являющиеся так или иначе основой информационной связи и сигнальной деятельности, имеют одинаковое значение для жизнедеятельности организма. Одни из них имеют непосредственное биологическое значение, т. е. являются биологически релевантными, другие же не имеют такого прямого значения, т. е. биологически нейтральны, индифферентны. Но именно эти нейтральные факторы, через посредство нервной системы, могут сигнализировать о наличии в окружающей среде явлений, признаков и т. д. биологически важных, именно эти нейтральные признаки выполняют для животных функцию сигнала и определяют их сигнальную деятельность.

---

[1] А. Полторацкий, В. Швырев. Знак и деятельность. М., 1970, стр. 58.

Таким образом, сигналы несут биологическую информацию не о себе, а о тех вещах, сигналами которых они являются. Сигналы замещают, представляют, обозначают биологически релевантные явления, а сигнальная система представляет, обозначает собственно отношения этих явлений, имеющих существенное биологическое значение. При этом сигнальная система должна быть изоморфной не только поведенческой деятельности животных, но и самим объективным отношениям, биологически релевантным вещам. Только в этом случае сигналы и сигнальные системы приобретают коммуникативные и информативные функции, подобные знакам и знаковой деятельности. Поэтому можно и нужно говорить о сигналах и сигнальных системах у животных как о явлениях **знакоподобных** (семиоидных), а их сигнальную деятельность характеризовать как **предзнаковую** деятельность. В собственном же смысле говорить здесь о знаках и знаковой деятельности неправомерно, ибо в сигналах и сигнальных системах нет условности и преднамеренности, они находятся в естественной связи, в причинной зависимости с обозначаемыми вещами. Животные, не выделяя себя из природы, используют сигналы в узко ограниченной области, не выходящей за пределы естественно складывающегося разнообразия жизненно важных ситуаций. В этом отношении сигналы выполняют как информационную, отражательную, так и регулирующую, управляющую функции[2]. Если бы сигналы адекватно не отражали окружающую среду, не организовывали бы поведение животных, последние не смогли бы вообще существовать. И многочисленные исследования поведения животных (особенно их сообществ) действительно показывают, что у них существуют своеобразные «языки» — системы сигналов, выработанные биологической эволюцией в процессе совместной жизнедеятельности.

Так как непосредственной «целью» действия животного никогда не является природа как таковая, то и отношения вещей и их объективные свойства никогда не отделяются им от потребности, а, следовательно, и информация о вещах не существует для него как таковая. Поэтому сигнал следует расценивать только как знак в потенции, как его генетическую предпосылку. В рамках же человеческой практической деятельности, сигнал, будучи воспринят человеком, который извлекает объективно значимую информацию, выступает как знак. Следовательно, в строгом смысле слова-знаки создаются и используются только людьми в их практической и познавательной деятельности. Однако в нашей литературе получило широкое распространение представление о том, что знаки и знаковая деятельность имеют место далеко за пределами человеческого общества. Так, Ю. С. Степанов, определяя знаковую систему как «материальный посредник между двумя другими материальными системами», знак отождествляет со всяким посредником

[2] См.: В. С. Тюхтин. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972, стр. 126—127.

материального взаимодействия. Поэтому самые различные явления, начиная от «следа на камне от удара о другой камень» и «изгиба стебля цветка под воздействием солнечного света» и кончая расстановкой мебели, живой речью и символами математической логики, с его точки зрения являются одинаково знаковыми системами [3]. Такая трактовка знаков и знаковых систем идет дальше бихевиористской концепции Ч. Морриса. Правы А. Полторацкий и В. Швырев, когда говорят, что «знаки появляются в человеческой деятельности и могут быть поняты только в ней и через нее» [4].

В силу того, что в бесконечных цепях воспроизводства своего собственного существования животное никогда не выходит за рамки непосредственной тождественности со своей жизнедеятельностью, внешний объект есть лишь часть его самого; поэтому животное не «относится» ни к чему и вообще не «относится» к природе [5]. Для животного его отношение к другим не существует как отношение, ибо предмет отношения и отношение к нему слиты воедино. Человек же вступает в практическое отношение с природой через посредство некоторых природных объектов, видоизмененных им в средства подчинения природы своим целям. Больше того, человек, выделяясь из природы, образует свою собственную человеческую среду. «**Человеческая** среда,— пишет А. Н. Леонтьев, — это уже не только то, к чему должен приспосабливаться человек; в ней кристаллизован опыт человеческих поколений, исторически сложившиеся человеческие способности — способы и средства человеческой деятельности. Среда для человека — это прежде всего то, что создано человеком. Это — человеческое творение, это культура» [6].

Тем не менее следует отметить то обстоятельство, что животное определенным образом использует, хотя и односторонне, объективные свойства и отношения вещей для ориентации в окружающей среде. Причем хорошо известно, что приспособление животных к условиям среды осуществляется не столько путем морфологических изменений, сколько функциональным путем, т. е. как результат изменения поведения живых существ, при котором решающее значение приобретает нервная система. Именно животные становятся носителями качественно иного, представленного первоначально в элементарных формах психики, а затем в более развитой форме «ручным мышлением», способа жизнедеятельности, в

---

[3] См.: Ю. С. Степанов. Семиотика. М., 1971, стр. 81—91.

[4] А. Полторацкий, В. Швырев. Знак и деятельность, стр. 83. Об этом же см.: В. А. Штофф. Введение в методологию научного познания, гл. III. Л., 1972.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29.

[6] А. Н. Леонтьев. Культура, поведение и мозг человека.— «Вопросы философии», 1968, № 7, стр. 50.

котором возникают зародыши высшей формы деятельности в виде примитивного использования свойств и отношений вещей [7].

Труд, начинающийся с изготовления орудий деятельности, определяет всю систему отношений человека с внешним миром. Орудия труда, представляющие собой материализацию способа воздействия на природу или средство такого воздействия, одновременно являются и одним из способов актуализации труда и продуктом этой актуализации. Они неотделимы ни от целей субъекта, которым они служат, ни от целесообразной деятельности, в ходе которой они приобретают право на существование. Следовательно, вещи, данные природой, в качестве орудий труда не только получают особую форму, но и становятся общественными предметами [8], представляющими «определенный способ употребления, который общественно выработан в процессе коллективного труда и который закреплен за ним» [9].

Орудие труда, помимо своего действительного бытия, вместе с тем есть и общественно выработанная операция с предметами труда, получает идеальное бытие, вытекающее из функции общения с природой [10]. Отмеченная особенность возникает в процессе труда благодаря замещению вещества, данного природой, опредмеченной в форме орудия системой операций, с помощью которой человек воссоздает, воспроизводит данное ранее природой. Таким образом, орудие труда действительно есть форма функционального бытия вещей природы и самого человека в результате взаимодействия общества и природы, как актуализация их диспозиционных свойств [11].

Функционирование орудий труда в производственной деятельности представляет собой осуществление знакового отношения человека к миру, которое есть лишь один из моментов, аспектов практического отношения субъекта и объекта, когда орудия труда выполняют определенную знаковую функцию в материально-практической деятельности человека. Знаковое отношение в сущности неотделимо от практического отношения, оно складывается на основе последнего в виде сложных отношений знаков как между собой, так и отношений субъектов через посредство знаков. Деятельность с помощью орудия позволяет не только усвоить закрепленные в орудии практические операции, сколько развивать общение, взаимодействие людей, содержанием которого является взаимное познание и обмен информацией. Через практику прежде всего опо-

---

[7] См.: Н. Н. Ладыгина-Котс. Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе). М., 1959; Г. Ф. Хрустов. Становление и высший рубеж орудийной деятельности антропоидов. М., 1964.

[8] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 593; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 88—89.

[9] А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1972, стр. 277.

[10] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 91; т. 23, стр. 136.

[11] Всестороннее обоснование объективного характера диспозиционных свойств см.: И. С. Нарский. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969.

средуется такой специфический вид знакового отношения, как прагматическое, характеризующее отношение знака как выразителя воли или чувства одного субъекта к другому субъекту. В осуществлении данного знакового отношения решающая роль принадлежит орудиям труда, выполняющим знаковую функцию. Параллельно и в тесной связи с прагматическим отношением в ходе истории формируются, развиваются и другие виды знаковых отношений — семантическое, синтаксическое и сигнификативное. Непосредственно-чувственный деятельный контакт человека с предметным миром, с другими людьми и развертывающееся оперирование разнообразными знаками вызывает к жизни собственно человеческое отражение мира.

Орудия труда в собственном смысле не являются знаками, ибо они, выполняя знаковую функцию, начисто лишены свойства произвольности, конвенциональности. Но, воплощая в себе предметно знания человека, орудия дают возможность судить не о них самих, а о других процессах и вещах, находящихся вне их. В этом отношении весьма интересны мысли Маркса о том, что знаки не только материализуют мысленные, идеальные образы, но и замещают и представляют другие предметы, совершенно отличные от них самих. Так, говоря о бумажных деньгах как знаках золота, он указывает: «Их отношение к товарным стоимостям состоит в том, что последние идеально выражаются в тех самых количествах золота, которые получают в бумажных чувственно воспринимаемое символическое выражение. Бумажные деньги лишь постольку знаки стоимости, поскольку они являются представителями известных количеств золота, а количество золота, как и всякие другие количества товаров, есть в то же время качество стоимости» [12].

Больше того, знаки не только обозначают предметы, но, как отмечает Маркс, они могут обозначать и операции с предметами. Он обращает внимание на то, что символические дифференциальные коэффициенты $\frac{du}{dx}, \frac{dz}{dx}$, «если вместо u и z представить произвольные первоначальные функции от x, например, $u=x^4$, $z=x^3+ax^2$», тотчас же «превращаются в *оперативные символы,* в символы процессов, которые должны быть выполнены над x^4 и x^3+ax^2 для отыскания их «производных»... Символический дифференциальный коэффициент теперь играет роль символа тех операций дифференцирования, которые только предстоит еще произвести» [13]. При этом исключительно важно указание Маркса о том, что знаки, в зависимости от объективных потребностей, могут быть или отменены, или заменены новыми, более удобными. Чтобы функционировал знак, необходима конкретная знаковая ситуация, определяемая потребностями человеческой деятельности [14].

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 139.
[13] К. Маркс. Математические рукописи. М., 1968, стр. 57.
[14] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 139—140.

Руководствуясь идеями Маркса, можно констатировать, что уже с самого начала появления орудия выполняют знаковую функцию указания, сообщения о системе действий для их опредмечивания в предмет потребности, а также функцию замещения самой системы операций, ранее передававшихся непосредственно. Действительно, первоначально собственно трудовые операции людей и их общение представляют собой единый процесс, при котором сами трудовые операции оказывают воздействие не только на природу, но и на других участников производства. При этих условиях трудовые операции приобретают «двоякую функцию: функцию непосредственно производственную и функцию воздействия на других людей, функцию общения»[15]. Использования орудия в качестве средства общения, в качестве знака требовала сама материально-практическая деятельность. Сама знаковость орудий представляла собой специфическую форму отражения объективно существующей действительности.

В дальнейшем обе эти функции разделяются между собой. Постепенно трудовые операции отражаются и закрепляются в виде «фигур логики», в связи с чем появляется и развивается необходимость в более совершенных средствах общения и формах сознательного обобщения действительности, способах опосредования человеческой деятельности. Функции указания и замещения отделяются от системы функций орудия и материализуются в особых средствах. И в этом ничего удивительного нет. Существенные отношения практики соответствуют в целом закономерным связям природы. Логическая структура и категориальный аппарат мышления развиваются на основе общественно-исторической практики, они возникают как кристаллизация наиболее общих и существенных практических операций[16]. Поскольку эти операции соответствуют используемым в них закономерностям природы, постольку фиксация их в сознании отражает и общие связи материального мира вообще. Этот процесс связан с превращением качественно определенных видов труда в абстрактный, всеобщий, в ходе которого особые навыки труда все более и более становятся чисто абстрактной деятельностью, индифферентной к своей особой форме. Она «становится лишь *формальной* или, что то же самое, всего лишь *вещественной* деятельностью, деятельностью вообще, безразличной по отношению к форме»[17].

В ходе становления практическое отношение человека к природе, ведущее к развитию материально-практической деятельности, с естественно-исторической необходимостью порождает такую специфическую форму человеческой деятельности, как духовно-познавательную. При этом средством опосредования и обособления данной формы деятельности от практической служат знаки, кото-

---

[15] А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1972, стр. 281.
[16] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 172, 198.
[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 248.

рые, собственно, и выступают орудием теоретической деятельности. Следовательно, в этом процессе знаковая деятельность представляет собой не какую-то самостоятельную сферу, а является определенным аспектом как практической, так и теоретической деятельности.

Первоначально духовное производство, т. е. деятельность человека по производству идей, представлений, сознания, «непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей» [18]. В дальнейшем происходит отделение теоретической деятельности от практической. Эмансипируясь от сферы материально-практической деятельности, производство сознания, идей, представлений может вообразить себе, что «оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного» [19]. Идеальное как познавательный образ предмета реально существует для другого субъекта в процессе общения между людьми, а значит, и для самого мыслящего субъекта только тогда, когда оно выступает в чувственной материальной форме — в виде слов, предложений, т. е. знаков. Познавательные образы только в языке, приобретая свою чувственно-материальную форму, становятся реальными для других субъектов.

Как духовное производство обособилось в виде относительно самостоятельной деятельности от материального, так и знаковая реальность, осуществляя непосредственную действительность становящегося сознания, приобретает известную самостоятельность. **Знаковая реальность** — это исторически возникающая благодаря деятельности людей и объективно существующая совокупность знаков и знаковых систем, представляющая собой материальные формы выражения и закрепления систем идей (понятий, знаний) и средство приобретения, хранения, преобразования и передачи этих идей в человеческих коллективах. Объектами знаковой реальности — знаковыми системами — могут быть самые различные материальные предметы, используемые людьми для обозначения, представления и замещения чего-либо, находящегося вне их. При этом функционирование определенных систем материальных объектов в качестве знаковых систем составляет лишь одну из сторон социальных взаимодействий, познавательных процессов, работы технических систем, явлений искусства и т. д.

В связи с формированием знаковой реальности выделяется специфический вид материальной деятельности — **знаковая деятельность** человеческого общества. Она представляет собой способ оперирования знаками для получения из них определенной инфор-

[18] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 24.
[19] Там же, стр. 30.

мации о той или иной сфере человеческой деятельности и ее объектах. В различных формах знаковой деятельности осуществляется или распространение (и обмен) в обществе уже известных сведений, или перекодировка имеющейся информации в ходе общения, или получение новой информации в процессе оперирования со знаковыми моделями реальных процессов и предметной деятельности. В процессе знаковой деятельности можно получить не только семантическую информацию об объектах, событиях, но и эмоционально-экспрессивную информацию о субъективных желаниях, вкусах, оценках и т. п. отправителей сообщений. Таким образом, на основе материально-практической деятельности и в тесной связи с обособившейся от нее относительно самостоятельной духовно-познавательной деятельностью неуклонно развиваются также и общественно необходимые формы материально-знаковой деятельности. Материально-практическая деятельность является определяющей, ведущей, а материально-знаковая представляется как бы «вторичной», ибо опосредована через духовно-теоретическую деятельность. В связи с тем, что материально-знаковая деятельность имеет дело со знаковой реальностью, то и о подлинно знаковой деятельности, как относительно самостоятельной сфере человеческой деятельности, можно говорить лишь тогда, когда сформировалась, сложилась и развилась знаковая реальность.

Исторически первой формой знаковой реальности является язык. Язык и языковая деятельность, возникающие вместе с человеческим сознанием, создают необходимые условия для развития всех других форм знаковой деятельности. Если первоначально орудие труда выступило преобразователем объективной реальности в субъективную и наоборот, то язык продолжил его дело в качестве функционирующей и развивающейся системы знаков [20]. Основная функция словесного знака — коммуникативная, обусловленная необходимостью социального общения. Но в то же время язык как действительность мысли, как форма существования мысли, является и важным гносеологическим фактором. Он выводит человеческий интеллект за рамки чисто биологических реакций и животных форм общения, обусловливает освоение человеком бесконечного многообразия мира явлений, связей и отношений природы и общества. Следовательно, словесный язык несет в себе двойную социальную функцию: он в одинаковой мере служит как средством коммуникативной, так и средством интеллектуальной деятельности [21]. Язык служит средством обмена опытом не только

---

[20] См.: А. Г. Волков. Язык как система знаков. М., 1966; Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, стр. 43—45; В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.

[21] Именно в этой двойной социальной функции Л. А. Абрамян усматривает специфику словесных языков. Для всех других несловесных знаковых систем характерно разделение этих функций: одни служат лишь средством коммуникации, другие же являются средством интеллектуальной деятельности. (См. Л. А. Абрамян. Гносеологические проблемы теории знаков. Ереван, 1965, стр. 82).

в производственной, но и во всей материально-практической и материально-знаковой деятельности человечества, средством регулирования всех общественных отношений, не говоря уже о том, что он служит орудием мышления и обмена мыслями между членами общества [22]. Как средство общения словесный язык универсален, поскольку с его помощью можно выразить любые жизненные ситуации. Но для целей научного познания материализация мысленных образов средствами естественного языка совершенно недостаточна и потому на его основе формируется система искусственных языков — формализованные языки математической логики, логико-информационные языки для различных отраслей науки и техники, алгоритмические языки и т. д.

Таким образом, возникнув как следствие развития общественно-производственной практики, как механизм обслуживания и сохранения достигнутого социального опыта, «знаковые системы в силу заложенных в их природу возможностей могут стать в известной мере фактором, обусловливающим развитие общественно-производственной деятельности»[23]. Появившиеся знаковые системы, подобно орудиям труда, опосредствуют связь природы и общества, представляют собой и результат взаимодействия человека с природой, и условие воздействия на последнюю. Используя естественное, субстанциональное бытие знака, человек делает его проводником не только своих сил и способностей для практического преобразования окружающего его мира, но и средством для изменения самого себя. Второе обстоятельство связано с тем, что эти знаковые системы, в особенности язык, превращаются в важнейший фактор интеллектуального порядка, по-новому сплачивающий и объединяющий людей в коллективы. Они выступают прежде всего как средство общения между людьми, как средство выражения мысли, как средство накопления, сохранения и передачи социального опыта и знания. Знаковые системы представляют собой важнейший механизм совершенствования и развития социального опыта человечества.

---

[22] Известны разновидности языка, где в принципе упор делается не на коммуникативную функцию языка,— таковы, например, поэзия, ораторское искусство и др. Вопрос о соотношении коммуникативной и других функций языка применительно к поэтическим текстам см.: Ю. М. Лотман. Лекции по структуральной поэтике, вып. 1. Труды по знаковым системам, I. Тарту, 1964; он же. Анализ поэтического текста. Л., 1972.

[23] А. Полторацкий, В. Швырев. Знак и деятельность, стр. 102.

В. В. Байлук

ПРЕОБРАЗУЮЩАЯ И ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИИ ПРАКТИКИ

Исследование философских проблем практики необходимо для уяснения сущности марксистско-ленинской философии, для понимания содержания ее составных частей и, в конечном счете, для успешного преобразования природы и общества. Одной из таких проблем является вычленение в практике преобразующей и познавательной функции и анализ их соотношения. Эта проблема и будет рассмотрена в данной статье.

Практике в настоящее время посвящено значительное число работ[1]. Однако, как справедливо отмечается в последние годы, исследование практики носит односторонний характер, так как рассматривается преимущественно ее гносеологическая функция.

Анализ произведений классиков марксизма-ленинизма показывает, что практику они рассматривали как специфическую общественную деятельность, в которой субъект предметно, материально преобразует природный и социальный объект. В таком понимании практика со своей материальной стороны выступает как основное содержание общественного бытия, которое в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс определяли как реальный процесс жизни людей, в отличие от сознания, являющегося осознанным бытием[2]. Но обусловленность общественного сознания общественным бытием неотделима от проявления гносеологических функций практики как основы познания, его цели и критерия истины.

Социальная форма движения материи представляет собой высшую форму движения материи, особый вид взаимодействия —

---

[1] Обзор литературы по этой проблеме до 1967 г. см. в статье: А. П. Огурцов. Практика как философская проблема (обзор литературы).— «Вопросы философии», 1967, № 7. Из работ, вышедших в нашей стране после 1967 года, можно отметить следующие: М. Н. Руткевич. Марксистское понятие практики в его взаимосвязи с другими философскими категориями.— В сб.: Взаимосвязь категорий. Свердловск, 1970; И. Т. Якушевский. Ленинизм и «советология». Л., 1970; Б. А. Воронович. Философский анализ структуры практики; Э. В. Безчеревных. Проблема практики в процессе формирования философии марксизма. М., 1972; Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972; Практика и познание. М., 1973.

[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, стр. 29.

социальное взаимодействие [3]. Специфика этого взаимодействия раскрывается понятиями «социальная деятельность» и «общественные отношения». Встречающееся в литературе определение социальной деятельности как способа бытия социальной действительности (социальной формы движения материи) из-за неопределенности термина «способ» следует признать неудовлетворительным [4]. Под деятельностью, на наш взгляд, следует понимать любой процесс в обществе, опосредованный человеческим сознанием. Ф. Энгельс отмечал, что в обществе, «ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели», «все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову» [5].

Общественные отношения — это форма осуществления деятельности, выражающая обусловленность ее [6]. Любая деятельность в обществе неотделима от общественных отношений и наоборот. Прав В. И. Приписнов, когда пишет: «Определение общества как системы различных видов деятельности людей и определение общества как системы отношений людей по сути дела представляют собой два определения одного и того же объекта» [7].

При подходе к обществу в целом все многообразие видов деятельности в нем в одном случае можно отнести к практической и рационально-познавательной деятельности, в другом — к материально-производственной и непроизводственной. Мы рассмотрим здесь практическую и рационально-познавательную деятельность. Для краткости практическую деятельность мы будем называть практикой, а рационально-познавательную — познанием. В литературе практику нередко соотносят с теорией. Но поскольку с теорией связывают определенную систему знаний, результат процесса познания, кроме того, термин «теория» не вполне применим к художественному отражению, то представляется более предпочтительным термин «познание», ибо он непосредственно схватывает процесс отражения. Рационально-познавательная деятельность не включает в себя то чувственное отражение, которое непосредственно входит в практику.

Что же следует понимать под практикой? Наиболее полный анализ различных определений понятия «практика» содержится в работах М. Н. Руткевича [8]. В трактовке этой категории М. Н. Рут-

---

[3] В литературе социальная форма движения материи иногда, в определенном смысле, отождествляется с практикой (См.: А. С. Ахиезер. Практика — социальная форма движения. Автореф. канд. дисс. М., 1966; М. Н. Руткевич. Актуальные проблемы ленинской теории отражения, стр. 161—162).

[4] См.: Г. С. Батищев. Деятельная сущность человека как философский принцип.— В сб.: Проблема человека в современной философии. М., 1969, стр. 89.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 306, 308.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 403; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

[7] В. И. Приписнов. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор. Душанбе, 1972, стр. 35.

[8] См.: М. Н. Руткевич. Марксистское понятие практики в его связи с другими философскими категориями; он же. Актуальные проблемы ленинской теории отражения, стр. 189—194.

кевич преодолевает многие недостатки других работ. Практику и теорию он рассматривает как диалектическое единство противоположностей, как полярные категории. Практика определяется им как материальная целесообразная (т. е. содержащая духовный момент, сознательная) деятельность, являющаяся основой и критерием истинности теории; теория — как отображение потребностей практики, мыслительное обобщение ее[9].

Соглашаясь с позицией М. Н. Руткевича в целом, мы считаем, что нуждается в уточнении критерий разграничения практики и рационально-познавательной деятельности (теории, по М. Н. Руткевичу). Если практику мы рассматриваем как материальную целеполагающую деятельность, то рациональное познание должны будем определить как идеальную целенаправленную деятельность, а в таком определении не учитывается материальный момент в этой деятельности (материальность субъекта, нейродинамические и физиологические процессы человека), на что указывает М. Н. Руткевич.

Критерием разграничения практики и познания, на наш взгляд, является объект действительности, с которым непосредственно взаимодействует субъект. Каким непосредственно для субъекта выступает объект деятельности, такой будет и эта деятельность. Вообще можно выделить три вида объектов: природный, социальный и идеальный. Природным объектом является часть природы, с которой взаимодействует субъект, социальный объект — это люди, обладающие сознанием, идеальный объект — это природный и социальный объекты, выступающие в идеальной форме в процессе их познания. Исходя из сказанного, практику можно определить как взаимодействие субъекта с природным или социальным объектом на основе использования результатов рационально-познавательной деятельности, а рационально-познавательную деятельность — как взаимодействие субъекта с идеальным объектом, возникающее на основе практической деятельности. При таком понимании практики отнесение к ней деятельности руководящего состава той или иной организации, деятельности пропагандистской и преподавательской не нуждается в особых оговорках. Как отмечает М. Н. Руткевич, субъекты названных видов деятельности не изменяют объект материальным образом. Однако эти виды деятельности относятся к практике на том основании, что они являются необходимой частью того или иного коллективного совокупного действия: деятельность по управлению экономикой — составная часть процесса производства, пропагандистская деятельность — составная часть всей организаторской работы партии в массах и т. д.[10] С нашей точки зрения и пропагандистскую, и преподавательскую, и другие подобные им виды деятельности без всяких оговорок следует отно-

[9] См.: М. Н. Руткевич. Марксистское понятие практики в его связи с другими философскими категориями, стр. 97.

[10] См.: М. Н. Руткевич. Актуальные проблемы ленинской теории отражения, стр. 185—188.

сить к практике. И хотя в процессе этих видов деятельности непосредственно изменяется только сознание людей, объектом в них является не само по себе сознание, идеальное, а люди, т. е. материальные системы, обладающие сознанием. Если и делать здесь оговорку, то следует отметить, что в каждом из названных видов деятельности имеет место своя практическая деятельность и своя рационально-познавательная деятельность. Так, например, подготовка преподавателя к лекции или семинару есть познание, чтение же студентам лекции или проведение с ними семинара есть практика.

Поскольку в практике и субъект и объект взаимодействия включают в себя материальное, постольку практика является первичной, определяющей по отношению к рационально-познавательной деятельности, представляющей собой только функционирование сознания материального субъекта. Другими словами, отношение практической и рационально-познавательной деятельности в определенном плане конкретизирует отношение общественного бытия и общественного сознания, и, следовательно, является одним из аспектов материалистического понимания истории. Обычно общее понятие «практика» и гносеологическая функция практики рассматриваются в работах по диалектическому материализму, а основные виды практики (материальное производство и общественно-политическая практика) в их преобразующей функции — в работах по историческому материализму. По нашему мнению, такой подход является односторонним. Представляется, что практика в целом, ее основные виды, преобразующая и гносеологическая функции практики в определенном отношении являются предметом исследования и диалектического, и исторического материализма.

Наиболее полно содержание категории «практика» раскрывается при анализе ее структуры и функций. В учебниках по историческому материализму структура практики обычно очень кратко и описательно освещается в разделе, где идет речь о соотношении исторической необходимости и сознательной деятельности людей. Здесь используются понятия: необходимость — свобода, стихийное — сознательное, объективные условия — субъективный фактор [11]. При этом термины «практика», «структура практики» даже не употребляются. Ни слова не говорится и о связях названных категорий.

Вышедшая недавно монография Б. А. Вороновича [12], специально посвященная анализу структуры практики, лишь частично восполняет этот пробел. Ее автор исследует только один из аспектов структуры практики — соотношение цели, средства, результата. К сожалению, Б. А. Воронович ни слова не говорит в работе о других элементах практики (в том числе и о структуре практики вообще), вследствие чего создается впечатление, что рассматриваемыми им элементами и ограничивается структура практики.

---

[11] См., напр.: Марксистско-ленинская философия. М., 1969, стр. 287—295.
[12] См.: Б. А. Воронович. Философский анализ структуры практики.

Проблема структуры практики может быть рассмотрена в функционально-генетическом плане с внешней и внутренней стороны.

С внешней стороны структура практики представляет собой различные виды практики, которые определенным образом субординированы. Основным видом практики является материально-производственная деятельность, процесс производства материальных благ. Этим видом практики определяются виды практики, связанные с изменением общественных отношений. Над практикой по преобразованию природы и практикой по изменению общественных отношений «надстраивается» так называемая научная практика (естественнонаучный эксперимент, социальный эксперимент и т. д.). Этот вид практики, в отличие от других, выделенных выше, не связан с непосредственным преобразованием действительности и имеет преимущественно гносеологическое назначение. Под определенным углом зрения указанные виды практики исследуются как диалектическим, так и историческим материализмом.

С внутренней стороны функционально-генетический аспект структуры практики фиксируется специфической подсистемой категорий исторического материализма. К этим категориям относятся: объект — субъект, субъективный фактор — объективный фактор, цель — средство, стихийное — сознательное, необходимость — свобода. Приведенный здесь порядок следования категорий выражает определенную их субординацию, а тем самым и субординацию соответствующих элементов практики. Этими же категориями в их специфическом содержании раскрывается и структура рационально-познавательной деятельности, но исследуется она в основном марксистской гносеологией.

Следует отметить, что общественная практика и социальная форма движения материи в целом являются также и предметом исследования материалистической диалектики, когда они рассматриваются под углом зрения ее законов и категорий. Связано это с тем, что диалектический материализм есть учение о всеобщих законах природы, общества и мышления.

Взаимодействие элементов практики находит свое выражение в функциях практики. И. Т. Якушевский выделяет три основных функции практики: преобразующую, познавательную и воспитательную. Преобразующая функция заключается в том, что в процессе практики изменяется природа и общественная жизнь, познавательная — что практика является основой, движущей силой, целью и объективным критерием познания, воспитательная — что практика есть материальная и социальная основа процесса воспитания людей [13]. С нашей точки зрения в практике следует выделять только две функции: 1) преобразующую (основную); 2) познавательную (производную).

Содержание преобразующей функции практики раскрывается термином «предметное преобразование» (изменение). Этот термин

---

[13] См.: И. Т. Якушевский. Ленинизм и «советология», стр. 117—120.

следует отличать от преобразования в деятельности вообще. Дело в том, что объект преобразуется и в процессе рационально-познавательной деятельности, но, в отличие от практики, он преобразуется не предметно, а идеально.

Предметное преобразование объекта находит свое выражение в результате практической деятельности (потребительная стоимость или изменение общественных отношений), субъекта — в изменении его потребностей, интересов, опыта. В связи с последним необходимость выделения воспитательной функции практики отпадает, так как она является одним из моментов в преобразовании субъекта.

Гносеологическая функция практики раскрывается терминами «основа познания», «цель познания», «критерий истины». Как основа, источник познания практика дает абстрактному мышлению чувственный «материал» для построения теории. Практика есть цель познания, ибо познание законов природы и общества осуществляется для их использования в практике. Практика является единственным объективным средством проверки истинности результатов рационально-познавательной деятельности. Нельзя согласиться с утверждением, что «роль практики в познании — во всех ее функциях — полностью выражается одним положением: практика есть основа познания» [14].

Роль практики как источника знаний неразрывно переплетается с ее ролью как критерия истины [15], однако отождествлять эти различные функции не следует. Заметим также, что следует различать тезис о практической обусловленности познания и характеристику практики как основы, источника познания.

Преобразующая и познавательная функции практики находятся в диалектическом единстве. Это единство является выражением единства практики и познания.

---

[14] См.: Д. Кардзая. К вопросу о гносеологических функциях практики.— В сб.: Практика и познание. М., 1973, стр. 179.

[15] См.: М. Н. Руткевич. Практика как критерий истинности знаний.— В кн.: Практика — критерий истины в науке. М., 1960, стр. 34—37.

К. А. Устиловский

ЭМПИРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ УРОВНИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ПРАКТИКИ

В настоящей работе предпринята попытка исследовать взаимосвязь практики и научного познания, учитывая иерархический характер как научного познания, так и практики.

В философской литературе общепризнанным является существование двух уровней научного познания: эмпирического и теоретического. При этом, однако, имеются существенные различия в их трактовке, причем дискуссионным является вопрос о критерии различения эмпирического и теоретического.

Одни авторы считают таким критерием глубину проникновения в объект познания [1]. Другие полагают, что критерием выделения эмпирического и теоретического уровней познания является способ получения знания, отвлекаясь от которого невозможно установить характер знания [2]. Третьи различают эти уровни по характеру используемых знаковых систем [3]. Четвертые доказывают, что критерием выделения эмпирического и теоретического уровней служит связь научного познания с практикой. При этом учитывается роль практики как основы познания [4] или как критерия истинности [5].

На наш взгляд, в каждом из указанных подходов берется один из моментов, один из аспектов разграничения теоретического и эмпирического в научном познании. Эмпирическое и теоретическое знание имеет свою специфику как в способе возникновения, так и в характере функционирования, поэтому нельзя абсолютизировать один из этих моментов. Далее, не все выдвигае-

[1] См.: В. А. Лекторский. Единство эмпирического и теоретического в научном познании.— В кн.: Проблемы научного метода. М., 1964, стр. 97.

[2] См.: А. И. Ракитов. О природе эмпирического знания. В кн.: Логическая структура научного знания. М., 1965, стр. 129.

[3] См.: Б. С. Дынин. Гносеологический анализ структуры и уровней знания.— В кн.: Современные проблемы теории познания диалектического материализма. т. 2. М., 1970, стр. 118.

[4] См.: В. А. Штофф. Введение в методологию научного познания. Л., 1972, стр. 15.

[5] См.: В. С. Швырев. Логико-методологические проблемы эмпирической проверяемости научных теорий.— В кн.: Современные проблемы теории познания диалектического материализма, т. 2. М., 1970, стр. 132.

мые критерии являются равноценными. Знание имеет практическую основу, поэтому при выделении уровней познания это обстоятельство необходимо учитывать прежде всего.

Нам представляется, что характер субъектно-объектной связи должен быть исходным в разграничении эмпирического и теоретического уровней научного познания. В этом случае **эмпирический уровень** научного познания есть основанная на непосредственной связи субъекта и объекта познания познавательная деятельность, соответствующие научные методы (наблюдение, материальный эксперимент, материальное моделирование и др.), а также полученное в результате применения этих методов знание об объекте. Эмпирическое знание фиксируется в специфических языковых формах, непосредственно проверяется на практике. **Теоретический уровень** научного познания есть основанная на опосредованной связи субъекта и объекта познания познавательная деятельность, соответствующие научные методы (формализация, аксиоматизация и др.), а также полученное в результате применения этих методов знание об объекте. Теоретическое знание фиксируется в специфических языковых формах, опосредованно проверяется логически или практически.

Такое определение эмпирического и теоретического уровней научного познания подчеркивает тот факт, что в конечном итоге практика является основой познания и определяет его структуру.

Исходя из наличия эмпирического и теоретического уровней научного познания и опираясь на принцип единства познания и практики, знания и действия, можно сделать вывод, что и в **практической деятельности существуют различные уровни:** практическая деятельность, обоснованная эмпирически, и практическая деятельность, обоснованная теоретически. В этом случае категории эмпирического и теоретического характеризуют не только структуру познания, но и структуру практического действия.

Понятия теории и эмпирии суть соотносительные понятия, и граница между ними подвижна[6]. Единство и взаимопереходы теории и эмпирического знания возможны лишь на основе единства и взаимосвязи форм научной практики; при этом «практика уже перестает быть эмпирией, ибо теория проникает в самую глубокую ее сущность»[7].

Проникновение теории в глубь практики ведет к тому, что все большее значение (как в качественном, так и в количественном отношении) приобретают теоретически обоснованные действия.

---

[6] То, что в одном отношении выступает теорией, в другом может выступать как эмпирия, и наоборот. В этом случае имеет место употребление термина «эмпирия» в широком смысле, т. е. как базы, основы теории любой степени общности. В узком смысле эмпирия есть только то, что связано с эмпирическим уровнем познания, когда основной формой систематизации знания выступает факт, а не теория.

[7] М. Н. Руткевич. Марксистское понятие практики в его связи с другими философскими категориями, стр. 99.

В материальном производстве это выражается в превращении науки в непосредственную производительную силу, что составляет сущность современной научно-технической революции. Этот процесс включает получение нового теоретического знания, усвоение работниками этого знания и внедрение этого знания в производство. В результате же «развитие науки является теоретической основой качественных скачков в развитии орудий и технологических способов производства... Именно теория прокладывает производству новые пути, опережая материальную практику постоянно, а не только от случая к случаю» [8].

Примером теоретически обоснованного социального действия может служить деятельность Коммунистической партии в период Октябрьской революции 1917 года в России. Революция победила именно потому, что опиралась на верную ленинскую теорию. В современных условиях решения XXIV съезда КПСС служат теоретической научной основой созидательной деятельности советского народа [9].

Основной формой научной практики является научный эксперимент, опирающийся на определенную систему знания. Целью эксперимента является либо проверка теории, либо получение знания об еще не исследованном объекте. Эксперимент, который включает в себя создание необходимых условий, устранение мешающих факторов, фиксацию различными средствами объекта или же искусственное вызывание какого-либо явления, акт наблюдения и т. д., должен быть основан на научном знании об объекте. В противном случае значительна вероятность ошибки и даже срыва эксперимента. Вот почему важна программа, положенная в основу эксперимента.

В обыденной практике преобладают эмпирически обоснованные действия. Так, например, чтобы включить телевизор, достаточно повернуть соответствующую ручку или нажать кнопку, и эту операцию с одинаковым успехом проделают и первоклассник и, скажем, главный инженер завода, на котором телевизоры изготовляются. Но в случае неисправности аппарата потребуются теоретически обоснованные действия, и здесь первоклассник будет бессилен (если он не обладает соответствующими знаниями).

Итак, познание и практика обладают сложной структурой, которую можно охарактеризовать, применяя категории эмпирического и теоретического. Представляется возможным на конкретном материале из истории науки показать, что существуют две относительно самостоятельные линии развития научного познания —

---

[8] Н. В. Марков. Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия. М., 1971, стр. 92.

[9] Необходимо учитывать, что теоретически обоснованное социальное действие и научно обоснованное социальное действие — не одно и то же, ибо идеология, которая служит теоретическим обоснованием социального действия, может быть научной, а может быть и ненаучной.

эмпирическая и теоретическая, в частности, экспериментальная и теоретическая физика.

Возьмем линию развития экспериментальной физики с конца XIX в., когда были открыты катодные лучи. На основе эмпирического знания о них В. Рентген продолжал экспериментировать и обнаружил ранее неизвестный вид излучения (лучи Рентгена). Испускание рентгеновских лучей было замечено впервые при бомбардировке стеклянных стенок разрядной трубки катодными лучами. При этом наблюдалась люминесценция; а отсюда был сделан вывод, будто рентгеновское излучение есть продукт люминесценции, а, значит, и сопровождает всякую люминесценцию, в том числе возбужденную светом. Так был сделан шаг к открытию естественной радиоактивности, ибо А. Беккерель, который занялся опытами, установил, что испускание лучей имеет место не у всех использованных вещей, а только у соли урана, что оно не связано с люминесценцией и не зависит от внешних воздействий. Открытие естественной радиоактивности дало возможность исследовать строение атомных ядер с помощью α-частиц, способных проникнуть внутрь ядра. Это, в свою очередь, привело к открытию нейтронов, что сделал Дж. Чэдвик, объясняя специфику «бериллиевого излучения», проходящего через водородсодержащие соединения (соответствующий эксперимент был поставлен Ф. Жолио и И. Кюри за год до работы Чэдвика). Вскоре был открыт и позитрон.

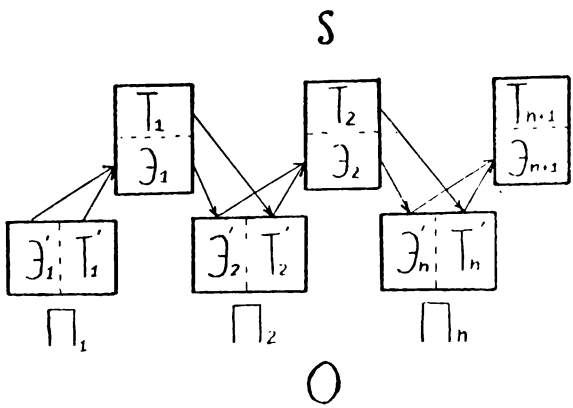
Таким образом, имеется **преемственность** в экспериментальных исследованиях и открытиях. Та же картина — и в области теоретической физики.

Так, на основе опытов Г. Х. Эрстеда и М. Фарадея, которые доказывали взаимосвязь электрического и магнитного полей, возникла теория электромагнитного поля, созданная Дж. К. Максвеллом. Из уравнений Максвелла можно вывести характеристики поля, окружающего колеблющийся заряд. Результатом такого вывода является положение о существовании электромагнитных волн, причем из теории Максвелла следовало, что скорость электромагнитных волн равна скорости света. Г. Герц экспериментально подтвердил существование электромагнитных волн и равенство их скорости скорости света. Отсюда вытекает тесная связь между оптическими и электромагнитными явлениями. Действительно, уравнение Максвелла описывает и электромагнитную индукцию, и оптическую рефракцию. Но и теория Максвелла оказалась недостаточной для объяснения многих электрических явлений, ибо из этой теории выпало рассмотрение электрона. Попытку развития теории Максвелла предпринял Г. А. Лоренц, который опирался на гипотезу о существовании электромагнитного эфира. На основе этих идей был поставлен опыт Майкельсона — Морли, доказавший, что скорость света не зависит от скорости перемещения наблюдателя через предположительно неподвижный эфир. Это противоречило исходным теоретическим посылкам. Выход

нашел Лоренц, предположивший, что в результате движения линейный размер тела должен изменяться в направлении скорости движения. Это так называемое лоренцово сокращение органически вошло в частную теорию относительности А. Эйнштейна.

Надо отметить, что эксперименты Герца и Майкельсона — Морли существенно отличны от экспериментов Рентгена и Беккереля. Отличие состоит как раз в том, что первые были обоснованы теоретически, а вторые основывались на эмпирическом знании.

Изложенное нами позволяет конкретизировать механизм взаимодействия познания и практики, раскрыть нелинейный характер их связи. Можно предложить следующую схему, демонстрирующую некоторые аспекты взаимодействия практики и научного познания и отражающую приведенные выше данные из истории науки:



O — объект нашего познания, S — субъект познания. Объект познается в процессе практического взаимодействия с ним ($П_1$, $П_2$, ..., $П_n$). В познании мы выделяем эмпирический ($Э_1$, $Э_2$, ..., $Э_{n+1}$) и теоретический ($Т_1$, $Т_2$, $Т_{n+1}$) уровни. На основе этих уровней различаются эмпирически обоснованные ($Э'_1$, $Э'_2$, ..., $Э'_n$) и теоретически обоснованные ($Т'_1$, $Т'_2$, ..., $Т'_n$) действия. В процессе познания при переходе с практического уровня $П_1$ на уровень $П_2$ происходит углубление нашего знания. При этом и эмпирически, и теоретически обоснованные действия практического уровня $П_1$ являются основой эмпирического уровня познания $Э_1$ [т. е. $(Э'_1, Т'_1) \to Э_1$]. Таким образом, теория, скажем, $Т_1$ воздействует на теорию $Т_2$ через практику $П_2$ и через эмпирический уровень развития познания $Э_2$. Процесс познания есть непрерывный процесс уточнения нашего знания, расширения его эмпирической базы ($Э_1 < Э_2 <$ $< Э_{n+1}$), возрастания глубины теорий ($Т_1 < Т_2 <$ $< Т_{n+1}$). Линия $Э'_1 — Э_1 — Э'_2 —$ $— Э_{n+1}$ — это линия развития экспериментальной науки

(в наших примерах — открытие катодных лучей, лучей Рентгена, естественной радиоактивности, нейтрона и позитрона), а линия $T_1'—Э_1—T_1—T_2'—Э_2—T_2— \cdots —T_{n+1}$ — это линия развития теоретической науки (в наших примерах — работы Максвелла, Герца, Лоренца, Майкельсона-Морли, Эйнштейна).

Таким образом, взаимодействие познания и практики, лежащее в основе развития науки, может быть понято более глубоко, если учесть разделение научного познания на эмпирический и теоретический уровни, разделение научной практики на эмпирически и теоретически обоснованные практические действия.

Т. А. Бадкова

МАТЕМАТИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ПРАКТИКИ

В нашей философской литературе, посвященной анализу взаимоотношения практики и математического познания, главное внимание уделяется вопросу о роли практики как критерия истинности математического знания [1], реже рассматривается практика как основа, источник математического познания [2]. Во всех этих исследованиях главное внимание обращается на проблему обоснования математического знания.

Мы попытаемся проанализировать зависимость структуры математического знания от практики, а также функций математики по отношению к практике. Необходимость рассмотрения подобных вопросов обусловливается все глубже проникающей в структуру науки математизацией знания. Процесс математизации знания является формой связи одной области человеческого знания со всеми другими областями, а также со всей деятельностью человеческого общества. Ныне процесс математизации выступает также как моделирование практической деятельности и ставит по-новому проблему обоснования практического действия.

Зависимость структуры математического знания от практики непосредственно проявляется в расслоении математики на теоретическую и прикладную. Проблема связи теоретического и прикладного знания в целом не является специфичной лишь для математики. В. И. Вернадский писал: «Так называемое «прикладное» знание составляет неотделимую составную часть научного знания. Ученый — желает он того или нет, если только кругозор его работы не слишком узок — не может оставаться в стороне от области прикладного знания» [3]. Согласно Б. М. Кедрову, «коренное различие между фундаментальными и прикладными науками: первые ставят своей задачей полное элиминирование субъективного момента для того, чтобы познать объективные законы внешнего

---

[1] См., напр.: Г. И. Рузавин. О характере математического знания. М., 1969; В. Н. Молодший. Очерки по философским вопросам математики. М., 1969; Б. В. Бирюков. Критерий практики в дедуктивных теориях в свете философских идей В. И. Ленина.— «Вопросы философии», 1970, № 3.

[2] См., напр.: Н. А. Киселева. Математика и действительность. М., 1967.

[3] В. И. Вернадский. О задачах и организации прикладной научной работы АН СССР. Л., 1928, стр. 5.

мира и условия их действия; вторые, напротив, делают акцент на субъективном моменте (на цели и средствах для ее достижения), но связывают возможность его реализации с познанием объективных законов внешнего мира и условий их действия» [4].

Проблема взаимосвязи теоретического и прикладного знания в математике ставится несколько по-иному, чем в других науках, что обусловлено положением математики в ряду других наук. Особенность здесь состоит в том, что, принадлежа естествознанию по своему происхождению, математика занимает все более видное место в исследовании общественных явлений. Методами математики исследуется «сама деятельность человека: возможность математического вывода и решения задач теми или иными данными средствами, передача информации, управление и т. д.» [5] Для решения математических задач, возникающих вне математики, формируются все новые отрасли прикладной математики, в результатах которых формулируются фундаментальные закономерности тех областей, которые явились источником постановки данной математической проблемы. В связи с этим особенностью математики, на наш взгляд, является тот факт, что исследования как в области теоретической, так и в области прикладной математики носят фундаментальный характер. Задача прикладной математики состоит в поиске и выделении математических структур в научном материале, носящем нематематический характер, т. е. в установлении изоморфизма какой-либо предметной области с математической структурой. Прикладная математика выражает один из аспектов сущностных отношений в изучаемой предметной области.

Запросы практики способствуют формированию определенных областей прикладной математики, таких как уравнения математической физики, теория игр, теория планирования эксперимента и др. Пока уровень развития общественной практики позволял сознательно управлять лишь природными явлениями, прикладная математика в своем развитии опиралась на естествознание; с усложнением общественной жизни, требующим сознательного управления процессами жизнедеятельности общества, формируются области прикладной математики, позволяющие вырабатывать программы управления теми или иными процессами в обществе.

Характер связи науки и практики определяется структурой практики, причем решающее влияние на развитие науки оказывает выявление элементов, которые должны явиться основой практики будущего, исследование этих элементов и конструирование способов их развития. «Наука выделяет в «чистом виде» устойчивые и повторяющиеся связи и состояния предметной стороны практики, с тем, чтобы на этой основе предсказать возмож-

[4] Б. М. Кедров. Соотношение фундаментальных и прикладных наук.— «Вопросы философии», 1972, № 2, стр. 46.

[5] А. Д. Александров. Диалектика и математика.— «Сибирский математический журнал», 1970, т. 11, № 2, стр. 248.

ные изменения объектов в практике будущего»[6]. Структура практического действия включает в себя как необходимый компонент постановку цели и управление предметной деятельностью для осуществления контроля за объективизацией, материальным воплощением поставленной цели. На этот момент практического действия обратил внимание К. Маркс уже в «Тезисах о Фейербахе», а затем и в «Капитале». Усложнение практической деятельности, имеющее одним из своих аспектов «удлинение» пути от постановки цели действия до получения его результата, делает управление процессом практической реализации цели одним из важнейших аспектов практики как предметной, целенаправленной деятельности, причем важно отметить, что на современном этапе речь идет не просто об управлении, а об оптимальном управлении. Оптимизация любых процессов является одним из следствий современной научно-технической революции, практической основой которой выступает автоматизация производства. «Сущность автоматизации — замена человека как средства исполнения разных производственных функций по преобразованию информации и управлению производством различными классами информационно-управляющих автоматов, замена умственного труда человека в материальном производстве» [7]. В связи с этим представляется правомерным, опираясь на общепризнанный тезис о том, что математика все в большей степени становится языком науки, сказать, что математика все более становится языком практики, на котором формулируются ее результаты, «поскольку современная практика нуждается в более строгом и отчетливом мышлении, а также в более точном перечислении тех исходных условий, в которых протекают исследуемые процессы. Без этого невозможно осуществлять оптимальное и даже попросту удовлетворительное управление ими, без этого нельзя прогнозировать их течение» [8].

Характерным для прикладной математики является построение алгоритмов для осмысления форм практической деятельности и ее оптимальной организации. Отсюда представляется возможным говорить не только о математизации науки, но и о математизации практики, т. е. о построении практической деятельности в той или иной сфере (например, в сфере управления экономикой) на основе алгоритмов, выработанных на основе логического анализа форм практической деятельности. Следует отметить, что в различных областях своей деятельности человек всегда пользуется определенными правилами, рецептами, предписаниями. Что изменилось сейчас? Новый уровень развития практики потребовал выработки

---

[6] В. С. Степин. Научное познание как «опережающее отражение» практики.— В кн.: Практика и познание. М., 1973, стр. 209.

[7] С. Н. Смирнов. Взаимосвязь революций в развитии материального производства и естествознания.— В кн.: Практика и познание. М., 1973, стр. 124.

[8] Б. В. Гнеденко. Математизация науки и математическое образование.— «Вестник высшей школы», 1972, № 1, стр. 45.

алгоритмов на основе имеющихся математических знаний (например, алгоритмы, формализующие процедуры принятия решения).

В самой математике строгое понятие алгоритма формируется лишь в 30-х годах XX столетия. Точное определение понятия алгоритма было дано Д. Гильбертом, К. Геделем, А. Черчем, С. Клини, Э. Постом, А. Тьюрингом. Как отмечает А. И. Мальцев, понятие алгоритма до этого времени в математике определялось интуитивно и имело скорее методологическое, чем математическое значение [9]. По определению А. Черча, «эффективный метод вычисления, особенно если он распадается на отдельные шаги, среди которых последующие зависят от результатов предыдущих, называется алгоритмом» [10]. Понятие алгоритма в математике было уточнено с введением эквивалентных понятий: «машина Тьюринга», «частично рекурсивная функция», «нормальный алгоритм» и др. По А. А. Маркову, алгоритмы характеризует: а) точность предписания, не оставляющая места произволу, и его общепонятность — определенность алгоритма; б) возможность исходить из варьируемых в известных пределах исходных данных — массовость алгоритма; в) направленность алгоритма на получение некоторого искомого результата, в конце концов и получаемого при надлежащих исходных данных,— результативность алгоритма [11]. Эти свойства играют важную роль при исследовании механизмов процессов управления и выработке управляющих воздействий. Процессы же управления занимают ведущее место в структуре практической деятельности, поскольку цель всякой практической деятельности — изменение материального мира — природного или общественного. Математика в этом случае выступает в функции осмысления практики и ее оптимальной организации. Дело в том, что эти процессы при формулировке на языке математики приобретают чувственно-наглядный характер в виде математической, знаковой модели исследуемого явления, а потому становится возможной оценка этого явления, его места среди других явлений, определение нашего отношения к вычлененному явлению и способов воздействия на него. Можно сказать, что стремление представить изучаемое явление в чувственно-наглядной, знаковой форме характерно как для математизации науки, так и для математизации практики.

Потребность математизации науки возникает при познании сущности явлений и их закономерной связи и заставляет обращаться к математике, объекты которой могут служить основанием для отображения, моделирования концептуальной системы, имеющей определенное объективное содержание. Здесь, очевидно, уместно говорить о том явлении, которое Маркс назвал оборачиванием метода, анализируя генезис основных понятий математического анализа.

---

[9] А. И. Мальцев. Алгоритмы и рекурсивные функции. М., 1965, стр. 9.

[10] А. Черч. Введение в математическую логику, т. 1. М., 1960, стр. 374.

[11] А. А. Марков. Теория алгоритмов.— «Тр. математического ин-та им. В. А. Стеклова», т. 42, М.— Л., 1954.

То же самое явление мы наблюдаем на высоком уровне развития практики. Осмысление результатов отдельных областей практики для выработки целей действия в этих областях становится невозможным без математики. Соответственно этому классическая схема применения математики:

математика
теоретическое естествознание
практика

дополняется такой схемой:

теоретическая математика
прикладная математика
практика

Изменение функций математики по отношению к практике обусловлено изменением, развитием самой практики, суть которого состоит в расслоении практики, в выделении элементов практической деятельности, эффективное функционирование которых возможно лишь на основе предварительного теоретического исследования этих элементов. Пока в подобном исследовании нуждался лишь объект, на который было направлено практическое воздействие и который изучался теоретическим естествознанием, роль математики ограничивалась лишь участием в исследовании природных процессов, протекающих естественным образом или искусственно воспроизводимых. На этом этапе изучался либо ход природных процессов, либо ход взаимодействия между природными процессами и орудиями труда человека. Следующий этап развития практики показал недостаточность подобного подхода. Оказалось, что необходимо предварительное изучение и предварительное моделирование в виде теоретических построений и собственно человеческой деятельности, не овеществленной в орудиях труда.

Связь математики с практикой стала опосредоваться не только теоретическим естествознанием, но и общественными науками. О союзе математики не только с естествознанием, но и с общественными науками свидетельствует появление таких дисциплин, как теория игр, линейное программирование, исследование операций, в которых методами математики изучается собственно человеческая деятельность. В связи с таким использованием математики происходит алгоритмизация практической деятельности. Путем алгоритмизации практической деятельности и соответствующего выражения ее в виде знаковой модели осуществляется предварительный анализ последующей деятельности на основе выявления тенденций предшествующей деятельности. Знаковое моделирование в этом случае позволяет представить в материальной, чувственно-наглядной форме развернутый во времени практический процесс. Одной из функций математики по отношению к практике является, следовательно, функция моделирования

практического процесса в знаковой форме с целью выявления закономерностей практической деятельности. Вслед за формулировкой проблемы на языке математики идет формализация проблемы, вычленение математической структуры в исследуемом материале; выведение нового знания на уровне фиксированных формализмов; интерпретация полученного знания, включение его в систему знания, из которой были абстрагированы исходные предпосылки для формирования собственно математической проблемы. Подобное расчленение процесса движения знания в прикладной математике позволяет выделить те моменты, которые отличают эту область математического знания от теоретической математики и вместе с тем указывают на ее сближение с другими областями конкретно-научного знания. Прикладная математика, таким образом, осуществляя математизацию науки и практики, оказывается пограничной наукой, на характер знания в которой оказывают влияние как конкретные науки, так и теоретическая математика. Подобная направленность прикладной математики предполагает возможность наличия среди исходных посылок неточных элементов, обусловленных их принадлежностью к эмпирическому уровню знания, и делает необходимым выработку критериев совместимости исходных посылок — эмпирических и теоретических. Вследствие этого «критерии, которые используются при моделировании задач, не могут быть упорядочены в единую логическую систему [12]. В результате, в прикладной математике, помимо дедуктивной логики, широко используются правдоподобные рассуждения [13], присутствующие не только на этапе построения знаковой модели явления, но, как следствие, и на этапе оперирования с этой математической моделью. Математизация науки и практики ставит сходные гносеологические проблемы «стыковки» математических структур с конкретно-научными познавательными структурами как теоретического, так и эмпирического уровня. Этот момент «стыковки» и требует практического обоснования, уровень которого определяется состоянием конкретной науки, в которой возникла изучаемая математическая проблема. Непосредственное обоснование в этом случае получают не сами математические структуры как таковые, а их пригодность для изучения конкретных проблем.

Современная научно-техническая революция вычленяет новый аспект во взаимоотношении практики и математического познания. Усложнение структуры практического действия ставит вопрос его обоснования, которое осуществляется путем предварительного моделирования с помощью математических структур. Практика, обосновывая в своей тотальности процесс математического познания, требует научного и, в частности, математического обоснования в своей конкретной расчлененности, дифференцированности.

---

[12] В. В. Налимов, Т. И. Голикова. Логические основания планирования эксперимента. М., 1971, стр. 59.

[13] Д. Пойа. Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1957.

А. Н. Аверин

ОПЫТ КАК ВИД СВЯЗИ ПОЗНАНИЯ И ПРАКТИКИ

Взаимодействие субъекта и объекта может быть практическим и познавательным. Эти отношения различаются по направлению и полученному конечному продукту. Практическая деятельность субъекта направлена на изменение объекта, познавательная — на его познание. Конечным продуктом практической деятельности является материальная вещь, познавательной — знание. Единство практического и познавательного отношений субъекта и объекта получает, как будет показано далее, выражение в опыте как специфическом виде связи практики и познания.

В истории философии при определении опыта можно отметить две тенденции: понимание опыта как эксперимента [1] и как результата воздействия предметов внешнего мира на органы чувств человека [2]. Поскольку понятие опыта как эксперимента в марксистской философии обозначает вид практики, очевидно, для выяснения специфики опыта следует использовать другие его значения.

Результатом воздействия предметов внешнего мира на органы чувств человека может быть ощущение, образ, знание. Очевидно, для выяснения специфики опыта его следует сопоставить с данными формами отражения. П. В. Копнин пишет: «...в философии под опытом обычно понимают данные ощущений и восприятий человека. Знание, полученное непосредственно на основе данных ощущений и восприятий, носит название опытного» [3]. Знание возникает на основе ощущений, но оно не сводится к ощущениям, ибо основными признаками знания являются его идеальная природа, адекватность, непосредственная связь знания с формой его выражения — языком. В связи с этим следует заметить, что поскольку в чистом виде чувственного знания не существует, постольку широко распространенное в истории философии понятие «чувственный опыт» в этом значении теряет свой смысл.

Что касается определения опыта как образа (в этом значении, в частности, опыт употреблялся Т. Гоббсом) [4], то, исходя из выше-

[1] См.: Ф. Бэкон. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1971, стр. 300.

[2] См.: Д. Локк. Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1960, стр. 128; П. Гольбах. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1963, стр. 17.

[3] П. В. Копнин. Введение в марксистскую гносеологию, стр. 173—174.

[4] См.: Т. Гоббс. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1964, стр. 193.

названных признаков знания, можно утверждать, что это необходимое условие для определения опыта, но недостаточное, ибо гносеологический образ может быть ложным в отличие от знания как истинного содержания познавательного образа. «Познавательный образ,— пишет Ю. П. Вединн,— может быть как истинным, так и ложным, тогда как знание, согласно общепринятому смыслу, есть нечто противоположное заблуждению и поэтому не может быть ложным. К знанию относимы лишь познавательные образы, согласующиеся с действительностью, верно отражающие ее, т. е. истинные по своему содержанию. Ложные познавательные образы составляют не знание, а заблуждение»[5]. Если знание есть только истинное содержание познавательного образа, тогда мы не можем говорить о наличии религиозного знания, ибо эти образы есть фантастическое, искаженное отражение действительности.

Опыт можно рассмотреть как результат воздействия того или иного класса вещей на органы чувств человека, ставший знанием. Из многообразных значений опыта данное его понимание может быть приемлемым в марксистской философии, поскольку не совпадает по содержанию с ощущением, образом и экспериментом.

С другой стороны, не всякое знание является опытом. Опытом может быть **непосредственно полученное в практике знание.** Иначе говоря, опыт — это фактическое знание. В философской литературе нет однозначного ответа на вопрос, что такое факт. Некоторые авторы[6] отождествляют факт с реально существующим событием. Другие[7] рассматривают факт как знание. Третьи считают «необходимым признание фактов действительности той объективной основой, которые отражают факты науки»[8]. Иначе говоря, здесь различаются факты действительности и отражение их в фактах науки.

На наш взгляд, выделение фактов действительности вносит известную терминологическую путаницу. Мы согласны с С. С. Худяковым, который считает, что объективное существование явления «получает значение факта, будучи взято в его отношении к познанию»[9]. В качестве особых признаков факта следует назвать достоверность и непосредственность. Факт — это достоверное непосредственное знание об объекте. Благодаря наличию различных видов знания существуют различные виды фактов. Наряду с научными фактами существуют обыденные, художественные и другие виды фактов. Так, С. С. Худяков, характеризуя научный факт, пишет: «Факт — это достоверное знание, полученное на основе практической деятельности, результаты (данные) которой непо-

---

[5] Ю. Вединн. Сущность и структура знания. Рига, 1972, стр. 42.

[6] См.: Н. И. Кондаков. Логический словарь. М., 1971, стр. 563.

[7] См.: П. В. Копнин. Введение в марксистскую гносеологию, стр. 221.

[8] Л. С. Мерзон. О некоторых спорных вопросах в освещении проблемы факта науки.— «Философские науки», 1971, № 2, стр. 91.

[9] С. С. Худяков. К природе научного факта.— В кн.: Проблемы диалектического материализма. М., 1972, стр. 23.

средственно воспринимаются и затем осмысливаются благодаря подведению чувственных данных эмпирической деятельности под наличные теоретические положения, логические принципы и научные гипотезы» [10].

Итак, опыт есть фактическое знание. Такое понимание опыта дает возможность избежать отождествления его с практикой и тем самым выявить специфику данного понятия.

Однако для выяснения специфики опыта нужно не только показать его отличие от практики, но и показать связь между ними. Взаимосвязь опыта и практики состоит в том, что опыт непосредственно вырастает из практики. Когда мы говорим, что практика входит в познание, то тем самым подразумеваем, что непосредственно полученное в практике фактическое знание входит в определенную систему знания.

Фактическое знание непосредственно фиксирует основные моменты практической деятельности. Посредством фактов связываются воедино практика и теория, поскольку теория возникает на основе фактического знания. Понимание опыта как фактического знания позволяет учитывать, каким образом он вырастает из практики. Но если опыт есть только фактическое знание, очевидно, мы снова приходим к удвоению терминов, аналогично отождествлению опыта и практики, поскольку в философии уже существует понятие «фактическое знание». Опыт не только возникает в практике, но и реализуется в ней, является основой практической деятельности. Поэтому нужно внести некоторые коррективы в определение опыта наподобие того, как это происходит при определении практики. Практика — это целенаправленная материальная деятельность субъекта. В этом определении накладываются некоторые ограничения на понятие «материальная деятельность». Не всякая материальная деятельность есть практика, а лишь целенаправленная материальная деятельность, в результате которой происходит изменение объекта.

Очевидно, таким же путем можно определить опыт. Не всякое фактическое знание есть опыт. Фактическое знание, чтобы стать опытом, должно быть определенным образом организовано. Иначе говоря, опыт есть непосредственное знание, выступающее элементом некоторого алгоритма деятельности. Понятие алгоритма характеризует определенные потенциально осуществимые правила деятельности, имеющие конечное число ходов. Б. А. Трахтенброт пишет: «Под алгоритмом понимают точное предписание о выполнении в определенном порядке некоторой системы операций для решения всех задач некоторого данного типа» [11]. Например, алгоритмом являются правила сложения, вычитания, умножения и деления. В основе этих правил лежит непосредственное знание, полу-

---

[10] Там же, стр. 33.

[11] Б. А. Трахтенброт. Алгоритмы и машинное решение задач. М., 1960, стр. 7.

ченное еще в начальной школе. Точно так же опыт лежит в основе алгоритмов в производственно-технической деятельности (например, работа станочника), в основе деятельности народных умельцев (палехская роспись, каслинское литье и др.), в народной медицине, в умении предсказать погоду и т. д.

В зависимости от связи опыта с основными видами практики можно говорить о производственно-техническом, социально-политическом и других видах опыта. Различие производственно-технического и социально-политического опыта обусловлено различным взаимодействием субъекта и объекта. Производственно-технический опыт возникает в системе взаимодействия «человек — природа», социально-политический опыт появляется в результате взаимодействия субъекта и объекта в сфере общественных отношений. И тот и другой виды опыта представляют собой непосредственное, полученное в практике знание. Так, рабочий в результате неоднократного повторения операций вырабатывает определенные навыки, умения. Совершенствуя свое мастерство, он получает знание о своих действиях. Опыт у него настолько тесно сливается с практической деятельностью, что становится трудно их расчленить. Это подчеркивает тесную взаимосвязь опыта и практики, вплетение опыта в практическую деятельность. Данное обстоятельство позволяет включать опыт в структуру производительных сил. В. Я. Ельмеев считает, что наряду с научным знанием и умением совершать целесообразные действия орудиями производства элементом духовной стороны производительных сил выступает «эмпирический производственный опыт, практические знания предметов и орудий производства в условиях их применения» [12].

В общественной жизни опыт лежит в основе обычаев и традиций. Это тоже своего рода алгоритмы социальной деятельности, социального поведения. Социальная норма — это общепринятая норма поведения человека. Ее превращение в привычку как регулятор поведения человека предполагает неизбежное превращение знания о каких-либо предписаниях во внутреннее убеждение человека. Нормативная сторона деятельности выражается в обычаях. «Обычай,— пишут Л. Н. Коган и Ю. Р. Вишневский,— устойчивая система норм культуры поведения человека в различных сферах общественной жизни, прочно превратившаяся в привычку... Приняв форму определенного стереотипа поведения, обычай регулирует поведение людей, нередко освобождая их от необходимости принятия самостоятельного решения. Обычаи — устоявшиеся нормы поведения; зная их, мы можем с определенной степенью уверенности **предвидеть** поведение человека в данной ситуации» [13].

Социальный опыт аккумулируется в традициях, которые представляют собой тоже устойчивые, повторяющиеся, имеющие нор-

[12] В. Я. Ельмеев. Коммунизм и развитие человека как производительной силы общества. М., 1964, стр. 27.

[13] Л. Н. Коган и Ю. Р. Вишневский. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972, стр. 43—44.

мативный характер, общественные отношения. В обычаях и традициях передается из поколения в поколение опыт людей, непосредственное знание о мире.

Таким образом, опыт входит в практику как основа и **непосредственный регулятор деятельности.** В этом состоит его отличие от других видов знания, поскольку всякое знание может быть в конечном счете регулятором деятельности. При таком понимании опыта учитывается не только то, что опыт вырастает из практики, но и вхождение его в практику. Исходя из этого, мы можем говорить о реальном функционировании опыта. С одной стороны, опыт имеет выход в познание как фактическое знание, непосредственно полученное в практике. Этим обстоятельством указывается на непосредственную связь практики с познанием. С другой стороны, опыт имеет выход в практику как фактическое знание, лежащее в основе алгоритма практической деятельности. Поскольку опыт есть непосредственный регулятор практической деятельности, то здесь речь идет о непосредственной связи познания с практикой. В целом же можно сделать вывод, что опыт представляет собой вид взаимосвязи практики и познания.

В. И. Ермаков

ОПРЕДМЕЧИВАНИЕ И РАСПРЕДМЕЧИВАНИЕ В ПОЗНАНИИ И ПРАКТИКЕ

(Противоположность концепций Гегеля и Маркса)

Практическое и духовное освоение действительности человеком есть взаимодействие субъекта и объекта, которое развертывается в противоречивой форме опредмечивания и распредмечивания. Противоречие опредмечивания и распредмечивания впервые было раскрыто Гегелем в «Феноменологии духа» применительно к анализу диалектики формообразований сознания. Хотя отождествление бытия и мышления на идеалистической основе не позволило Гегелю раскрыть все богатство отношений данного противоречия, тем не менее он уже различал два аспекта этого противоречия как противоречия познания и действия. На основе диалектико-материалистической трактовки соотношения субъекта и объекта К. Маркс показал, что опредмечивание-распредмечивание является важнейшим противоречием всей производственно-трудовой и общественно-исторической деятельности общества.

В современной философской литературе по данному вопросу существует ряд точек зрения. Одни авторы полагают, что процессы опредмечивания и распредмечивания присущи только практическому преобразованию действительности[1]; другие процесс опредмечивания связывают с практическим изменением действительности, а процесс распредмечивания — с познанием окружающего мира[2]; в отдельных случаях опредмечивание и распредмечивание усматривают и в практике и в сфере духовной деятельности[3]. Появилось много работ, в которых обращение к данному вопросу связано с решением таких проблем, как труд и отчуждение, человек и его сущность и др.[4] Тем самым выявляется, хотя и косвен-

[1] См.: К. Р. Мегрелидзе. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965.

[2] См.: Т. Рожахедьи. Целенаправленный характер человеческой деятельности. Понятие практики.— В сб.: Проблемы марксистско-ленинской философии. М., 1965.

[3] См.: О. Г. Дробницкий. Природа и границы сферы общественного бытия человека.— В кн.: Проблема человека в современной философии. М., 1969.

[4] См.: И. С. Нарский. Об историко-философском развитии понятия отчуждения.— «Философские науки», 1963, № 4; Проблема человека в современной философии. М., 1969.

но, многообразие содержания категорий опредмечивания и распредмечивания, становится необходимым их специальное исследование.

Опираясь на принцип единства познания и практики, мы ставим своей задачей выяснить специфику опредмечивания и распредмечивания в познании и практике. При этом содержание категорий опредмечивания и распредмечивания анализируется в пределах противоположности «объективирование субъективности — субъективация объективности». Исходным для нашего рассмотрения является анализ гегелевской трактовки опредмечивания и распредмечивания и непреходящая по своему значению критика этой трактовки К. Марксом.

Исходя из того, что «*предмет сознания* есть по Гегелю не что иное, как *самосознание*, или что предмет есть лишь *опредмеченное самосознание*, самосознание как предмет» [5], необходимо вычленить то содержание, которое имеет понятие предмета у Гегеля применительно **к познавательному процессу** (теоретическому освоению действительности).

Во-первых, Гегель указывает, что сознание есть, с одной стороны, **осознание предмета**, а с другой стороны, осознание самого себя. Выступая в первом качестве, сознание имеет два предмета: бытие «в себе» и бытие этого «в себе» для сознания. Для сознания при этом **изменяется** первый предмет, ибо он перестает быть бытием «в себе». «Так как то, что сперва казалось предметом, низведено для сознания до знания о нем, а то, что в себе, становится некоторым бытием этого «в себе» для сознания, то это есть *новый предмет*, вместе с которым выступает и *новая форма существования* сознания...» [6]

Гегель прежде всего отмечает, что предмет находится в постоянном движении. «Движение есть развертывание и различение моментов, предмет — нахождение их в совокупности» [7]. Предмет, следовательно, понимается как **самодвижение** теории, как внутренняя необходимость формирования **логики** этой теории. Гегель замечает, что хотя разумные основоположения принадлежат лишь сфере субъективного сознания, тем не менее то, что в них есть в себе и для себя сущего называется **объективным**; познание истины видят в том, чтобы объект познавался таким, каков он есть как объект, свободный от примеси субъективной рефлексии.

Противоречие между объективным и субъективным в познании как предметном процессе (протекающее в рамках объективирования субъективности — субъективации объективности), по Гегелю, разрешается тем, что понятие обладает равной ему объективностью, т. е. **имеет предметом самого себя.**

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 628.
[6] Гегель. Соч., т. 4. М., 1959, стр. 49.
[7] Там же, стр. 60.

Во-вторых, бытие предмета для сознания — знание. «Знания нет, если нет предмета»[8]. Другими словами, беспредметного знания быть не может. «Само знание действительно и может быть изложено только как *наука* или *система*»[9]. При этом Гегель показывает оформление знания в науку или систему опять же как процесс наполнения субъективности духа объективным содержанием. Момент **связи** одной области науки с другой (момент перехода объективности в другую объективность) выражен как **снятие** понятием самого себя как предмета и познание понятия науки. Последнее снова «вынуждено» пройти весь этап наполнения своей субъективности объективным содержанием с тем, чтобы стать системой научного (объективного) знания и т. д. до бесконечности.

В-третьих, если предмет на уровне мышления представлен как **единство** целостности и многообразия, то на уровне чувственного знания предмет выступает или как единое целое, или как многообразие свойств. Для Гегеля (это очень важно) **переход** от одного уровня знания к другому доказывает внутреннюю связь предметно (в данном случае теоретически) освоенного мира. «Предмет есть для себя, поскольку он есть для другого, и есть для другого, поскольку он есть для себя»[10].

В чем же, по Гегелю, состоит опредмечивание и распредмечивание в теоретическом освоении мира? Опредметить — это значит: а) бытие «в себе» **сделать частью самосознания как совокупности снятых «в себе»**; б) представить эту часть самосознания как систему; в) полученную **систему знания** включить как элемент в органическое целое (общечеловеческое знание) — абсолютное самосознание (абсолютный дух).

Распредметить — это значит: а) перевести сущностные силы самосознания в **новые предметы** для сознания; б) подняться с уровня чувственного знания на уровень мышления и в **научной** форме систематизировать свои знания о предмете; в) раскрыть для себя часть «богатства» абсолютного духа, подняться на новый уровень в самопознании абсолюта.

Противоречие опредмечивания и распредмечивания в познании выступает как противоречие объективного и субъективного, абстрактного и конкретного, эмпирического и теоретического и т. д. Гегель представляет в качестве противоречий самопознания духа противоречия субъективного самосознания с объективной данностью во всех формах, противоречия форм мышления на разных уровнях знания, противоречия индивида и общества (субстанции — субъекта) в познавательном процессе. В этом смысле опредмечивание суть объективирование субъективности самосознаний, наполнение объективным содержанием субъективных форм мышле-

---

[8] Гегель. Соч., т. 4, стр. 52.
[9] Там же, стр. 12.
[10] Там же, стр. 68.

ния, включение всех «субъективных» знаний в объективную тотальность абсолютного знания. Распредмечивание соответственно суть субъективация, снятие всего богатства предметного мира понятием как становящейся тотальностью, движение от чувственных данных к формам мышления как переход на более высокий уровень субъективации действительности, постижение с помощью субъективной рефлексии объективного богатства определений духа.

В неадекватной форме отождествления предмета и самосознания на идеалистической основе у Гегеля выступила догадка о социальной природе сознания и его деятельной сущности. «Теоретическое отношение содержится по существу в практическом: нельзя представить себе их раздельными, ибо невозможно обладать волей без интеллекта. Наоборот, воля содержит внутри себя теоретическое отношение; воля определяет себя; это определение есть ближайшим образом нечто внутреннее: то, чего я хочу, я представляю себе, ставлю перед собою, есть для меня предмет»[11]. Человек в отличие от животного, которое обладает ограниченным кругом средств и способов удовлетворения своих (тоже ограниченных) потребностей, «доказывает также и в этой зависимости, что он вместе с тем выходит за ее пределы, доказывает свою всеобщность прежде всего созданием многообразных потребностей и средств, а затем различением в конкретной потребности отдельных частей и сторон и разложением ее на последние, которые становятся различными распадшимися на частности, и, следовательно, более *абстрактными предметами*»[12].

Таким образом, в практическом освоении действительности для Гегеля предметом выступает прежде всего человеческая потребность, понятая **абстрактно** как **духовная** потребность. Догадываясь о практической природе сознания, Гегель писал, что «это раздвоение в процессе его (сознания) труда и потребления проявляется в том, что оно разрывается на отношение к действительности или для себя бытие и на в себе бытие. Это отношение к действительности есть процесс изменения или действования»[13]. Происходит как бы раскалывание предметного мира на опредмеченные силы самосознаний и сами самосознания. Попытка соединить эти два мира была реализована Гегелем в «Феноменологии духа», где подчеркнуто, что «для сознания средним термином — между всеобщим духом и его единичностью или *чувственным сознанием* — служит *система формообразований сознания* как жизнь духа, упорядочивающая себя в целое — система, которая рассматривается здесь и имеет свое предметное наличное бытие в *качестве всемирной истории*»[14]. Предмет, в широчайшем смысле слова, — вся всемирная история как история духовного освоения мира. Специ-

[11] Гегель. Соч., т. 7. М., 1959, стр. 33—34.
[12] Там же, стр. 219.
[13] Гегель. Соч., т. 4, стр. 118.
[14] Там же, стр. 159.

фику опредмечивания и распредмечивания в практическом освоении действительности Гегель не смог адекватно отобразить, поскольку единственным видом деятельности, который он признавал в качестве истинно человеческого, был духовный труд.

Исходя из отождествления предмета и самосознания, он пришел к тому, что истинное овладение вещью возможно только в рамках отчуждения, что опредмечивание и есть отчуждение, что сам предмет — это *«мистический субъект — объект* или *перекрывающая объект субъективность, абсолютный субъект* как *процесс*, как *отчуждающий* себя и возвращающийся к себе из этого отчуждения и в то же время вбирающий его обратно в себя субъект, и субъект как этот процесс, это — чистое, *безостановочное* кружение в самом себе» [15].

Анализируя взгляды Гегеля, К. Маркс вычленил диалектическое движение опредмечивания и распредмечивания из схоластического переплетения категорий и дал изложение этого движения как реального процесса освоения объективного мира субъектом. В чем же Маркс усматривал специфику противоречия опредмечивания и распредмечивания в теоретическом и практическом освоении мира?

Для Маркса было совершенно очевидно, что предмет познания (идеального освоения действительности на основе ее практического преобразования) не есть нечто законченное, есть **предметный процесс, самодвижение предмета.** Сам по себе предметный процесс познания выступает в различных формах (понятия, теории, научная картина мира) и проходит два этапа — эмпирический и теоретический. На первом уровне предметный процесс двойствен, существует как два предметных процесса: или как процесс отображения моментов, характеризующих целостность объекта познания, или как процесс отображения моментов, характеризующих многообразие свойств объекта познания. На втором уровне предметный процесс представлен как единый процесс восхождения от абстрактного к конкретному, где оба момента — целостность и многообразие объекта познания — сняты в абстракции и ее движении к развитой теоретической системе. Этим Маркс ставит на реальную почву различие (данное еще Гегелем) между системностью и научностью как характеристиками предмета познания: система знания становится научной (предмет научен), когда **предметный процесс** соединяет все существенные моменты (стороны) объекта познания в единое целое. В качестве акта сознания знание выступает как **содержание** последнего. В качестве отношения сознания к другому сознанию знание выступает как форма, способ связи познающих индивидов друг с другом. Как акт сознания знание **социально детерминировано**, как отношение сознания к другому сознанию знание **детерминирует социальное**, т. е. выступает формой опосредствования связей индивидов.

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 638.

Опредмечивание в рамках познания состоит, следовательно, в а) отображении существующих связей объекта познания; б) систематизации полученных знаний в **научной** форме (наука как опредмечивание сущностных сил человека); в) включении конкретной науки в **научную картину мира.**

Распредмечивание будет тогда означать: а) построение теоретической модели (гипотезы) для реализации идеи; б) использование, применение науки (научной теории) как инструмента, метода получения новых данных; в) определение главных направлений теоретических исследований, исходя из определенной научной картины мира.

Очевидно, что противоречие опредмечивания и распредмечивания в рамках познания выступает как противоречие теоретического и эмпирического уровней знания, теории и метода как инструментов познания и в других формах. Важно отметить, что все формы данного противоречия (**каждая со своей стороны**) раскрывают противоречие общечеловеческого и индивидуального (**всеобщего и единичного**) в познании, ибо своеобразное прохождение системы формообразований сознания (общественного сознания во всех его формах) является ведущей закономерностью познания, нашедшей свое воплощение в методе восхождения от абстрактного к конкретному. В данном случае конкретным целым, конкретной всеобщностью является общественное сознание на каждом историческом этапе развития, во всем многообразии своих форм отражающее общественное бытие. Знания индивида выступают как отдельная сторона, момент этого целого, в этом плане они абстрактны; становление их конкретными — овладение всем наличным миром культуры — выступает в особенной форме, в форме индивидуального приобщения к общечеловеческому опыту, существующему для индивида как необходимая предпосылка его формирования и развития. Марксу важно подчеркнуть, что хотя противоречие опредмечивания и распредмечивания имеет свои специфические отличия в познании и в практике, оно тем не менее суть **единый процесс** освоения (очеловечивания) человеком мира, имеющий общие закономерности. Это во-первых. Во-вторых, Маркс постоянно выделяет **доминирующее** значение данного противоречия в практике над соответствующими процессами в познании и показывает, как «сказывается» такая доминанта на специфике теоретического освоения действительности.

Поскольку «ни природа в объективном смысле, ни природа в субъективном смысле непосредственно не дана *человеческому* существу адекватным образом» [16], то освоение (Aneignung) действительности как раз и призвано осуществить переход мира «в себе» в мир для человека, преобразовать природу человека и выработать объективную картину мира.

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 632.

Если рассматривать познавательный процесс как **объективный**, то специфический характер его объективности очень хорошо прослеживается в сравнении с объективностью практического преобразования действительности. Поскольку практика имеет характер непосредственной действительности, постольку здесь **действительное изменяет действительное** (человек изменяет вещество природы). В познании же «сначала» человек выступает как **недействительное** существо, «столкнувшееся» с данной ему действительной природой, а затем природа выступает как **недействительная,** поскольку она преобразована, «снята» человеком. Другими словами, объективность как характеристика познавательного процесса суть **становление** (познание объективного в итоге, результате), объективность как черта практики — **опредмеченный мир.** Естественно, что процесс становления объективности характерен и для практического преобразования действительности. Но в последнем это становление выступает только как момент, преходящий этап, фиксируемый в существовании наличного бытия вещей и общественных отношений.

С этой точки зрения опредмечивание в рамках познания представляет раскрытие объективных (существующих независимо от нас) связей вещей и процессов мира; построение теоретической системы, научно, т. е. **объективно,** воссоздающей движение, изменение и связи предмета с миром, а также внутренние отношения составляющих его элементов; включение данной теории в объективную, научную картину мира.

Распредмечивание тогда есть построение модели, объективно отражающей сам предмет познания; получение новых объективных данных о мире на основе и при использовании прежних теорий; нахождение **объективно** (а не произвольно) главных направлений научного поиска. Движение от субъективности к объективности, таким образом, представляет собой важную специфическую черту опредмечивания в познании.

Если рассматривать познавательный процесс как **целенаправленный**, то, не останавливаясь на отмеченных в нашей литературе различиях целеполагающей деятельности в познании и практике [17], хотелось бы остановиться на том, как проявляется доминанта практики над познанием в этом плане. Совершенно очевидно, что «познанию подлежит не то, что несущественно в вещах, а то, благодаря чему *они сами вырываются из всеобщей взаимообусловленности бытия* вообще, отделяются от «иного» и суть для себя» [18]. Поскольку вещи «вырываются» из всеобщей взаимосвязи благодаря тому, какой из **потребностей** людей они (или их стороны) соответствуют, постольку противоречие между существенным и несущественным в познании суть «превращенная форма» **практи-**

---

[17] Б. А. Воронович. Философский анализ структуры практики.
[18] Гегель. Соч., т. 4, стр. 132.

ческого несоответствия целей и средств их реализации, целей и результатов деятельности и т. д.

Если рассматривать познавательный процесс как процесс **творческий**, то характеристика его как только идеального по своей природе преобразования мира, оперирующего формами мышления, а не вещами, процессами и т. д., не приведет к выделению **специфических** черт этого процесса как **познавательного.** Поскольку познание состоит в отражении существенных связей объектов, то встает проблема творчества и отражения, отражения как творческого процесса. На наш взгляд, важным является анализ творческого характера познания, который исходит из определения деятельности субъекта **как полагания, осуществления себя в качестве своей собственной противоположности.** Такое абстрактное определение деятельности, на вид совершенно бессодержательное, на самом деле вскрывает глубинную сущность всякой деятельности.

Маркс раскрыл специфику познавательного процесса, основываясь на анализе процессов опредмечивания и распредмечивания в рамках материального преобразования мира на основе познания, т. е. в пределах практического освоения действительности.

В противоположность Гегелю Маркс прежде всего указывает на **материальный** характер предметных отношений человека и мира. «Вполне естественно как то, что живое, природное, наделенное и одаренное предметными, т. е. материальными, сущностными силами существо обладает также *действительными природными предметами* своей сущности, так и то, что его самоотчуждение есть полагание некоторого *действительного*, но выступающего в форме *внешности* и, значит, не принадлежащего к его сущности и господствующего над ним предметного мира» [19]. И если Гегель признавал только сферу духовного как **действительно** существующего, имел в виду только духовные потребности людей, то Маркс отмечал, что предметы его (человека) влечений существуют вне его, как не зависящие от него (объективные) предметы; но «эти предметы суть *предметы* его *потребностей*; это — необходимые, существенные для проявления и утверждения его сущностных сил *предметы*» [20]. Предмет, следовательно прежде всего **человеческая потребность.**

Маркс замечает, что взаимоотношения животного с природной средой характеризуются тем, что каждый новый акт потребления только повторяет **качественно** один и тот же процесс. Воспроизводство всегда только равно потреблению. Между человеком и природой вырастает целый ряд опосредствующих звеньев, целый мир новых отношений, беспрерывно воссоздается весь социальный комплекс. Во время процесса труда, выступающего как обмен веществ между природой и обществом, труд постоянно переходит

---

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 630.
[20] Там же, стр. 631.

из формы движения в форму вещи. Результат процесса труда — продукт — выступает и как субъективированный объект (субъективная сторона продукта проявляется в его способности удовлетворять ту или иную потребность людей), и как «овеществленная личность» (в процессе труда человек превращает часть своей субъективности в объективно существующий предмет). Что продукт не просто объект, но и часть субъекта, подтверждается тем, что, возвращаясь к субъекту в **акте** потребления, продукт уничтожается как объект, воссоединяясь с субъектом, и, удовлетворяя его потребности, восстанавливает его существование. Этот процесс Маркс называл очень выразительно — «персонификацией вещи». «Итак, первый исторический акт — это производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни... Второй акт состоит в том, что сама удовлетворенная потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом»[21]. То, что Маркс дважды употребляет термин «первый исторический акт», далеко не случайно, а, напротив, выражает диалектику процесса. Производство является первым историческим актом, так как оно «создает» материал, без чего у потребления отсутствовал бы предмет»[22]. Однако предмет производства является в то же время и предметом потребления лишь постольку, поскольку производством занимается субъект как необходимый средний член, делом которого является как производство, так и потребление. «Индивид производит предмет и через его потребление возвращается к самому себе, но уже как производящий и воспроизводящий себя самого индивид. Потребление выступает, таким образом, как момент производства»[23]. Так как производство существует ради потребления, то производство связано с субъектом не непосредственно, а опосредованно — через потребление. Содержание труда, таким образом, определяется для субъекта не непосредственно, а формированием в труде **новых потребностей.** Через это порождение производство определяет субъект, его свойства, качества и способности. Потребности человека, получая импульс от производства, развиваются, вовлекаются в историю, становятся ее элементом, а субъект становится **историческим существом.** Для животного предмет деятельности и ее продукт — одно и то же, для человека в предмете виден только материал, в котором он должен при помощи производства обнаружить предмет удовлетворения своей воспитанной трудом потребности. Занимаясь производством, человек перестает быть наедине со своими потребностями. Более того, первой потребностью для человека **является другой человек,** поэтому все **суще-**

[21] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М., 1970, стр. 20.
[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, стр. 28.
[23] Там же, стр. 30.

ствующие социальные связи и отношения суть **предмет** деятельности индивидов.

Опредмечивание в рамках практического освоения действительности состоит, следовательно, в: а) удовлетворении воспитанных трудом потребностей, которое включает материализацию «идеальных сил человека», объективирование его субъективности (его целей, стремлений, планов и т. д. и т. п.); б) в раскрытии всего богатства связей индивида с обществом; в) в освоении всего практического опыта человечества, в приобщении к тому миру культуры, который выработало человечество. В этом смысле распредмечивание суть: а) становление потребности как социальной (становление ее элементом истории); б) общественная (социальная) деятельность индивидов по преобразованию общественных отношений; в) использование общечеловеческого опыта для совершенствования общественных связей и отношений с природой.

Противоречие опредмечивания и распредмечивания в рамках практического преобразования природы и общества имеет **ряд уровней** в зависимости от того, каков предмет деятельности. В человеческих потребностях опредмечиваются и распредмечиваются противоречия материального и духовного производства; в социальных связях и отношениях опредмечиваются и распредмечиваются противоречия общественной жизни; во всемирно-историческом процессе опредмечиваются и распредмечиваются противоречия старого и нового в общественном развитии.

Если практику рассматривать как объективный процесс, то опредмечивание и распредмечивание принимают следующий вид. Опредмечивание есть объективирование своих субъективных потребностей; выполнение социальной роли как объективирование индивидуальных (субъективных) связей с группой, обществом; наполнение объективным содержанием своего опыта. Распредмечивание — это субъективация объективности в потребностях, становление потребности как человеческой, принадлежащей субъекту; объективная деятельность по преобразованию «субъективных» (исторически преходящих) общественных отношений; привлечение общечеловеческих знаний (опыта) для решения практических задач.

Проведенный анализ противоречия опредмечивания и распредмечивания в познании и практике показал, во-первых, что данное противоречие является основополагающим в отношениях человека с миром. Во-вторых, опредмечивание «сущностных сил человека» в одном и том же отношении является распредмечиванием этих же сил. Опредмечивание и распредмечивание — две противоположные стороны одного и того же процесса освоения человеком мира. В-третьих, этому единому процессу присущи общие закономерности, имеющие специфические формы выражения в познании и практике. Доминирующим значением в рамках этого единства обладают противоречия опредмечивания и распредмечивания в практике.

Н. И. Савцова

ПРАКТИКА И СВОБОДА

Содержание категории «практика» как материальной целенаправленной деятельности раскрывается через ее соотнесение с категориями материи, сознания, познания. Специфические особенности практики как деятельности творческой и волевой, связанной с целеполаганием, выявляются при соотнесении категорий практики и свободы.

Гносеологический анализ связи свободы и практики дает возможность понять влияние практики на условия реализации свободы, а также влияние свободы на осуществление практических задач, на расширение границ практического господства субъекта над внешним миром.

Ф. Энгельс, анализируя содержание свободы, отмечал, что оно заключается не только в познании законов, управляющих внешней средой, телесным и духовным бытием самого человека, но и в основанной на этом познании «возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей» [1]. Таким образом Ф. Энгельс указывал на познание законов природы и общества как первую и необходимую предпосылку свободы человека в практике. Именно через познание осуществляется связь свободы и необходимости в практике субъекта.

Не всякое практическое отношение субъекта является свободным, а только то, которое основано на знании им объективных закономерностей объекта, тенденций его развития. Рассматривая практику как форму материального процесса, классики марксизма подчеркивали, что она с начала и до конца пронизана сознанием. Поэтому практическое действие не тождественно любому материальному действию. Предмет природы, который подвергается практическому воздействию, не просто изменяет форму, в нем материализуется человеческий труд, «опредмечивается» его сознание.

Творческая активность сознания выступает той качественной стороной, которая собственно и делает практику специфической формой бытия. Но что обусловливает эту качественную сторону сознания? Способность сознания проникать в наиболее глубокие связи и отношения внешнего мира обусловлена тем, что оно само

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 116.

не является «чужеродным» элементом материи, оно есть продукт исторического развития ее свойства — отражения. В практике как наиболее развитой форме материального взаимодействия отражение постепенно приобрело характер познавательного отношения субъекта к миру.

Практическое отношение — это предметное отношение, в процессе которого происходит **непосредственное изменение действительности.** Познавательное отношение характеризуется **изменением наших знаний** о существовании и развитии этой действительности; с развитием общества оно приобретает характер научно-теоретического познания.

Существование практики определяется социальными законами, которые являются специфическим выражением общих закономерностей бытия. Практика не является абсолютно противоположной объективному миру как таковому, а связана с ним своей сущностью, определяющей способность непосредственного воздействия и изменения этого мира, а также возможность его познания.

Если признать независимое существование природы, если признать, что человек есть продукт ее развития и всегда остается при всех исторических завоеваниях природным существом, не выходит за пределы ее всеобщих законов, а потому и воздействовать на нее может лишь в рамках и на почве этих законов, если признать эти исходные положения материализма, то нельзя, не впадая в логическую непоследовательность, оторвать творческую деятельность человека от отражения им объективных законов действительности. Человек лишь постольку воздействует на мир, поскольку отражает его, и лишь постольку действительно творит, поскольку творит по законам самих вещей.

Человек не вторгается в окружающий его природный мир как инородное тело или существо. Он с момента своего возникновения включен с необходимостью во всеобщую взаимосвязь явлений и процессов объективного мира. Знание законов внешнего мира дает ему возможность господства над объектом в сфере непосредственной деятельности. Но этим фиксируется лишь одна из сторон решения проблемы практики и свободы.

Другая состоит в том, что, действуя по законам природных вещей, люди выходят в то же время за рамки только природного существования, вступая в отличную от природы форму жизнедеятельности — общество: «Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению. Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный *образ жизни*»[2].

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 19.

Общественная жизнь индивидов есть предпосылка их свободы. Свобода состоит не в том, чтобы относиться к миру как к объекту созерцания и потребления в его данности, а в том, чтобы реально изменять его соответственно развитым потребностям. Практика и есть не что иное как исторический процесс изменения мира (природного и социального) в соответствии с развитыми общественными потребностями [3].

Объективные общественные потребности определяют направление теоретических исследований и будущую деятельность по их реализации. Деятельность людей всегда есть изменение существующего в соответствии с его законами. И когда субъект творит будущее, он творит его, исходя из настоящего, поэтому осознание (отражение) реальных условий и возможностей настоящего является необходимой стороной свободы и творчества. Предвидеть будущее — значит отразить, познать объективные тенденции и возможности настоящего. Именно с этой особенностью сознания связана его характеристика и как творческого процесса. Активность сознания не только не противоречит его статусу как отражения, но определяется этим статусом. Показателем творческого характера сознания (отражения) является тот факт, что человек способен создавать в своей голове такие образы, которые, воплощаясь в веществе природы посредством практики, не имеют себе аналога в объективной действительности (технические сооружения, новые виды материалов, растений и т. д.). Их возникновение в первую очередь обусловлено тем, что отражение на уровне сознания осуществляется на основе **общественно-исторической практики** субъекта. Вне социальной формы материи творчество существовать и развиваться не может, социальное бытие является той основой, на которой только и возможно его возникновение.

Творчество не есть монополия только теоретического познания. Оно пронизывает все виды и формы человеческой деятельности и характеризуется созданием нового. Предпосылки его складываются в деятельности субъекта и определяются потребностями этой деятельности. Субъект может и не осознавать зависимости своего творчества от общественной потребности, поэтому оно может характеризоваться как случайность, гениальное озарение, «интуитивное чувствование» и т. д. Лишенное своей объективной основы, оно действительно производит первоначально подобное впечатление. Но субъект через многообразную систему связей включается в отношения, определяющие собственно его сущность и бытие — в практические отношения. Материальный характер этих отношений определяет направленность творчества, тенденции его развития.

Свобода субъекта проявляется не в его способности произвольно определять содержание творчества, а в его **умении выбрать** для изучения те стороны действительности, исследование которых

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 71.

более всего необходимо обществу. Все попытки противопоставить отражение и творчество, отражение и свободу так или иначе приводят к принижению значения роли теории в практической деятельности субъекта, к упованию только на интуицию и волю как факторы, обеспечивающие свободу.

В практике воля субъекта проявляется в регулировании побуждений, в отборе мотивов деятельности. Марксистско-ленинская теория отражения устанавливает связь воли как стороны человеческой психики с внешним миром, с практическим отношением человека к миру. Воля — это специфическая форма отражения, причем в практике и только в практике человек становится действительно волевым субъектом.

Разница между волей и мышлением как формами отражения действительности состоит в том, что в воле отражаемый объект, его содержание являются одновременно и **мотивом деятельности субъекта и содержанием познания, в мышлении — только содержанием познания.** Это двойственное проявление содержания отражения объекта и определяет «произвольность» поступков и решений субъекта, свободу его воли. Предметное содержание вносится в волю практической деятельностью субъекта, которая предполагает знание того объекта, на который она направлена. Она же обусловливает и характер мотивов, в которых находит выражение интерес субъекта.

При всей индивидуальности и специфичности воли как формы отражения она через эти два момента связана с реальной практикой, и через призму социальных **возможностей** практики отражает условия своей реализации — свободу. Вся совокупность общественных связей объекта в той или иной мере входит в свободу воли субъекта. Его потребности, интерес определяют направление выбора в волевом акте. Знание объекта служит одним из условий как выбора, так и его реализации. На первый план здесь выступает ценность, полезность объекта, его значимость для удовлетворения каких-либо практических потребностей субъекта. Между тем ценностный аспект выбора вторичен, производен от системы общественных отношений, которые порождаются практикой субъекта и находят отражение в его потребностях. К. Маркс критиковал И. Бентама, утверждавшего, что критерием свободы воли субъекта является только та польза, которую ему приносит выбор. К. Маркс заметил, что такое понимание свободы воли возможно только в мире частной собственности и предпринимательства и выражает оно интересы лишь буржуазии, старающейся представить капиталистический строй подлинно свободным миром[4].

К. Маркс усматривал прямую связь между превознесением роли ценности выбора и умалением значения роли разума, теории в самом действии. Он отмечал, что подобный подход к пониманию

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 187.

свободы воли характерен для субъективистского, утилитарного понимания практики [5].

В настоящее время волюнтаристический идеализм в подходе к содержанию свободы воли — наиболее характерная черта буржуазной философии.

В **прагматизме** критерием оценки свободы воли субъекта является ценностный аспект его отношения к объекту. Естественно, что практика в таком случае выступает лишь в качестве «инструмента» реализации выбора, а его источник связывается только с субъектом.

В экзистенциализме свобода выбора изначально присуща субъекту, она не определяется ничем извне, возникает неизвестно каким образом с момента появления человека на свет. Роль практики в реализации свободы отрицается, ибо человеческое бытие — это «свобода, которая выбирает, но мы не выбираем быть свободными: мы осуждены на свободу» [6].

В философской антропологии воля выступает в качестве «служителя и толкователя интеллекта», причем трактуется она в духе Шопенгауэра, иррационалистически, как что-то непостижимое, неподвластное контролю разума. Общественные связи субъекта ограничиваются при этом этическими нормами, воплощающими абстрактно-антропологическую, гуманистическую сущность человеческого рода. Во всех этих теориях отрицается какая-либо обусловленность свободы воли конкретно-историческими формами практической деятельности субъекта, его общественными связями.

В этом же русле идут рассуждения о свободе воли в философии «аутентичных марксистов», одной из разновидностей современного правого ревизионизма, связанного с деятельностью группы «Праксис» (Югославия). Для «аутентичных марксистов» практика есть «активность, которая вносится субъектом в мир», средством реализации этой активности выступает воля. Свободу воли они считают непознаваемым первоначалом, из которого вытекает способность человека «проецировать» себя в будущее, быть иным, чем он является в настоящее время» [7].

Рассматривая практику как деятельность, исходным моментом которой является заранее поставленная цель, в соответствии с которой она и осуществляется, К. Маркс связывал содержание цели с осознанием недостаточности действительности как таковой для человека.

В связи с этим цель включает в свое содержание не только знание того, что есть, но и полагание того, что должно быть. Поэтому она и становится предпосылкой для предстоящей деятельности, одним из ее оснований, направленных на устранение **недостаточности** данной действительности. «Человек не только изме-

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 623 (примечание).

[6] Sartre J.-P. L'etre et le neant. Essai d'ontologie phenomenologique. Paris, 1948, s. 565.

[7] M. Kangrga. Etika i sloboda. Zagreb. 1966, s. 110—111.

няет форму того, что дано природой,— писал К. Маркс,— в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [8].

Характер отношения к миру выражается здесь в том, что в понятие цели включается не только некоторое положительное знание сущего, но и содержание того в действительности, что **не удовлетворяет** человека и подлежит преобразованию, поэтому цель является **полаганием новой деятельности**, отчего она и приобретает характер **практической задачи.**

Отражая конкретные потребности человека и выступая вначале в форме идеальных побуждений его деятельности, цель, соединяясь с трудом, становится реальной формой деятельности. Без этого соединения цель остается простым побуждением и ни к каким изменениям в самой действительности привести не может. В то же время цель отражает и состояние практики. Если в самой практике нет еще условий для реализации цели или они не полностью созрели, деятельность, направленная на реализацию такой цели, обречена на провал.

Процесс выбора цели и процесс ее реализации относительно самостоятельны. В том и в другом случае свобода в практике выступает в различных формах: в форме реального средства, в форме действия и его результата. Поскольку представления человека о предмете в общем-то не исчерпывают всей полноты реального предмета, постольку действительный результат деятельности необходимо будет отличаться от заранее поставленной цели. Результат деятельности не является продуктом только цели, он есть продукт деятельности с ее реальными средствами, подлинное содержание которых как раз и выявляется в результате деятельности.

Подлинным результатом оказывается совсем не тот, который мыслится человеком в форме его цели, но лишь тот, который реально определен его деятельностью с помощью тех средств, которые в этой деятельности применялись. В результате деятельности обнаруживается то новое, чего человек не предвидел и не мог мыслить как результат своей деятельности.

В результате деятельности раскрывается и то, насколько человек господствует над уже покоренной, освоенной сферой природных и общественных отношений, насколько его действия свободны. Так, развитие материального производства в условиях современной научно-технической революции остро поставило вопрос о последствиях вмешательства в природный процесс для самой жизнедеятельности человечества. Ф. Энгельс указывал на эту сторону в развитии практики еще в XIX в., отмечая, что практическое вмешательство в природный процесс таит массу «непредвиденных последствий» [9], на которые люди не рассчитывали, что «неконтро-

---

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.
[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 496.

лируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно» [10].

До определенного времени взаимодействие общественного производства и окружающей среды носило такой характер, что последняя восстанавливалась без специальных затрат труда человека, хотя необратимые изменения **местного** значения начали появляться уже с возникновением человеческого общества. Капитализм, давший толчок развитию производительных сил, одновременно привел к такой хищнической эксплуатации природных ресурсов, которая повлекла нарушение экологического равновесия уже в отдельных **регионах** земного шара.

В условиях современной научно-технической революции, стремительного роста производительной деятельности человека, с увеличением плотности населения и урбанизации в современном мире создалась угроза необратимых изменений окружающей среды в **глобальном** масштабе. Так, в США в настоящее время по меньшей мере на $^1/_3$ территории существует устойчивое загрязнение среды, а вода крупных водоемов непригодна для питья (при 6% населения на долю США приходится 40% мирового загрязнения окружающей среды) [11].

Производительные силы определяют достигнутый уровень господства общества над природой, а результат этого господства реализуется через производственные отношения. Свобода в сфере общественных отношений становится достоянием отдельного человека в зависимости от его места в общественном производстве: «...Люди завоевывали себе свободу всякий раз постольку, поскольку это диктовалось им и допускалось не их идеалом человека, а существующими производительными силами. В основе всех происходивших до сих пор завоеваний свободы лежали, однако, ограниченные производительные силы; обусловленное этими производительными силами, недостаточное для всего общества производство делало возможность развития лишь в том виде, что **одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других»** [12].

Ликвидация эксплуатации человека человеком в социалистическом обществе создает новые условия практической деятельности и свободы человека. Социалистическая революция знаменует переход к обществу, которое в своей практической деятельности сознательно исходит из требований объективных законов. «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под конт-

---

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 358.

[11] См.: Р. Куропятник. Загрязнение среды в США: некоторые аспекты.— «Мировая экономика и международные отношения». 1972, № 8.

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 433. (подчеркнуто мной.— *Н.С.*).

роль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают» [13].

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 295.

И. С. Нарский

ПРАКТИКА И ОТЧУЖДЕНИЕ
(Из истории эволюции философских воззрений Георга Лукача)

Творчество известного венгерского общественного деятеля и философа Дьердя (Георга) Лукача (1885—1971) в настоящее время вызывает много споров. Уточнение оценки философами-марксистами той роли, которую сыграл Лукач как мыслитель, — задача актуальная и в теоретическом и в политическом плане. Автор данной статьи поставил перед собой цель рассмотреть некоторые моменты эволюции философских взглядов Г. Лукача.

Подведением итогов своего духовного развития после первой мировой войны Г. Лукач назвал книгу «История и классовое сознание», появившуюся в 1923 г. и представлявшую собой сборник статей, отдельные из которых были опубликованы в периодической печати с 1918 по 1922 г. Наиболее значительным в этой серии является философско-исторический очерк «Овеществление и пролетарское сознание» [1].

В предисловии к книге Лукач заявлял о своем намерении дать интерпретацию марксизма в духе «подлинного Маркса». И действительно, в этой книге были поставлены некоторые важные вопросы марксистской теории — о сущности и значении философии марксизма, о характере диалектики социальных процессов и о структуре человеческой практики, о смысле противоположности между пролетарским и буржуазным мировоззрением; здесь рассматривалась проблема отчуждения. Следует отметить, что Г Лукач первым поставил вопрос о месте проблемы отчуждения в системе воззрений марксизма.

Однако «История и классовое сознание» была незрелым произведением и несла на себе глубокие следы непреодоленного в то время Лукачем гегельянства. Автор пытался максимально сблизить философские позиции Гегеля и Маркса, по сути дела отождествлял гегелевскую концепцию «рациональности в истории» с историческим материализмом и вообще поставил перед собой задачу «обновить марксизм гегелевскими традициями». Марксову критику

[1] Этот очерк был опубликован на русском языке под заголовком «Материализация и пролетарское сознание» в журнале «Вестник Социалистической Академии», 1923, кн. 4—6.

Гегеля Г. Лукач объявил прямым продолжением и развитием той критики, которую проводил сам Гегель по отношению к Канту и Фихте. Он определил диалектический метод Маркса как «последовательное продолжение» того, к чему стремился, но чего Гегель сам достичь не смог.

Вследствие указанного по сути дела отождествления философии Маркса и Гегеля «История и классовое сознание» по своим основным философским установкам носила идеалистический характер. Так, Лукач, признавая существование диалектики социальных процессов, отрицал диалектику в природе. Он писал об «имманентной» рациональности, скрывающейся в истории. Для раннего Лукача основой исторического процесса является сознание, которое направляет историческое развитие к заранее заложенной в нем цели. Уклон к идеализму у автора «Истории и классового сознания» сказался в преувеличении им роли определенным образом интерпретированных категорий тотальности и опосредования, а также в его трактовке понятия практики.

Категории «тотальность», заимствованной у Гегеля, Лукач придавал особое значение: он видел в ней «средство возвышения» социальных категорий над категориями познания природы. Даже спустя 45 лет Лукач по-прежнему продолжал считать разработку этой категории значительным своим достижением. «Бесспорно, большая заслуга «Истории и классового сознания», — писал он в 1967 г.— была в том, что она снова придала центральное методологическое положение категории тотальности, которая была предана забвению «сциентичностью» социал-демократического оппортунизма...» [2].

У Гегеля категория «тотальность» служила целям примирения противоречий в высшем синтезе. Лукач использовал ее для идеалистического истолкования социальных процессов, а именно для устранения из них объективной, не сводимой к духовности, стороны. Принцип **«тотальности»** был направлен Лукачем против «традиционного понимания» исторического материализма, которое исходит при решении основного вопроса философии из тезиса о «примате экономики», объявленного Лукачем узким и примитивным. Одним из программных положений Г Лукача, вытекавшим из принципа «тотальности», было отрицание им самостоятельного (хотя бы и относительно самостоятельного) значения политической экономии как науки. «Для марксизма, — заявил он, — в конечном счете не существует никакой самостоятельной науки о праве, политэкономии, истории и т. д. ...» [3]. Может существовать только нерасчлененная наука о «социальности» вообще. Другой момент, связанный с абсолютизацией взаимосвязи социальных явлений, — тезис о «замыкании» общества «на себя», абсолютизация его

---

[2] G. Lukàcs. Geschichte und Klassenbewußtsein Studien über marxistische Dialectik. Neuwied und Berlin (West), 1968, S. 21.

[3] G. Lukàcs. Geschichte und Klassenbewußtsein. Berlin, 1923, S. 40.

внутренних опосредствований, рассмотрение общества вне связи с природой. Третье, тяготеющее к идеализму и пропитанное ультра-«революционной» демагогией, положение гласит: «Не примат экономических мотивов в объяснении истории решительным образом отличает марксизм от буржуазной науки, но точка зрения тотальности... *Господство категории тотальности есть носитель революционного принципа в науке*» [4].

Эти и многие подобные им формулировки Лукача в контексте его ранних работ создавали, как правило, очень двусмысленное и дезориентирующее впечатление — они были направлены, с одной стороны, действительно против «экономического материализма» оппортунистов из II Интернационала, а с другой — против объективно-научного анализа экономических процессов и их воздействия на жизнь общества с позиций диалектико-материалистической теории. Почти нигде автор не делал необходимых уточнений, и это позволяло толковать многие страницы книги «История и классовое сознание» по-разному.

Утверждая далее, в соответствии со своим принципом «тотальности», что «природа есть общественная категория», Лукач придал этому тезису многоплановый смысл: (а) в человеке чувственно-природное неотделимо от рационально-социального, а значит всякое разделение на теорию и практику ошибочно, и следует отстаивать «тотальность практики»; (б) объективное рассмотрение природы, по Лукачу, есть лишь частичное, а «всякое частичное рассмотрение механистично» [5]; (в) теоретическое превращение природы в часть социальной действительности обеспечивает преодоление фатализма и понимание деятельности пролетариата как его «свободного (?) дела» [6].

Отрицая диалектику природы, Лукач вступил в полемику с Энгельсом. «Ограничение (области действия) метода общественно-исторической действительности, — заявил Лукач, — очень важно... Энгельс, следуя дурному примеру Гегеля, распространяет диалектический метод и на познание природы. Но ведь самые существенные определения диалектики — взаимодействие субъекта и объекта, единство теории и практики, историческое изменение субстрата категорий как основание их изменения в мышлении и проч., — к познанию природы не приложимы» [7]. Следуя Гегелю, Лукач даже не допускал мысли о существовании диалектического взаимодействия между объектами и принимал лишь диалектику связей субъекта с объектом, в которой последний есть продукт деятельности первого. В итоге представления раннего Лукача о процессах и связях в природе оказывались антидиалектическими.

---

[4] G. Lukàcs. Geschichte und Klassenbewußtsein, S. 39.
[5] Ibid., S. 152.
[6] Ibid., S. 309, 314.
[7] Ibid., S. 17.

Конечно, взаимодействия субъекта и объекта в природе, взятой вне или до человеческого общества, т. е. рассматриваемой в изоляции от субъекта, не существует, но это ничуть не подрывает диалектики и не лишает ее революционного характера. И как раз изоляция социальной диалектики, истолкованной как диалектика субъекта, от диалектики объективного мира сводила на нет марксово положение об «обмене веществ» между природой и обществом и неуклонно толкала Лукача к идеалистическому искажению сущности социально-исторического процесса.

Далее, все ссылки Лукача на невозможность резкого разграничения между ощущениями и мыслительной деятельностью человека вовсе не доказывают, что между практикой и теорией нет будто бы отличия. Лукач допускает ту же ошибку, когда он отождествляет ощущения и практику. В действительности общественно-практическая деятельность людей никоим образом не может быть сведена к ощущениям. Проводя абсолютную границу между обществом и природой, Лукач в то же время говорил, что проведение жестких, абсолютных границ между частями (областями) «целого» (социальной действительности) метафизично. Но ведь наличие **относительных** границ здесь несомненно, и признание их вовсе не означает «метафизичности» объективного рассмотрения. Далее, тот факт, что мы познаем природу через посредство нашей практической деятельности (т. е. деятельности людей, субъектов), а также то обстоятельство, что мы окружены созданной нами социально-вещественной, так называемой «второй», природой (машины, здания, средства сообщения и связи и т. д.), отнюдь не означает, что не существует природы, не затронутой социальными воздействиями. Отрицание существования **объективной**, т. е. независимой от человека, природной реальности, действительно, избавляет нас от фатализма, но очень дорогой ценой впадения в бездну крайнего волюнтаризма. К волюнтаризму именно и вела концепция Лукача.

Волюнтаристский и идеалистический характер носили утверждения раннего Лукача, что по мере развития «тотальной» борьбы пролетариата наблюдается «исключение» необходимости, и субъективный фактор делается господствующей и всеобъемлющей силой. Мало того, *«...сила всякого общества в сущности есть ведь духовная сила»*[8]. Дело не ограничивалось общефилософской формулировкой данного тезиса, и Лукач сделал из него следующие политические выводы: коммунистическая партия, будучи «конкретным опосредствованием (?) между человеком и историей», должна иметь своей задачей развитие «самовоспитания» пролетариата, всякая же ее собственная политическая деятельность, связанная с «ориентацией на государство», должна быть «преодолена» (?) как фетишизирующая[9]. Рассуждая подобным образом,

---

[8] G. Lukàcs. Geschichte und Klassenbewußtsein, S. 267.
[9] Ibid., S. 144, 268, 321.

Лукач по сути дела отрицал руководящую и организующую роль коммунистических партий, сводя задачи их деятельности к «культурно-педагогическим». Эти его абстрактные и прямо ошибочные рассуждения ныне используются правыми и «левыми» ревизионистами в их борьбе против марксистско-ленинского учения о партии как авангарде рабочего класса и всех трудящихся, направляющем все их усилия к осуществлению социалистической революции, к победе социализма и коммунизма.

В соответствии с принципом «тотальности» ранний Лукач интерпретировал и понятие **практики**: в жизни людей все есть практика и нет ничего, кроме практики. Однако Лукач не анализировал производственно-трудовой практики людей, он по сути дела отрицал материально-производственную деятельность как основу практики, в связи с чем резко возражал Энгельсу по поводу того, что практика в виде эксперимента и индустрии служит критерием познания. По мнению раннего Лукача, и индустрия и эксперимент к практике никакого отношения не имеют, поскольку они являются, де, «созерцательными» видами деятельности. Что же такое практика? Активность субъекта, обращенная на порожденную этой же активностью опредмеченную среду. Так понимание практики Лукачем приобрело явно фихтеанский привкус, и в итоге практика превратилась в «социальную онтологию», понимаемую как творческая деятельность вообще [10].

В рамках своей волюнтаристской концепции практики Г. Лукач объявил пролетарское мышление теорией практики, которая превращается в «практическую» теорию, причем последняя стихийно и сама по себе преобразует действительность. Он не раз провозглашал, что «учение Маркса должно ежедневно, ежечасно, заново вырабатываться посредством практики» [11]. Об организующей и руководящей роли партии в процессе претворения революционной теории в жизнь у Лукача при этом речи не было. Он свел практическую деятельность коммунистических партий и даже содержание всего субъективного фактора в целом к процессу развития классового сознания, одновременно будто бы для всех слоев пролетариата происходящему. «Ведь сила партии, — писал он, — моральная...» [12].

В работе «История и классовое сознание» Лукач часто отождествлял практику со «свободой» и даже с пролетариатом в целом как «самотождественным субъектом-объектом» [13]. Эти и подобные им тезисы были выражены в туманной спекулятивно-гегельянской форме, но несмотря на эту их туманность, вполне определенно сближались с идеалистическим пониманием диалектики практики.

---

[10] В вопросе о «социальной онтологии» у Лукача произошла впоследствии определенная эволюция взглядов, о чем будет сказано далее.

[11] G. Lukàcs. Politische Aufsätze. Schriften, Neuwied und Berlin, 1967, S. 12.

[12] G. Lukàcs. Geschichte und Klassenbewußtsein. Berlin, 1923, S. 54.

[13] Ibid., S. 164, 216.

Позднее Лукач отказался от своей ранней концепции практики. Он охарактеризовал ее как «абстрактно-идеалистическую» и «не соответствующую подлинному марксистскому учению». «Я не заметил, — писал он в 1967 г., — что без базиса в виде действительной практики, без труда в качестве ее первоначальной формы и модели, перенапряженное понятие практики должно превратиться в идеалистическую созерцательность» [14].

Изложенная выше концепция практики послужила обоснованию оппортунистической теории стихийности. В статье «Что такое ортодоксальный марксизм?» (март 1919 г.) Лукач утверждал, что теория и практика исторического материализма в готовом виде «вырастают» из непосредственного жизненного положения пролетариата. Крайне двусмысленный характер носила критика Лукачем тех теоретиков, которые считали этот тезис неверным или крайне неточным. Он порицал Гильфердинга, изображавшего социализм в виде «чистой науки», но вместе с тем не принял и ленинского тезиса о необходимости внесения социализма в рабочее движение, поскольку, де, ложное сознание пролетариата само по себе в скором времени преобразуется в истинное. И хотя Лукач впоследствии, как уже было отмечено, признал ошибочность многих своих ранних положений, они принесли на практике в свое время большой вред, были подхвачены многими ревизионистами и подняты ими на щит. Взгляды раннего Лукача внесли немалую дезориентацию в коммунистическое движение.

С идеалистической точки зрения рассматривал Г. Лукач в книге «История и классовое сознание» и проблему **отчуждения.** Прежде всего он чрезвычайно преувеличил значение этой проблемы. По его мнению, человеческая история сводится к истории смены форм и видов отчужденного овеществления. Лукач полагал, что сущность исторического материализма охарактеризована Марксом только в разделе 1 тома «Капитала», посвященном вопросу о товарном фетишизме. Отчуждение человека, по мнению Лукача, есть «центральная проблема времени, в котором мы живем» [15].

Гипертрофия отчуждения была совершена Г. Лукачем с помощью гегельянской по своей природе операции, а именно — отождествления всякого опредмечивания с отчуждением. Вслед за Гегелем он свел отчуждение к опредмечиванию вообще, отрицая тем самым преходящую социально-классовую природу отчуждения и превращая его в вечный феномен жизни людей. Вместе с тем в отчужденную по своей природе деятельность была превращена и столь им прославляемая практика.

Исходя из отождествления отчуждения и опредмечивания, Лукач построил еще одно спекулятивное определение пролетариата, а именно как «критики овеществления» [16]. Все это шло у него

---

[14] G. Lukàcs. Geschichte und Klassenbewußtsein, 1968, S. 18.
[15] Ibid., S. 23.
[16] G. Lukàcs. Geschichte und Klassenbewußtsein, 1923, S. 89.

рука об руку с крайне абстрактным истолкованием революции, пролетариата, деятельности коммунистической партии и с нигилистически неограниченной критикой всяких государственных институтов. Отсюда же проистекало очень сдержанное (если не сказать: отрицательное) отношение Лукача к науке, с этим было связано и отрицание им объективной диалектики.

Лукачианская концепция отчуждения ничуть не соответствовала взглядам К. Маркса, который еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» указывал на идеалистический характер гегелевского отождествления отчуждения и опредмечивания. Позднее, в 30-е годы XX в. Лукач, познакомившись в Москве с «Экономическо-философскими рукописями», пересмотрел свои взгляды на отчуждение. «Мне стало ясно,— писал он в 1967 г.,— что опредмечивание является природным видом человеческого преодоления мира, а отчуждение представляет собой то, что осуществляется под влиянием определенных общественных обстоятельств». «Тем самым,— продолжал он,— был окончательно разрушен теоретический фундамент того, что составляло специфику «Истории и классового сознания» [17].

Назвав свою прежнюю позицию в отношении проблемы отчуждения «идеалистическим предрассудком», Г. Лукач в предисловии к переизданному в 1968 г. его раннему произведению в целом согласился с марксистской трактовкой этой проблемы. Однако его прежний тезис об отождествлении отчуждения и опредмечивания был широко подхвачен различными буржуазными философами-идеалистами и ревизионистами, оказал и оказывает по сей день большое влияние на мировосприятие пессимистически настроенных групп западной интеллигенции. Этот тезис препятствовал распространению материалистических взглядов на общественную жизнь.

В работе «История и классовое сознание» Лукач неоднократно рассуждал как философ-идеалист и по проблемам соотношения бытия и сознания. Так, он писал: «Взгляд, что мышление есть продукт мозга и потому согласуется с предметами в эмпирии, есть точно такая же мифология, как мифология воспоминания и мира идей» [18]. Этот взгляд Лукача был тесно связан с извращением им диалектики субъекта и объекта и с его атаками на теорию отражения.

Каковы аргументы молодого Лукача против теории отражения? Они не отличались новизной. Он заявил, что в общественной жизни сознание не отражает бытие, ибо они тождественны. Подобные тезисы, высказанные, например, А. Богдановым, давно опровергнуты В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме». Не раз Лукач голословно утверждал, что теория отражения созерцательна, ведет к дуализму бытия и сознания, примитивна и т. д.

[17] G. Lukàcs. Geschichte und Klassenbewußtsein, 1968, S. 25.

[18] Ibid., S. 221. Здесь имеется в виду мир идей Платона. Лукач доходил до того, что писал, что «все равно», считать ли понятия отображениями вещей или же, наоборот, считать вещи отображениями понятий. (См.: Ibid., S. 219).

Но созерцательным был как раз тезис Лукача о совпадении общественного бытия и общественного сознания; мало того, он означал идеализм и подмену диалектики метафизикой. Явно неверно и проводившееся Лукачем отождествление теории отражения с «некритическим» отношением к ситуациям отчуждения, что было подхвачено потом ревизионистами в ряде стран.

Оценивая в целом книгу «История и классовое сознание» в философском отношении, следует сказать, что Лукач по всем основным вопросам философии занимал в ней еще идеалистически-гегельянскую точку зрения. В своей автобиографической статье, относящейся к 1933 г., «Мой путь к марксизму» он писал: «Несмотря на сознательную попытку преодолеть и «снять» Гегеля через Маркса, важнейшие вопросы диалектики решались еще идеалистически (диалектика природы, теория отражения и т. д.)» [19]. А в 1967 г. он пишет: «Эта книга стала для меня совершенно чужой...» [20].

Как одну из основных ошибок «Истории и классового сознания» Лукач стал рассматривать отрицание объективной диалектики природы. В 1967 г. он пишет, что имевшееся в книге отрицание «основ онтологии марксизма» состояло в стремлении «понимать марксизм исключительно как теорию общества, как социальную философию, игнорируя или отбрасывая его отношение к природе... именно материалистическое понимание природы приводит к действительному радикальному водоразделу между буржуазным и социалистическим мировоззрением» [21].

Для того, чтобы окончательно разделаться с теоретическими ошибками раннего периода своего развития, Лукач задумал написать «Онтологию общественного бытия». Завершить эту книгу ему помешала смерть, но и по имеющимся ее фрагментам, часть из которых опубликована, видно, что исправление прежних ошибок осуществлялось в ней далеко не последовательно.

На самом деле, в III главе этого труда, например, мы читаем, что «субъект и объект суть рефлективные определения, которые как таковые делаются действительностью только на уровне общественного бытия» [22]. Это положение вновь возвращает к трактовке объективной действительности как всего лишь «равноправного партнера» в отношении субъектов в рамках практической деятельности последних,— к трактовке, столь милой сердцу ревизионистов из «Праксиса» и вступающей в противоречие с другими положениями «Онтологии общественного бытия».

«Онтология общественного бытия» не могла перечеркнуть вредного воздействия книги «История и классовое сознание» на умы

---

[19] Цит. по: G. Lukàcs. Mein Weg zu Marx. В сб. G. Lukàcs. Politische Aufsätze. Schriften, Neuwied und Berlin (West), 1967, S. 7.

[20] G. Lukàcs. Geschichte und Klassenbewußtsein, 1968, S. 42.

[21] Ibid., S. 15—16.

[22] G. Lukàcs. Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins. Hegels falsche und echte Ontologie. Neuwied — Berlin, 1971, S. 125.

читателей. Эта книга играла и поныне продолжает играть немалую дезорганизующую роль в идейно-философской борьбе. Восхваление Лукача в буржуазной и ревизионистской литературе последнего десятилетия во многом связано с распространением и прославлением ошибочных положений этой книги. (Отметим, что переиздание «Истории и классового сознания» в 1968 г. в Западном Берлине произошло не по инициативе Лукача). Содержащиеся в этой работе, например, взгляды на практику были широко использованы ревизионистами, прежде всего из загребского журнала «Праксис», которые объявили Лукача своим духовным учителем и наставником. Во Франкфуртской философско-социологической школе данная работа Лукача особенно сильно воздействовала на Г. Маркузе и Э. Фромма, в меньшей степени — на Т. Адорно и М. Хоркхаймера. Через писания К. Корша еще в 20-х годах идеи Лукача получили известность среди социал-демократической интеллигенции Западной Германии. Тюбингенские евангелические критики марксизма (Тир, Фетчер и др.) также нередко ссылались на Лукача. Один из их главных «аргументов» в пользу довольно распространенного современного ревизионистского тезиса о том, что Энгельс «изменил» будто бы подлинному марксизму как теории отчуждения, занявшись построением диалектического материализма как теории объективной диалектики, происходит, как мы уже видели, от Лукача. Отрицание объективной диалектики основоположниками экзистенциализма Хайдегером и Сартром также первоначально опиралось на ошибочные положения Лукача.

С начала 30-х годов и до окончания Великой Отечественной войны Лукач жил в Советском Союзе и занимался главным образом эстетико-теоретической и литературной деятельностью, избегая политических проблем, хотя в 1931—1933 гг., когда он короткое время находился в Берлине, он активно выступал как политический деятель, энергично работая по мобилизации немецкой прогрессивной интеллигенции на борьбу против надвигавшейся фашистской угрозы. В философском отношении, как отмечает он в своей автобиографической статье «Мой путь к Марксу», в 30—40-х годах Лукач, однако, не стоял на месте.

Большое влияние оказали на него дискуссии 1929—1930 гг., которые помогли Лукачу, по его словам, прояснить отношение Маркса к Гегелю и Фейербаху, а Ленина — к Марксу и создать новый горизонт для философских исследований. Лукач пишет, что именно в этот период он фундаментально изучил произведения зрелого Маркса и философские труды Ленина. Из философских работ Лукача этого периода следует отметить его работу о молодом Гегеле, защищенную в 1936 г. в Институте философии АН СССР в качестве докторской диссертации и опубликованную в 1948 г. в ГДР под названием «Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества».

В этой книге Лукач, опираясь на значительный историко-фило-

софский материал, исследовал республиканский (Бернский) период в развитии молодого Гегеля, развеяв легенду о «теологическом» будто бы направлении его раннего мышления. Далее подробно рассмотрены Франкфуртский и Иенский периоды, после чего Лукач разбирает историю разрыва Гегеля с Шеллингом и анализирует «Феноменологию духа». Завершается книга разделом об отчуждении как центральном понятии «Феноменологии духа», причем Лукач здесь приходит к выводу, что уже молодой Маркс в «Экономическо-философских рукописях» вскрыл и подверг критике «фальшивое отождествление человека и самосознания, а на объективной стороне — приравнивание отчуждения и предметности»[23].

Однако и в «Молодом Гегеле...» Лукачу не удалось избежать некоторых ошибок, как то определенной идеализации Гегеля, что нашло свое выражение в чрезмерном сближении идейной направленности «Экономическо-философских рукописей» К. Маркса с содержанием ранних работ Гегеля. Отказавшись от отождествления всякого опредмечивания с отчуждением, Лукач в этой книге почти отождествил, однако, трактовку труда у Гегеля и молодого Маркса. Заметим, что в посмертно опубликованном фрагменте о Гегеле из неоконченной работы «Онтология общественного бытия» Лукач сделал следующий шаг в сторону еще более верной оценки им Гегеля. Будучи членом редколлегии журнала «Интернациональная литература» в Москве, Лукач в 30-х годах, активно выступая на литературном поприще, опубликовал ряд статей по вопросам теории реализма: «Искусство и объективная истина» (1934), «Толстой и развитие реализма» (1935), «Исторический роман и историческая драма» (1935—1936 гг.) и др. О его эстетической концепции будет сказано особо. Здесь же следует отметить, что Лукач впоследствии оценил свою эстетико-теоретическую деятельность этих лет как «партизанскую борьбу» против догматизма не только в эстетике, но и вообще в мировоззрении. Таким образом он придал своим работам этих лет принципиальное значение. Тем более важен их детальный анализ советскими эстетиками и литературоведами, — анализ, который еще предстоит тщательно провести, учитывая при этом, что не все положения, высказанные им в работах тех лет, Лукач считал полностью соответствующими его воззрениям. В 1945 г. Лукач возвращается в Венгрию в качестве члена Временного Венгерского парламента. С этого времени начинается новый этап его политической, теоретической и литературной деятельности.

Философские воззрения Г. Лукача, какими они были в этот период его жизни, изложены им в большом труде «Разрушение разума» (1954 г.). Согласно замыслу автора, книга имела задачей раскрыть идейно-философские истоки фашизма. И действительно «Разрушение разума» в определенной мере эту задачу

---

[23] G. Lukàcs. Der junge Hegel und die Probleme der kapitalistischen Gesellschaft. Berlin, 1954, S. 628.

решило. Автор дает в этой книге развернутую критику наиболее реакционных течений буржуазной философии XX в., показывает их теоретические истоки, восходящие к позднему Шеллингу, глубокий кризис методологии и антигуманизм этой философии. Эта критика является весьма содержательной с точки зрения фактического материала, во многих отношениях она обстоятельна и хорошо аргументирована. В книге прослеживается история развития философского иррационализма за последнее столетие, дан подробный критический разбор философских концепций Ницше, Дильтея, Зиммеля, Шпенглера, философствующих идеологов фашизма, лидеров немецкого и французского экзистенциализма. Историко-философское произведение «Разрушение разума» сохранило свое положительное значение до наших дней. Однако, как справедливо отмечали в свое время философы-марксисты (И. Сигети, Б. Фогараши и др.), критикуя эту книгу, она все же не свободна от недостатков и ошибок методологического и мировоззренческого характера.

Основной методологической тенденцией этой книги явилось стремление согласовать марксистское мировоззрение с гегелевской категорией вселенского Разума. У Лукача произошла деформация его исходных философских позиций, когда он по существу подменил борьбу основных философских направлений — материализм и идеализм — борьбой между рационализмом и иррационализмом. Формулируя в книге «Разрушение разума» свои программные установки, Лукач писал, что в философском смысле позиция «за разум» или «против разума» является решением вопроса о сущности философии как о ее роли в общественном развитии. Понимается ли это поступательное движение вперед как разум или как иррациональность, отвергается или утверждается то или иное, — именно это является решающим, существенным моментом партийности, классовой борьбы в философии [24].

Противоречие между диалектикой и рациональностью, с одной стороны, и антидиалектической иррациональностью, с другой стороны, отодвинуло в данной книге борьбу между материализмом и идеализмом на задний план. Это противоречие не было ограничено и строго детерминировано у Лукача ни в аспекте четких классовых основ и границ, ни в плане защиты материалистических традиций в истории философии. «Разум» явился у Лукача олицетворением диалектики, а иррационализм — антидиалектики, причем в определении «разума» у Лукача обнаруживается колебание между марксистским материализмом и гегелевским идеализмом. «Разум» в истории выступает для Лукача как связующее звено между диалектическим материализмом Маркса и объективным идеализмом Гегеля. Это связано и с политически упрощенной концепцией: борьба демократии против рецидивов фашизма, по Лу-

[24] G. Lukàcs. Die Zerstörung der Vernunft. Der Weg des Irrationalismus von Scholling zu Hitler, Berlin, 1955, S. 674.

качу, в послевоенных условиях будто бы отодвигает на второй план борьбу пролетариата против буржуазии.

Сводя всю новейшую буржуазную философскую мысль к иррационализму, Лукач полностью исключил из анализа тот факт, что ей в ряде случаев бывали присущи и рационалистические тенденции. Характеризуя Германию первой половины XX в. как «классическую страну иррационализма»[25], Лукач по сути дела свел к борьбе логического мышления против интуитивизма весь историко-философский процесс в этой стране за последние сто лет. Несколько упрощенно провел Лукач и связь между иррационализмом и фашизмом. Ведь ряд идеалистических философских течений, как например, экзистенциализм и феноменология, характерной чертой которых является иррационализм, не находились в прямом идейном родстве с фашистской идеологией, а неопозитивизму свойствен своеобразный плоский и крайне метафизический рационализм.

Несмотря на недостатки методологически-мировоззренческого характера, книга «Разрушение разума», будучи направлена против реакционной буржуазной философии, хорошо показывала ее глубокий кризис и в целом сыграла весьма положительную роль. Последним крупным философским произведением Лукача явилась неоконченная «Онтология общественного бытия». Согласно замыслу Лукача, этот труд должен был подвести итог всей его философской деятельности, последовательно освещая категории труда, практики, воспроизводства жизненных явлений, идеального, идеологии и отчуждения.

В этой работе Лукач, опираясь на идеи Маркса, подвергает критике гегелевскую систему и метод и реабилитирует диалектику природы как неотъемлемую составную часть общего диалектико-материалистического мировоззрения, без которой последнее вообще невозможно. «...Онтология общественного бытия может быть построена только на основе онтологии природы... действительно подлинное понимание диалектики природы образует необходимую предпосылку»[26]. Лукач в своем последнем философском сочинении проводит мысль о существовании у Гегеля «двух онтологий» — одной ложной (тождество бытия и мышления) и второй, которая представляет собой зачаток «истинного» решения вопроса (онтологичность в этом случае нарастает по мере конкретизации категорий, достигая апогея в социальных взаимодействиях). Что касается самих социальных взаимодействий, то, в отличие от «Истории и классового сознания», Лукач в «Онтологии общественного бытия» намеревался провести строгое различие между трудом как основой всей общественной практики и различными разновидностями последней.

---

[25] Ibid., S. 29.

[26] G. Lukàcs. Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins. Hegels falsche und echte Ontologie, S. 11, 127.

Дать точную и всестороннюю оценку «Онтологии общественного бытия» затруднительно, поскольку работа осталась незавершенной, но в общем можно признать наличие в ней значительного шага вперед в сторону подлинно марксистского анализа тех проблем, которыми Лукач занимался издавна, — хотя анализа не только не законченного, но и не вполне последовательного. Безусловным фактом, однако, является то, что Лукач не сошел в этой последней работе с пути критического преодоления ранних своих воззрений,— пути, на который он вступил уже прежде.

Раздел II. ПРАКТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЗНАНИЯ

Д. В. Пивоваров

ПРАКТИКА И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА

Исходным принципом научной гносеологии является положение об определяющей роли практики в процессе познания. Конкретизации и развертыванию его в стройную теоретическую систему посвящены сотни статей и монографий. Предпринятые философами-марксистами исследования позволили выяснить многие аспекты взаимосвязи практики и познания и в общих чертах мысленно реконструировать процесс человеческого отражения. Но вывод о том, что в нарисованной коллективными усилиями ученых картине этого процесса не хватает лишь некоторых деталей и штрихов, был бы чересчур оптимистичным и поспешным. Проблематичным остается целый ряд коренных вопросов, без ответа на которые невозможно составить ясного представления о познавательном цикле.

Наиболее важными среди них, по-видимому, являются следующие две проблемы: а) какова роль практики в механизме формирования познавательного образа, иначе говоря, в переносе содержания материального предмета в человеческую голову? б) запечатлевается ли сам этот механизм в содержании идеального образа?

В последние годы поставленные вопросы стали отчетливо осознаваться исследователями и превратились в предмет специального обсуждения. Были выдвинуты и обоснованы положения о том, что практика в своей превращенной форме пронизывает весь процесс познания от начала и до конца [1] и что структуры сознания и предметно-чувственной деятельности по существу тождественны [2]. Прослеживая филогенез и онтогенез логического отражения, философы и психологи обнаружили в них простейшие «протоформы мышления», которые представляют собой сгусток практических умений и навыков [3]. Возникает возможность выявить

[1] См.: М. Н. Руткевич. Актуальные проблемы ленинской теории отражения, стр. 165; П. В. Копнин. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969, стр. 195.

[2] А. Н. Леонтьев. Проблема деятельности в психологии.— «Вопросы философии», 1972, № 9, стр. 104.

[3] Д. А. Жданов. Возникновение абстрактного мышления. Харьков, 1969; А. М. Плотников. Генезис элементарных логических форм. Л., 1967.

новые черты практики, отличающиеся от таких известных ее функций, как функция основы, цели и критерия истинности познания. Ряд авторов высказывает предположение, что не только процесс, но и сам результат познания, т. е. содержание идеального образа, включает в себя в качестве компонента интериоризованные практические действия [4]. Мы не ставим себе целью сформулировать какое-то готовое решение поставленных выше проблем, да и вряд ли такая цель сегодня достижима. Задача статьи — продолжить их обсуждение.

1. Каков **механизм отражения** объективного мира в идеальных образах? В истории философии существовал восходящий к Демокриту взгляд на отражение как перенос вещественных копий предмета в голову познающего субъекта. Предполагалось, что окружающие нас предметы выделяют некие материальные микроскопические образы, дубликаты, которые, попадая в органы чувств человека, проникают в мозг и образуют знание о мире. Марксистская гносеология отвергла это примитивное, но, к сожалению, исключительно живучее представление об отражении. Как выяснилось, никакого переноса вещественных образов в процессе познания не происходит. Какой же тогда агент выступает посредником между материальным объектом и познающим субъектом?

С позиций диалектического материализма возможен только один альтернативный ответ: информация от объекта к субъекту переносится посредством практических действий человека. Именно такой ответ дали классики марксизма-ленинизма. В. И. Ленин, например, писал: «Практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики» [5]. В этой часто цитируемой мысли содержится, как нам кажется, принципиальное решение поставленной проблемы. Вместе с тем, дальнейшая конкретизация ленинской идеи долгое время отсутствовала, поскольку не удавалось наглядно себе представить и понять утверждение: «практика закрепляется в сознании».

Анализируя функции психического образа, С. Л. Рубинштейн показал, что «всякое психическое явление — это и отражение действительности, и звено в регуляции деятельности» [6], что отражательная и регулятивная стороны образа, хотя и обусловлены в конечном счете внешним воздействием, непосредственной своей основой имеют практическую деятельность субъекта. В. А. Лекторский предложил наглядную модель отражения как движения субъекта по сторонам объекта: «Образ объекта, знание об объекте — это результат, кристаллизация и форма осуществления особого рода деятельности, особенность которой состоит в том, что

---

[4] И. В. Бычко. Познание и свобода. М., 1969, стр. 36; В. С. Степин, Л. М. Томильчик. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск, 1970; В. В. Давыдов. Виды обобщения в обучении. М., 1972.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 198.

[6] С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание, стр. 264.

она «движется вдоль объекта», активно воспроизводя содержание объекта в содержании знания»[7].

Одним из первых толчков к расшифровке формулы о закреплении практики в человеческом сознании послужила догадка талантливого физика-экспериментатора, лауреата Нобелевской премии П. У. Бриджмена (1882—1961). Наблюдая за физиками в действии, П. Бриджмен пришел к заключению, что непосредственным содержанием создаваемых ими понятий очень часто оказывается экспериментальная ситуация, а не изучаемый объект сам по себе, в его чистом виде. Размышления над основными терминами термодинамики в 1914 г. укрепили его гипотезу, в 1923 г. в ходе дискуссии о теории относительности он придал ей вид радикальной концепции, назвав ее операционной, а в 1927 г. систематически изложил эту концепцию в книге «Логика современной физики». «Под любым понятием мы, вообще говоря, подразумеваем не более, чем ряд операций. Понятие — это синоним соответствующего ряда операций», — таков лейтмотив данного сочинения[8].

Поясняя свою главную мысль, Бриджмен пишет: «Наблюдатель не пассивный зритель, а составная часть того, что им наблюдается. Например, о пространстве и времени каждый может говорить все, что заблагорассудится, но строго говоря, точным значением этих понятий являются способы физических действий с некоторыми эталонами длины и времени»[9]. В зависимости от избранной системы практических операций следует различать сорты длин и сорты времен (тактильная длина, оптическая длина и т. п.). Каждой системе операций с объектом должно соответствовать свое специфическое понятие. Если же ученый обозначает одним и тем же термином разные группы действий, хотя и ведущих к примерно одинаковым результатам, он не должен забывать, что при более строгом научном подходе отождествление этих действий приводит к заблуждениям.

Впоследствии под напором критики Бриджмен был вынужден постоянно изменять и ослаблять свое первоначальное воззрение на содержание научных понятий. В этом отношении показательна его книга «Размышления физика» (1955). В ней уже нет прежнего радикализма. Во-первых, автор отказывается от задачи свести значения понятий к практическим действиям субъекта. «Мы не собираемся утверждать, будто (операционализм.— *Д. П.*) это некая новая теория значения и значения не включают в себя ничего, кроме операций... Знать операции еще не значит знать значение термина»[10], — пишет он. Автор подчеркивает, что в его намерения входит только анализ одной — операциональной — стороны знаний и что содержание знания этой стороной отнюдь не исчерпыва-

---

[7] В. А. Лекторский. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965, стр. 91.

[8] P. W. Bridgeman. The logic of modern physics. N.Y., 1927, p. 5.

[9] P. W. Bridgeman. Reflections of a physicist. N.Y., 1955, p. 153.

[10] Там же, стр. 45.

ется. Само же «наличие операциональной компоненты во всяком анализе понятий, — констатирует Бриджмен, — представляется мне простым результатом наблюдения и не нуждается в обосновании» [11].

Операциональное значение научного термина, по мнению Бриджмена, складывается не только из практических действий (они являются определяющими), но и из умственных экспериментов. Последние суть «умственные бумаго-карандашные операции, и не сводимы к инструментальным операциям» [12]. Операция может быть определена либо на языке других операций, либо на языке свойств самой операции. Фундаментальные операции приходится принимать за исходные безо всякого анализа, основываясь на интуиции. При этом самое главное — описать их так, чтобы каждый сумел их легко воспроизвести [13]. Значения понятий не следует абсолютизировать, ибо «они не есть нечто раз и навсегда данное, а возникают, изменяются, включаются во все более широкий контекст» [14].

За последние годы интерес философов-марксистов к идеям Бриджмена заметно возрастает. Появилось уже немало работ, в которых эти идеи подвергаются анализу. Но, к сожалению, до сих пор анализ остается, в основном, негативным; «рациональное зерно», заключенное в операционных представлениях, почти не используется. Досадным недоразумением является то обстоятельство, что концепция Бриджмена не рассматривается в ее развитии, а критики ограничиваются теми радикальными выводами, которые были сделаны автором в 1927 г. [15] Нам представляется, что в критике бриджменовского операционализма следует несколько изменить акцент, сместив его с идеи об операциональном значении понятия на субъективно-идеалистическую интерпретацию самих операций. Ведь вопрос не в том, обладают или не обладают понятия операциональным значением. Этот вопрос, очевидно, должен быть решен положительно. Проблема заключается в истолковании природы операций. «Индивид — вот та единица, в терминах которой все общественные понятия находят свое абсолютное значение» [16], — утверждает Бриджмен, посвящая сотни страниц обоснованию этого положения. Именно оно и должно, на наш взгляд, прежде всего служить объектом маркси-

---

[11] P. W. Bridgeman. Reflections of a physicist, p. 88.
[12] Там же, стр. 91.
[13] Там же, стр. 89—90.
[14] P. W. Bridgeman. Reflections of a physicist, p. 131.
[15] См.: В. П. Бранский. О так называемом операционном методе в физике XX века.— В кн.: Некоторые вопросы методологии научного исследования, вып. 1. Л., 1965; Д. П. Горский. Операциональные определения и операционализм Бриджмена.— «Вопросы философии», 1971, № 6 и др.
[16] P. W. Bridgeman. Reflections of a physicist, p. 114.

стской критики. Критическая работа под этим углом зрения уже начата А. А. Печенкиным [17].

Как известно, идеи Бриджмена в 30-е годы послужили отправным пунктом для формирования теории выдающегося психолога Ж. Пиаже. Восприняв их, швейцарский ученый создал оригинальный вариант психологии деятельности. Отказавшись от попыток вывести операторные схемы мышления непосредственно из восприятия, Пиаже обращается к детальному и кропотливому исследованию предметно-чувственной деятельности ребенка. Ему удается довольно подробно проследить переход действий от сенсомоторного плана к мысли [18].

Трактовка идеального образа как действия содержится в работах многих советских психологов, в основном учеников Л. С. Выготского. «Чтобы построить у ребенка новое умственное действие, например, то же действие сложения,— пишет акад. А. Н. Леонтьев,— его нужно предварительно дать ребенку как действие внешнее, т. е. экстериоризовать его. В этой экстериоризованной форме, в форме развернутого внешнего действия оно первоначально и формируется» [19]. Действие может осуществляться всевозможными способами, называемыми операциями. Если действие соотносится с целью,— пишет А. Н. Леонтьев,— то операция соотносится с условиями действования [20]. В орудиях труда воплощены не цели и не действия, а способы действий, операций. Таким образом, **операцией мы будем называть способ действования, посредством которого субъект осуществляет практическую или познавательную цель.**

Догадка о том, что мысль есть свернутая система операций с объектом, была развернута в теоретическую систему и практически проверена П. Я. Гальпериным. Вместе со своими сотрудниками П. Я. Гальперин обобщил массу эмпирического материала и создал теорию поэтапного формирования умственных действий (1952) [21]. Первоначально эта теория создавалась в границах психологии обучения, но затем по мере ее развития она поднялась на более высокий уровень обобщения и стала отвечать на вопрос о генезисе психики вообще. В последние годы появились психологические концепции, в которых не только мышление, но и чувственные образы трактуются как действия [22]. Процесс формирования умственного действия, согласно П. Я. Гальперину, протекает так. Вначале образуется ориентировочная основа действия, анализи-

---

[17] А. А. Печенкин. Операционалистская трактовка логики науки у П. Бриджмена.— В кн.: Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М., 1973.

[18] Ж. Пиаже. Избранные психологические труды. М., 1969.

[19] А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1972, стр. 386.

[20] А. Н. Леонтьев. Проблема деятельности в психологии.— «Вопросы философии», 1972, № 9, стр. 106.

[21] См.: «Известия Академии педагогических наук РСФСР», 1953, вып. 45.

[22] Р. Л. Грегори. Глаз и мозг. М., 1970; Восприятие и действие М., 1967.

руется задание, и в ходе анализа возникает представление об условиях правильного выполнения задачи. На втором этапе осуществляется действие с материальными предметами или с их знаковыми копиями (макетами, чертежами, записями), что позволяет «сохранять естественный психологический порядок формирования нового умственного действия, вести его от психологически исходной, внешней материальной формы» [23]. На третьем этапе операции, составляющие действие, сокращаются, отрываются от своей предметной основы и переходят в план громкой речи. Место предмета теперь начинает занимать языковый знак, слово. Далее речь превращается в «речь про себя» (т. е. во внутреннюю речь, в мышление) с одновременным сокращением речевых формул. Таким образом, внешнее предметное действие трансформируется во внутреннюю речь, в мышление, и выступает значением речи. Пока человек не выработал специфического предметного действия, он не способен думать о соответствующем предмете.

Операциональные идеи позволяют конкретизировать ленинское утверждение о закреплении практики в сознании человека. В первом приближении ленинскую формулу, на наш взгляд, можно раскрыть следующим образом. **Система практических операций с предметами служит основным средством отражения внешнего мира.** Этот вывод с необходимостью следует из вышеизложенных экспериментально проверенных частнонаучных концепций. Предмет, с которым мы действуем, оставляет свой «отпечаток» на наших практических операциях. В результате интеграции разнообразных схем действия и их наложения друг на друга в головном мозге эти отпечатки осознаются как некоторый **инвариант в разнообразии.** В структуре движений по контуру объекта так или иначе запечатлевается какой-либо срез структуры самого объекта.

2. Запечатлевается ли практический механизм отражения в содержании уже сформировавшегося идеального образа? Частично мы уже высказали свое мнение по данному вопросу, солидаризуясь с основной операциональной идеей П. У. Бриджмена. Однако эта проблема нуждается в специальном обсуждении.

Существует широко распространенное мнение, что уже в ходе биологической эволюции продукты человеческого отражения — чувства и мысли — полностью превратились в «чистую» информацию об объектах и их сторонах, обладают сугубо предметными значениями. С этим мнением нельзя согласиться, ибо оно не соответствует фактам. В содержание идеальных образов входит чаще всего то, что мы умеем делать с вещами. Например, в зависимости от степени развитости общественной практики люди представляли себе Землю то в виде плоскости, то в виде полусферы, то в виде шара, а теперь в виде геоида. Можно привести сколь угодно много примеров, когда в необычных ситуациях органы

---

[23] П. Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий.— В кн.: Психологическая наука в СССР, т. I. М., 1959, стр. 450.

чувств человека, его жизненный опыт неверно ориентируют его в окружающем мире и только специальный практический поиск позволяет выработать правильную линию поведения. Об этом же неопровержимо свидетельствуют факты из детской психологии. Вообще говоря, вряд ли теоретически правомерно утверждать, будто продукт отражения целиком и полностью может быть освобожден от процесса, механизма его возникновения.

Некоторые философы дают более осторожный ответ на поставленный выше вопрос. Так, В. П. Бранский приходит к выводу, что «гносеологическое значение материальной операции состоит, следовательно, в создании чувственной базы для получения и проверки понятий», сами же понятия уже не являются операциями [24]. Однако существует очень много общих и абстрактных понятий, которые не только не лишены операционального значения, но, напротив, почти целиком операциональны (мнимое число, многомерное пространство, волновая функция и т. д.). И. В. Бычко не без оснований утверждает, что «понятие непосредственно указывает лишь на те *действия* (практические или теоретические), которые нужно произвести, чтобы «узнать» отображенный в понятии предмет» [25]. Например, человек, никогда не видевший авраамова дерева,— пишет И. В. Бычко,— не сможет «узнать» его путем непосредственного сличения с содержанием понятия о нем (...«кустарник, 1—4 *м* высоты, сем. вербеновых»...). Только установив принадлежность данного растения к кустарникам, определив его высоту и принадлежность к семейству вербеновых, т. е. произведя определенную сумму познавательных операций, человек сумеет в полной мере овладеть понятием «авраамова дерева» и той чувственной основой, на которой оно базируется. Точка зрения, согласно которой максимально операциональными оказываются ощущения и минимально операциональными — понятия и теории, является неверной.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что операциональность логического образа отлична от операциональности чувственно-наглядного образа, имеет несколько иной смысл. Это отличие предстоит еще выяснить. Л. Б. Ительсон предлагает выделять три уровня предпонятийной формы отражения. Низший уровень является, по его мнению, репродуктивным по характеру и ассоциативным по способу деятельности. Второй уровень характеризуется тем, что операции, осуществляемые над образами памяти, в значительной мере детерминируются познавательной или практической задачей. Это — конструктивный по характеру и иллюстрирующий по способу деятельности уровень чувственного отражения (конструирование чувственных моделей связей и отношений, формирование наглядных представлений цели и т. д.). Третий

---

[24] В. П. Бранский. О так называемом операционном методе в физике XX века, стр. 88—89.

[25] И. В. Бычко. Познание и свобода, стр. 36.

уровень — символический по характеру и метафоризирующий по способу деятельности. Здесь чувственные образы начинают уже частично выполнять семиотическую функцию [26].

С операциональной точки зрения, чувственные образы — это свернутые действия человека с конкретными предметами, концептуальным же образам соответствуют определенные стереотипические действия, «операции вообще». «Операция вообще» — это не просто наименование того общего, что всего лишь растворено в совокупности конкретных единичных действий, скорее, это выработанные человечеством стереотипы действий, приемы, которые применяются относительно независимо от специфических ситуаций. В них как бы закреплен успех действий с некоторым классом объектов.

Итак, система операций с материальным или абстрактным объектом служит средством отражения объекта. Первоначально возникающий образ по преимуществу наполнен операциональным содержанием, а затем по мере обобщения и взаимодействия с накопленным знанием приобретает предметное значение. Операциональная и предметная компоненты познавательного образа находятся в противоречивом единстве. Как содержание предмета образ объективен, как форма деятельности он субъективен. Вместе с тем сама форма деятельности служит средством раскрытия содержания предмета, средством достижения объективности, а также средством преобразования действительности, изменения формы объекта.

Поскольку познание призвано обслуживать практику, вырабатывая план материального преобразования объекта, постольку человек стремится вернуться от абстракции к чувственным представлениям, наполнив вновь полученное знание операционально-практическими моментами. С другой стороны, он стремится элиминировать из создаваемого им образа моменты, обусловленные способом действия с объектом, стремится представить себе объект таким, каков он сам по себе, чтобы познать его сущность, и добивается этого в процессе обобщения. Обе эти тенденции постоянно имеют место в процессе познания, **относятся к закономерностям процесса познания,** и игнорировать какую-либо одну из них нельзя, особенно, когда речь идет о формирующемся образе. Поэтому гносеология не вправе отвлекаться от операционального значения образа. Взгляд на продукт человеческого отражения как на противоречивое единство операциональной и предметной его компонент позволяет, по нашему мнению, последовательно провести идею об отражении как человеческом творчестве, объяснить появление в человеческой голове таких образов, для которых не находится или в принципе не может найтись прямых прообразов в мире вещей.

---

[26] Л. Б. Ительсон. Структура, уровни и операции образного мышления.— В сб.: Тезисы докладов к XX международному психологическому конгрессу. М., 1972.

Н. В. Бряник

ПРАКТИКА И ПРОЦЕСС ФОРМАЛИЗАЦИИ ЗНАНИЯ

Развитие современной науки отличает ряд особенностей: возрастание степени абстрактности и информационной емкости знания, усиление процессов дифференциации и интеграции, тенденции математизации и формализации знания и др. Представляет интерес рассмотрение механизма взаимодействия практики и наиболее абстрактных теоретических областей знания, возникших в результате процессов формализации и математизации науки. Может ли вообще идти речь о каком-либо соотнесении практики — материальной деятельности людей — и формализованных логико-математических языков науки?

Для раскрытия роли практики в построении формальных знаковых систем необходимо выяснить гносеологическую природу этого вида знаковых построений, их роль в процессе познания. Можно выделить две крайности в решении вопроса о сущности знаковых систем. С одной стороны, знаковые системы рассматривают как обозначение (иногда говорят даже об отражении) предметов, явлений и процессов самого объективного мира. Согласно второй точке зрения, знаковые системы никакого отношения к действительному миру не имеют и являются продуктом свободного творчества самого исследователя. В сущности стремление противопоставить материалистические взгляды субъективному идеализму неопозитивистов зачастую приводит к упрощению и искажению взаимоотношения между знаковыми системами и объективным миром. Между тем «эти взаимоотношения опосредованы сложной системой различных форм человеческой (предметной и знаковой) деятельности и далеко не исчерпываются отношениями простого обозначения» [1].

Логико-математические знаковые системы — результат процесса формализации. Сущность и специфика формальных знаковых систем и метода формализации трактуются в литературе по-разному.

Подчас объект формализации трактуют так, что в него включается и сама объективная действительность. Так, у Б. В. Бирюкова «под формализацией в широком смысле этого слова понимается уточнение содержания, осуществляемое посредством того, что

[1] Г. Г. Петрова. Закономерности и пути формирования знаковых систем науки.— В сб.: Философские проблемы научного познания. М., 1972, стр. 14.

изучаемым предметам, явлениям, процессам данной области действительности определенным образом сопоставляются некоторые материальные конструкции, обладающие относительно устойчивым характером, и позволяющие в силу этого **выявлять и фиксировать существенные и закономерные стороны** рассматриваемых объектов»[2] (подчеркнуто мною.— *Н. Б.*). По мнению В. Н. Перепелицына, «формализованные рассуждения составляют суть логических исчислений, которые кладут **в основу формализации той или иной области объективной действительности** или какого-либо теоретического знания»[3] (подчеркнуто мною.— *Н. Б.*).

Такой подход в целом правомерен, поскольку речь идет об онтологическом аспекте рассмотрения формализмов: выясняются объективные основания введения знаков формальных систем.

Онтологический анализ является необходимым, но не достаточным при исследовании гносеологической сущности таких характерных процессов современного научного познания, как формализация и математизация. При трактовке данных процессов в широком смысле теряются специфические особенности формализации в сравнении, например, с таким широко используемым методом, как абстрагирование.

При таком подходе можно прийти к выводу, что процесс построения формальных логико-математических систем непосредственно определяется практическими действиями по оперированию предметами, явлениями. А это, очевидно, упрощенный подход. Мы полагаем, что знаковые системы логики и математики находятся непосредственно в отношении замещения к формализуемым теориям и только опосредованно, через теории и предметные интерпретации, в отношении отражения к объектам, изучаемым теориями. В силу этого зависимость процесса формализации от практической деятельности не прямая, а только опосредованная.

Учитывая особенности онтологических оснований, всю сферу научного знания можно разделить на науки, отражающие действительность со стороны ее конкретного содержания, качественных отношений, и математику и логику, в которых исследуются наиболее общие количественные и формальные отношения. Логическое и математическое знание относится ко всем остальным наукам как форма к содержанию со всеми следствиями диалектики взаимоотношений формы и содержания. Геральд Массей так, например, оценивает познавательную ценность логики: «Поскольку то, что исследуется логикой, нейтрально, ее результаты находят своё применение во всех областях. Вследствие того, что положения логики фундаментальны, применение ее в каждой данной области позво-

---

[2] Б. В. Бирюков. Философские вопросы логической формализации и логических средств кибернетики. Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 14.

[3] В. Н. Перепелицын. О формализации рассуждений как необходимой предпосылке формализации теорий.— В сб.: Методологические основы теории научного знания, ч. 2. Свердловск, 1973, стр. 116.

ляет достичь значительных результатов»[4]. Это и достигается в процессе логико-математической формализации знаний. Непосредственным объектом формализации являются конкретные содержательные теории.

Процессы формализации и математизации раскрываются через такие познавательные операции, посредством которых происходит отвлечение от содержания и смысла изучаемых теорий, выявление их логических и математических структур, которые затем фиксируются в искусственных знаковых системах. Процесс формализации является единством этапов символизации и интерпретации[5]. Логические и математические знаковые системы, образующиеся на ступени символизации, не являются знаниями в собственном смысле слова; лишенные на этом этапе содержания, они не представляют гносеологических образов. Познавательный смысл формализмы приобретают только после их содержательной интерпретации. Их самостоятельное функционирование и последующая интерпретация позволяют получить новое знание об объектах теорий, подвергшихся формализации.

Беря всю совокупность логико-математических формализмов, мы можем провести определенную субординацию их по степени абстрактности: уровень математической формализации, математического моделирования в естествознании, экономике, лингвистике, социологии и др. науках; уровень логической формализации, где можно выделить этапы формализации с помощью средств традиционной формальной и современной математической логики. На последнем этапе объектом формализации становятся уже сами логические и математические теории.

Поскольку в логико-математических исчислениях действительность представлена со стороны формы, постольку эти системы носят формальный характер.

Необходимо остановиться на рассмотрении самих формальных систем, их структуры и основных компонентов. Формальные логические и математические системы образуют конечные множества знаков или символов определенного рода, которые составляют словарь или алфавит системы, и правила оперирования с этими знаками.

Язык логики и математики отличается от остальных научных знаковых систем тем, что он представлен символами особого рода. Это так называемые конструктивные объекты. Для них характерна строгость, однозначность, непосредственная данность, жесткость, отсутствие скрытого идеального плана, их значение целиком и полностью выражено внешней формой этих символов. Специфичные черты этих знаков позволяют раскрывать наиболее общие,

---

[4] Gerald J. Massey. Introduction to symbolic logic. N.Y., 1970, p. 13.

[5] Подробнее об этом см.: Н. В. Брянник. Формализация и процесс объективации научного знания.— В сб.: Отражение и научное творчество. Свердловск, 1974.

абстрактные отношения и свойства объективного мира и человеческого мышления.

Онтологическое основание для введения таких символов заключается в том, что знаки формальных систем применяются для выражения ненаглядных, образно не представимых формальных отношений и свойств действительности. Эти символы, как отмечают М. Н. Андрющенко и Б. В. Ахлибининский, позволяют «двигаться в мышлении без обращения к объекту»[6]. Для того, чтобы выполнить возложенные на них функции алфавит и символы формальных систем должны обладать рядом особенных черт: «... Словарь формализованного языка не представляет собой ничего, кроме списка (листа) знаков или символов.., называемых примитивными символами»,[7] — подчеркивает Геральд Массей. Е. Расева и Р. Сикорский[8] отмечают совершенно произвольный характер этих знаков. А. С. Майданов характеризует эти знаки как «полностью автономные от своих значений, свободные от каузальной и коррелятивной связи и обособленные от них в пространстве и времени»[9]. Эти же характеристики присущи и материальной субстанции знаков естественного языка. Но если знаки естественного языка обязательно предполагают идеальный план, то весь смысл знаков формальных систем — в их непосредственной данности, никакого скрытого плана они не предполагают. Не случайно поэтому формализацию часто трактуют как процесс использования материальной формы мысли в процессе познания.

Другим важным компонентом формальных систем являются правила преобразования одних конечных последовательностей знаков в другие, правила вывода следствий из посылок. При этом обязательно подчеркивается механический характер действия этих правил, их эффективность. В отличие от знаков алфавита при характеристике правил системы не акцентируют внимания на произвольном конвенциональном характере их образования, скорее наоборот, большинство авторов отмечает их детерминированность законами мышления. Так, при рассмотрении правил вывода для уровня логической формализации подчеркивается, что они являются аналогами дедуктивных рассуждений содержательных теорий.

В строгом смысле слова, результатом формализации не являются формальные системы, их построение не завершает процесса формализации, а фиксирует наиболее интересный в познавательном отношении момент — необходимость перехода к содержательной интерпретации логико-математических формализмов. Без интерпретации формализация лишается познавательного смысла.

---

[6] М. Н. Андрющенко, Б. В. Ахлибининский. О гносеологическом аспекте формализации. В сб.: Вопросы гносеологии, логики и методологии научного исследования, вып. 2. Л., 1970, стр. 38.

[7] Gerald J. Massey. Introduction to symbolic logic, p. 12.

[8] Е. Расева, Р. Сикорский. Математика метаматематики. М., 1972.

[9] А. С. Майданов. Диалектика знака и значения. Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 6.

Конечным продуктом формализации являются **формализованные системы;** отличие их от формальных исчислений в том, что, помимо синтаксиса, они включают семантику, связывающую формальные системы с содержательным знанием.

Обратимся к рассмотрению факторов, детерминирующих процесс построения формализованных языков.

Поскольку объектом формализации являются конкретнонаучные теории, то следует признать содержание конкретнонаучного знания непосредственной детерминантой в построении формализованных языков. Это так или иначе признается большинством авторов. Н. Бурбаки относительно математических формализмов, выражающих фундаментальные математические структуры, пишут: «Конечно, нельзя отрицать, что большинство этих форм имело при своем возникновении вполне определенное интуитивное содержание; но как раз сознательно лишая их этого содержания, им сумели придать всю их действенность, которая и составляет их силу, и сделали для них возможным приобрести новые интерпретации и полностью выполнить свою роль в обработке данных» [10].

Определяя предмет математической логики — арсенала средств высшего этапа логической формализации,— А. Л. Субботин подчеркивает, что «факты для логики... представляют сами науки — их понятия и теории, способы рассуждений и доказательства» [11]. Многообразие логико-математических формализмов, их синтаксических построений как раз и выражает факт различия в формализуемых областях знания. Это отмечают и сами логики: «В пропозициональном исчислении рассматривают такие формы предложений и способы рассуждений, которые могут быть символизированы с помощью связок и заглавных букв, выражающих предложения в целом. В предикатном исчислении мы рассматривали такие формы утверждения и формы аргументов, которые могут быть символизированы посредством связок, кванторов, переменных, индивидуальных констант и символов отношений. Другие логические теории могут быть получены при изучении других предложений и других форм аргументов» [12]. И Джон Поллок подробно анализирует логические теории, которые формализуют рассуждения, не укладывающиеся в рамки пропозиционального и предикатного исчислений: модальную логику, ограниченное пропозициональное исчисление, монадическое предикатное исчисление и т. д.

Развитие формализмов идет в направлении возрастания степени абстрактности, максимального отвлечения от содержания формализуемого знания, что позволяет охватить более широкую область теорий. Конечная цель всех этих усилий — добиться наиболее полного и точного анализа формализуемого содержания. Именно удаленностью от конкретнонаучного содержания можно

---

[10] Н. Бурбаки. Очерки по истории математики. М., 1963, стр. 259.

[11] А. Л. Субботин. Об отношении традиционной формальной логики к символической. Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр. 27.

[12] John L. Pollock. Introduction to symbolic logic. N.Y., 1969, S. 191.

объяснить, почему аристотелевская силлогистика была в известной мере неинтересна его современникам — естествоиспытателям, математикам, а вот возникновение математической логики во многом стимулировалось нуждами математики, отдельными разделами физики, современное же развитие средств математической логики мы можем объяснить еще и запросами биологии, социологии, лингвистики, экономики и т. п.

Отойти дальше от содержания, чтобы приблизиться к нему,— этот принцип построения формальных систем проявляется и при сравнении формализмов современной математической логики. Так, если взять пропозициональное и предикатное исчисления, то можно отметить, что в пропозициональных исчислениях значения истинности устанавливаются только по внешней форме при знании значения связок, в предикатных же исчислениях мы не можем установить истину или ложь, не придавая значений всем компонентам формальных систем, т. е. не интерпретируя их. Таким образом, мы видим, что связь с содержанием (через значения) возрастает по мере усложнения формальных систем.

Чем иным, как не сходством формализуемого содержания, общностью логических структур теорий, мы можем объяснить определенную тождественность в синтаксических построениях, наличие своеобразной унифицированной символики? Но существуют точки зрения, отрицающие зависимость логико-математических исчислений от формализуемых областей знания. Наиболее полно и последовательно эта точка зрения представлена в неопозитивистских трактовках априорного характера логического и математического знания. Эта же тенденция характерна и для сторонников признания универсального характера логики. Они абсолютизируют самостоятельный путь построения формальных исчислений, без предварительного обращения к анализу содержательного знания. Так, А. А. Зиновьев проводит мысль: «Подобно тому, как развитие науки не означает автоматически развитие тех или иных разделов математики, оно не рождает автоматически соответствующие правила логики. Развитие науки лишь может дать толчок к разработке логики и в какой-то части определить ее проблематику. Но сами логические правила должны быть разработаны специалистами по законам этой профессии. Мнение, будто логика рассказывает людям то, что им и без логики известно в их языковой и познавательной практике, есть предрассудок» [13]. И далее: «...логика вообще не есть теория бытия, и ее правила одинаковы для всех наук, к каким бы сферам бытия они не относились» [14].

Признание непосредственной зависимости логико-математических формализмов от содержания теорий, подвергаемых формализации, не должно доходить до возведения этого фактора в единственный, конечный и абсолютный. Как установить, что синтаксис

---

[13] А. А. Зиновьев. Логическая физика. М., 1972, стр. 8.
[14] Там же, стр. 175.

исчисления построен адекватно, точнее говоря, изоморфно процессам вывода формализуемых теорий? Почему именно данная математическая структура должна быть выбрана для моделирования биологических, физических, лингвистических и т. д. процессов? Можно ли эти вопросы решить ссылкой на семантическую интерпретацию логико-математических формализмов? Очевидно, нет, поскольку возможны различные интерпретации одной и той же формальной системы, а на базе одного и того же содержания может быть построен широкий спектр исчислений. Семантическая интерпретация предполагает не возврат теории к доформализуемому содержанию, а приводит к определенному приращению знаний. На базе этого нового знания мы получаем выводы из теории. Вследствие того, что формализации подвергались конкретнонаучные теории (биологические, физические, экономические и т. д.), указанные выводы могут быть проверены экспериментальным путем. Специфика областей знания, связанных с процессами формализации, заключается в том, что они, как отмечает Д. П. Горский, «...в принципе не допускают непосредственной практической проверки, но они применяются, используются в конечном итоге в тех дисциплинах, которые допускают практическое применение» [15].

Конечным критерием проверки построенных формализмов является научная практика. Этот критерий — единственно надежный и достоверный, хотя действие его опосредовано целым рядом познавательных процессов, включая семантическую интерпретацию и выведение следствий. С. А. Яновская пишет, «что аксиоматическое построение математической логики как науки предполагает содержательную и притом отнюдь не бедную содержанием логику. Содержательную не в каком-нибудь голом техническом смысле, например, наличия в ней терминов, к которым неприменимо правило подстановки, но ...в том смысле слова, что мы имеем в ней дело с научными понятиями, образованными посредством процесса абстракции из данных наших органов чувств. Построенные с помощью практической деятельности над реальными материальными вещами, такие абстрактные понятия всегда имеют и конкретное содержание, отражающее какую-нибудь частичку, сторону или момент реального (материального) мира, и правильность этого отражения проверяется опять-таки с помощью критерия практики» [16].

Но это не единственный канал влияния практики на построение формальных систем. Теории, подвергаемые формализации, материально представлены знаками естественного языка. Знаки естественного языка и правила связи этих знаков необходимо связаны с гносеологическими образами и, следовательно, могут иметь прямую предметную интерпретацию. Это обусловлено тем, что естест-

[15] Д. П. Горский. Опережающий характер отражения действительности на уровне человеческого познания.— В сб.: Практика и познание. М., 1973, стр. 70.

[16] С. А. Яновская. Содержательная истинность и формально-логическая доказуемость в математике.— В сб.: Практика и познание, стр. 263—264.

венные языки формируются в ходе непосредственной практической деятельности, складываются стихийно, хотя бесспорно обладают моментами относительной условности, конвенциональности. Естественные языки и своим алфавитом, и своим строем, и правилами оперирования оказывают непосредственное влияние на построение формальных знаковых систем. Не случайно поэтому формализация предполагает экспликацию понятий естественного языка. Искусственные формализованные языки науки надстраиваются над естественными языками, тем самым вбирая в себя опыт их построения. Через этот канал практика, уже не только как научная, включена в сам процесс построения формализованных языков, но опять в опосредованной форме. Можно отметить тенденцию приближения формализмов к естественному, обычному строю языка, встречающегося в различных науках: наряду с пропозициональным и предикатным исчислениями появляются так называемые **естественные** дедуктивные системы предикатного и пропозиционального исчислений. Для учета выводов, связанных с необходимым, возможным и вероятным характером рассуждений, возникли модальная и вероятностная логики и т. п. А поскольку слова естественного языка фиксируют практическую деятельность во всем ее многообразии, то и приближение к естественному языку означает учет этого многообразия.

Далее, объектом логической формализации являются законы мышления, правила рассуждений, которые, как отмечал В. И. Ленин, представляют результат закрепления миллиарды раз повторенных практических операций.

И, наконец, даже когда в той или иной степени признают моменты произвола, свободного творчества, роль интуиции при построении и выборе формализмов, то при этом критериями выбора или предпочтения одних формализмов перед другими выступают простота, экономность, строгость, эффективность, даже внешняя красота формальных систем. Это — вторичные, производные критерии, которые подытоживают опыт построения формальных систем. Этот опыт учитывает действенность отдельных приемов, операций при построении тех или иных фрагментов или формальных систем в целом. Это следует понимать не иначе как учет предшествующих возможностей формализмов в получении нового знания. В данном случае действенность означает подтверждаемость приобретенного знания и следствий из него на практике. Те логико-математические формализмы, которые через связь с конкретными науками получили практическое подтверждение, сами становятся средством опосредованной практической проверки. Это так называемый логический критерий истинности знаний. Вторичные, производные, внутритеоретические критерии являются концентрированным выражением вышеперечисленных определяющих факторов, которые в опосредованном виде включают практику в ее многообразных гносеологических функциях.

Отходя от упрощенной трактовки логико-математических фор-

мализмов как отражения самой объективной действительности, учитывая специфику самого абстрактного уровня научного познания, можно утверждать, что воздействие практики на построение формальных логико-математических систем опосредуется рядом промежуточных ступеней, что и дает возможность посредством этих систем в конечном счете получать знания о самой действительности. Таким образом, практической деятельностью обусловлены не только содержание знания, но и его форма, представленная в логико-математических формализмах.

В. Н. Николко

ПРАКТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ СТАТИСТИЧНОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Статистичность квантовой физики, вероятностный характер ее высказываний относительно индивидуальных событий и событий будущего обычно считается фундаментальным фактом, отличающим ее от классической физики. Феномен статистичности квантовомеханического знания не дает покоя исследователям. Предлагаются различные теории для объяснения этой особенности. Можно было бы выделить три направления, по-разному трактующих источник статистичности физики микромира. Для первого характерны объяснения статистичности за счет особой природы микромира. Утверждается, например, что поведение микрообъекта принципиально статистично — он не обладает определенными физическими величинами, что микрообъект испытывает спонтанное воздействие вакуума и т. д. В рамках второго направления вероятность объясняют неполноценностью средств описания. Поведение объектов микромира динамично, но, скажем, недостаточная информационная емкость математического аппарата или некорректность логических средств приводят к недоопределенности в постановке задач и как следствие этого — к вероятным конечным решениям. Для третьего подхода источником статистичности служат опосредствующие звенья в процессе познания микромира, причем для одних исследователей — это «неконтролируемое» воздействие прибора на объекте исследования, а для других — неучтенный вклад наблюдателя в процессе освоения микромира.

Представляется, и это будет целью настоящего исследования, что противопоставление классической и квантовой физики по вопросу о статистичности знания является искусственным, что классическая механика в той же мере вероятностна, как и квантовая, и что источником статистичности физического знания служит практическая направленность теории. Условный, вероятный, статистический характер опытных данных замечен уже давно и, как известно, послужил основой многочисленных споров рационалистов и сенсуалистов о том, как возможно достоверное знание и какое знание характеризуется вероятностью. В классической логике сложилось представление о вероятном знании как неизбежном спутнике кон-

кретизации: вероятность появляется при всякой попытке получить полное и определенное знание по знанию абстрактной ситуации. Если, скажем, осуществляется вывод о всем классе предметов на основании знания о части предметов рассматриваемого класса, то возможно только вероятное знание. Если известно, что тот или иной признак принадлежит некоторым предметам рассматриваемого множества, то всякие высказывания на этом основании о принадлежности признака определенному предмету множества будут только вероятными. Аналогично, если известно, что данный признак появляется в предмете при наличии одних условий и исчезает при наличии других условий, то вывод об отношении этого признака ко всем случаям, то есть полное исчерпывающее знание, будет вероятным.

Взгляд, согласно которому достоверное знание есть результат абстрагирования, обобщения и идеализации опытных данных, а не априорной или другой способности разума, и следовательно, достоверность характеризует абстрактное знание об идеальных случаях действительности, вполне соответствовал положению дел в классической физике. Решая проблему достоверности высказываний классической механики, следует учитывать ее двойственный характер. Когда классическая механика описывает действительность в идеальном случае замкнутых абстрактных систем, то она точна, однозначна, ее высказывания носят достоверный характер. Тогда классическая механика детерминистична в лапласовском смысле, обладает возможностью однозначно, с жесткой необходимостью по начальным условиям предсказать все последующие состояния системы. Однако как только классическая механика описывает реальность как она дана в приборе, практике, она теряет свой жестко однозначный характер, и ее высказывания становятся вероятными и неопределенными. Эту раздвоенность классический механики отметил М. Борн в работе «Действительно ли классическая механика детерминистична?» [1].

К аналогичному выводу, правда, на других основаниях приходит Л. И. Мандельштам в лекциях по основам квантовой механики: «Необходимо подчеркнуть, что и всякая классическая теория по существу также является статистической и в этом пункте нет принципиального отличия волновой механики. Если бы теория давала высказывания только для одного опыта, она не имела бы ценности. Но классика, например, классическая механика, утверждала, что возможно сколь угодно узкое распределение для всех исследуемых величин. Таким образом, разница в типе статистики, а не в самой статистичности» [2].

Всякая физическая теория состоит из двух дополняющих друг друга частей. Первая часть — это синтаксическая структура тео-

---

[1] См.: М. Борн. Физика в жизни моего поколения. М., 1963.

[2] Л. И. Мандельштам. Лекции по оптике, теории относительности и квантовой механике. М., 1972, стр. 332—333.

рии: формальные средства расчета, уравнения, связи между символами. Вторая часть — интерпретационная, делающая первую часть содержательной. Вторая часть устанавливает связь между символами и физической реальностью, определяет предметную и практическую значимость формальных элементов теории. Без интерпретационной части,— говорил Л. И. Мандельштам,— теория иллюзорна, пуста. Без математики вообще нет теории[3]. Вероятностный характер физических знаний возникает благодаря второй части теории, на путях предметной и практической осмысленности формальных вычислений.

Исторически статистичность квантовой механики была обнаружена в поисках выхода теории к практике, к эксперименту. Первое нетривиальное приложение квантовой механики было сделано В. Паули, который рассчитал с помощью матричного метода величины энергий стационарных состояний атома водорода. Однако практическая значимость квантовой механики в полной мере была определена при расчете экспериментов по рассеянию электронных пучков в 1926—1927 гг. Именно при анализе этих расчетов удалось установить физический смысл квадрата волновой функции как плотности вероятности характеристик рассеяния. Результаты опыта получаются путем усреднения физических величин, вычисленных теоретически. Отсюда, согласно постулатам квантовой механики, средние величины совпадают с соответствующими экспериментальными данными.

Сущность квантовой физики такова, что всякое полное описание экспериментальной ситуации в квантовой физике неизбежно приводит к вероятностной трактовке квантово-механических расчетов. Как бы далеко мы ни исследовали явления микромира, в силу макроскопичности познающего субъекта последнее звено измерительных процессов обязательно макроскопическое. Макроскопические же объекты представляют собой результаты интегрального действия микрочастиц, их свойств, поведения, отношений. Скажем, давление воздуха есть усредненное действие громадного числа элементарных микроскопических явлений — ударов частиц газа о стенку сосуда. Таковы же, по существу, эффекты температуры, теплоемкости, намагниченности, электрического тока, электромагнитного взаимодействия, выделения тепла, интенсивности излучения, распада урана и т. д. Каждый элементарный микроскопический акт не способен произвести макроскопически ощутимое действие, но каждый акт участвует в порождении макроскопических явлений, каждый акт вносит определенный вклад в производство макроскопического эффекта. Квантовая физика как раз занимается изучением связи между изменениями в микроявлениях и макроскопическими эффектами, вызванными этими изменениями. Ее интересует процесс порождения макроявлений движением в микромире. Поэтому важнейшим понятием квантовой физики слу-

[3] Л. И. Мандельштам. Лекции по оптике..., стр. 327.

жит оценка вклада элементарных микроскопических актов в генезис макроскопических свойств, структуры, связей и поведения. Величина реального вклада в производство макроявления того или иного микроскопического состояния в сравнении с вкладом других, в целом определяющих макроявление, фиксируется величиной, соответствующей понятию вероятности в статистических теориях. Поэтому физическая величина, характеризующая макроскопический процесс, состоящий из гигантского числа упомянутых микроактов, будет определяться суммой вкладов или — на языке теории вероятностей — средним значением соответствующего оператора. Таковы истоки вероятности квантовой физики.

«Вероятность» квантовой физики, следовательно, имеет иную основу, чем вероятность как степень субъективной уверенности в правильности того или иного суждения, чем вероятность в смысле «степени возможности» некоторого события, которое может произойти и может не произойти. Введенное выше понятие вероятности отличается от традиционных математических определений вероятности как частоты появления события в массовых явлениях или как предела этой частоты. Вместе с тем «вероятность» как мера влияния микросостояний на макромир способна переходить в практических обстоятельствах в вероятность как меру правдоподобия, как меру возможности или вероятности в смысле частоты явлений. Так, если рассматривать результаты эксперимента как набор значений некоторого события в заранее заданных условиях, которое может повторяться множество раз, то мера определения микросостояниями макроскопических физических величин переходит в характеристику вероятности через частоту появления того или иного результата эксперимента или предел частоты при неограниченном повторении числа опытов в одних и тех же установках. Если же делается на основе знаний вкладов микросостояний в порождаемое макроявление предсказание поведения конкретного события — скажем, попадание электрона в данную точку экрана при рассеянии, мера зависимости макроявлений от микросостояний переходит в вероятность, являющуюся характеристикой потенциальной возможности. Аналогично попытка свести знание о статистическом поведении коллектива частиц к знанию об отдельных совокупностях этого коллектива превращает величину, определяющую степень участия того или иного микросостояния в порождении макроэффекта, в вероятность в смысле неопределенного, неточного знания. Таким образом, вероятность в обычном смысле слова появляется в квантовой физике при описании экспериментальной ситуации. Вне эксперимента вероятность в квантовомеханическом формализме может не употребляться. Аппарат, известный в классическом естествознании как теория вероятностей, по существу в этом случае служит формализмом по учету относительных вкладов микросостояний в генезисе макроскопических величин.

Широкое применение приборов в практическом освоении природы определяет известную неопределенность естественнонаучного

знания. Практика, в частности эксперимент, является таким взаимодействием исследователя и природы, в ходе которого осуществляется контроль и управление природными процессами. Но сколь бы тонкими ни были наши средства практики — приборы, реальность эксперимента такова, что всегда находятся некоторые его стороны, которые объективно «ускользают» от нашего контроля и неподвластны нашему управлению. Существует известная мера, в рамках которой осуществляется жесткий контроль и строгое управление процессами. Количественным выражением этой меры служат точность прибора и погрешность экспериментальных результатов. Поэтому всякий экспериментальный результат неопределенен в пределах ошибки эксперимента.

Вычисление погрешности — своеобразной меры вероятности высказываний — является фундаментальной задачей в сфере естественных наук. Обычно в классической механике точность расчетов определяется средствами специального формализма на базе исходной точности используемых приборов, которая в конце концов фиксируется экспериментально. Другое дело в квантовой механике. Наряду с традиционным способом определения погрешности, в квантовой механике постулативно задается точность, с которой одновременно теоретически вычисляются сопряженные физические величины — импульс и координата, время и энергия и т. д. Это является следствием классичности непосредственно используемых приборов в практике микромира. «Как бы далеко ни выходили явления за рамки классического описания,— писал в этой связи Н. Бор,— все опытные данные должны описываться при помощи классических понятий...» [4]

Применение классических средств для практического освоения микромира имеет свои естественные границы. К примеру, использование классических устройств в целях контроля и управления микропроцессами приводит к такому обмену энергией между прибором и объектом, который соизмерим с энергией состояния микрочастицы, что решительно меняет состояние объекта; при этом действие одного класса установок, скажем, для определения координаты, исключает возможность использования приборов для точной фиксации сопряженных координате величин. Точность использования классических средств для предметных действий и описания экспериментальных результатов с помощью категориального каркаса классической механики дается соотношением неопределенностей.

Таким образом, по крайней мере три истока определяют вероятностный характер физического знания — попытка сказать о конкретном по знанию абстрактной ситуации, раздвоенность физических теорий и неизбежная погрешность экспериментальных данных. Каждый из истоков представляет аспект практической направленности теории.

---

[4] «Успехи физических наук», т. 16, вып. 4, 1953, стр. 576—577.

Н. Я. Муравлев

ПРАКТИКА И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ СТРУКТУРНЫХ УРОВНЕЙ ЖИЗНИ

Общие положения связи теории и практики специфически «работают» в различных науках. Анализ этой специфики может способствовать конкретизации, развитию философских положений о связи теории и практики, а также успешному решению проблем частных наук. Мы рассмотрим некоторые особенности связи теории и практики в ходе изучения структурных уровней жизни.

Многие специфические черты связи теории и практики в освоении структурных уровней жизни коренятся в противоречивости их отношений с точки зрения воплощения в них высшего и низшего. Известно, что некоторые функции высшего уровня (наследственность, например) закреплены за низшим (нуклеиновые кислоты). Можно поэтому говорить о проникновении высшего в низшее.

Такое соотношение низшего и высшего на разных структурных уровнях жизни является объективной основой того, что практические результаты и теоретические построения на низшем уровне, например, молекулярном, могут служить источником новой постановки проблем, касающихся не только биологической, но и социальной формы движения материи. При этом проявляется очень важная черта связи теории и практики в освоении структурных уровней жизни: экспериментальные данные молекулярной биологии (наук о низших уровнях жизни вообще) оказывают свое влияние в качестве источника и критерия истины на теории высших уровней не непосредственно, а через адекватное отражение их в теориях молекулярной биологии. Степень адекватности отражения экспериментальных данных в теориях самой молекулярной биологии существенно определяет объективность отражения их в теориях высшего уровня. В то же время степень научности теории высшего уровня обусловливает характер истолкования данных практики на низшем уровне и тем самым — характер формирования теории низшего уровня.

Непосредственное перенесение экспериментальных результатов с низшего уровня на высший означает принижение и этих результатов и теории высшего уровня. При этом тормозится действитель-

но теоретическое осмысление практических результатов в рамках уровня, на котором они получены, и как следствие — теория высшего уровня подменяется несовершенной теорией низшего уровня: на место первой ставится вторая, а это означает фактически отрицание качественного различия уровней за счет непомерного раздувания их сходства.

Отмеченные связи теории и практики в познании структурных уровней жизни очень явственно проглядывают во взаимоотношениях генетики и социологии. Разработка теории личности и необходимость повышения эффективности практических мероприятий по воспитанию личности сталкиваются с проблемами, решение которых требует учета теоретических и экспериментальных данных генетики. Иными словами, возникла и становится все более острой проблема сотрудничества теории и практики генетики, с одной стороны, и теории и практики в некоторых областях социологии — с другой, в целях решения некоторых вопросов социологии. В анализе их решений можно увидеть как ошибочные истолкования связи теории и практики в освоении различных уровней жизни, так и те, которые приводят к положительным результатам.

Некоторые генетики и социологи Запада, опираясь на новейшие достижения генетики, утверждают, что сущность человека, всей общественной жизни определяется генетически. Войны возникают якобы потому, что в генотипе людей сохранились гены агрессивности. Деление общества на классы предопределено будто бы генетически. Всемирно известный генетик К. Дарлингтон утверждает, что Британская империя достигла величия потому, что ею управлял класс, получивший руководство на основе своего генетического превосходства.

Подобные рассуждения как раз и показывают неправомерное перенесение результатов практического освоения молекулярного уровня жизни в социологию. Это и есть принижение как данных практики в генетике, так и теорий социологии, ибо они тем самым неявно квалифицируются неспособными решать свои собственные проблемы; социология попросту подменяется генетикой.

С позиций марксистского понимания связи теории и практики в ходе изучения структурных уровней жизни речь должна идти не о подмене генетикой социологии, а об относительном возрастании роли биологических факторов в понимании социальных качеств человека. Это понятно, если учесть, что сравнительно недавно о генетике человека было очень мало известно. «Необходимо, — пишет Н. П. Дубинин,— разработать общие основы генетики поведения, ибо непонимание... их чревато важнейшими социальными последствиями для решения проблем воспитания личности человека» [1]. В подобных суждениях нет подмены социологии генетикой, характерной для евгеников: разработка, например, генетических основ

---

[1] Н. П. Дубинин. Философские и социологические аспекты генетики человека.— «Вопросы философии», 1971, № 2, стр. 61.

поведения человека, несмотря на всю свою важность, верно оценивается лишь как одно из средств повышения эффективности социальных воздействий на человека [2].

Следовательно, здесь дается объективная оценка экспериментальных данных генетики для теорий социологии. Закономерен вопрос: чем объясняется коренная противоположность в теоретическом освоении на уровне социологии одних и тех же экспериментальных данных генетики? Ответ на него связан с выделением еще одной особенности связи теории и практики в познании структурных уровней жизни. Она заключается в следующем: действительно глубокое теоретическое осмысление практических результатов, полученных изучением низшего уровня, возможно лишь в рамках теории высшего, а не низшего уровня. Только в этих рамках выясняется истинное теоретическое значение данных практики. Утверждения евгеников, подобные приведенным выше, лишь внешне превозносят познавательную мощь данных генетики для социологии, в действительности же они умаляют их значение как источника и критерия истинности социологических теорий, подменяя генетикой социологию. Евгеники переступают ту грань, которая отделяет диалектику от софистики, диалектическое решение вопроса о связи генетики с социологией от метафизического. Из правильного факта о том, что данные генетики могут способствовать решению некоторых социологических проблем, они делают неверный вывод, что генетика одна, сама по себе может их решить. Из верного положения о том, что относительно возрастает роль биологических факторов в понимании социальной сущности человека, они делают неверный вывод, будто сущность человека определяется генетически.

Но если объективная оценка отношений результатов практики в генетике к теориям социологии может быть дана только в рамках этих теорий, то отсюда следует, что характер теорий социологии, степень их научности не может не влиять на характер теоретического осмысления данных практики, полученных генетикой. Это означает, что действительно глубокое теоретическое осмысление экспериментальных данных на низшем уровне возможно не в любых теориях высшего уровня, а в теориях, объективно отражающих этот уровень. Ненаучность социологических теорий, которых сознательно или стихийно придерживаются евгеники, предопределяет ненаучное истолкование экспериментальных данных генетики. Научная социология ищет в этих данных опору для своего совершенствования, ненаучная — пасует перед ними и сдает свои позиции генетике. Научная социология повышает при этом свой теоретико-познавательный потенциал, успешнее решая возникающие проблемы и очерчивая четкие границы возможно-

---

[2] См.: об этом подробнее: И. К. Лисеев, А. Я. Шаров. Генетика человека, ее философские и социально-этические проблемы.— «Вопросы философии», 1970, № 7, 8.

стей генетики в их решении, ненаучная — обнаруживает свое бессилие.

Итак, экспериментальные данные генетики через отражение их в теориях генетики служат источником развития соответственных социологических теорий в том случае, когда последние имеют объективный характер.

В этом заключена еще одна особенность связи теории и практики в ходе освоения структурных уровней жизни: истинность теории низшего уровня доказывается не только практикой в рамках этого уровня, но и тем еще, что они способствуют решению теоретических проблем более высоких уровней жизни. Подтверждение, например, социальной практикой социологических теорий, ассимилировавших данные генетики, есть в то же время и подтверждение истинности соответствующих выводов генетики. Взаимопроникновение уровней жизни обусловливает и то, что эксперименты на одном уровне могут опровергать соответствующие теоретические объяснения в рамках данного уровня и в то же время открывать новые горизонты для развития теории высшего уровня. Так, экспериментальные исследования Э. Чаргаффом количественных соотношений пуринов и пиримидинов в ДНК опровергли тетрануклеотидную теорию строения ДНК П. Левена и явились предпосылками разрешения некоторых проблем систематики.

До сих пор мы говорили об особенностях связи теории и практики, коренящихся во взаимопроникновении уровней жизни.

Относительная самостоятельность структурных уровней жизни обусловливает иные особенности связи теории и практики. Чем больше «интервал» между уровнями в определенном отношении, тем независимей теория высших уровней по отношению к данным практики на низших уровнях — в том смысле, что они не могут существенно повлиять на эти теории. Возможно, например, что экспериментальные исследования электронного уровня жизни окажут свое влияние на трактовку проблем эволюции, но сами по себе они не могут их решить.

Очень важной чертой связи теории и практики в процессе изучения структурных уровней жизни, по-видимому, является следующее: теория вышележащего уровня играет направляющую роль по отношению к практическим исследованиям нижележащего уровня, а теории последнего — своеобразный предельный случай теорий вышележащего уровня. В таких отношениях находятся, например, практическое изучение индивидуальной изменчивости, теория индивидуальных изменений, теория исторического развития видов.

Обратимся к некоторым моментам отношений зарождавшейся генетики к дарвинизму.

Возникшая генетика объективно была «коренным образом связана с развитием эволюционной идеи. Однако экспериментальные данные генетики использовались для того, чтобы ниспровергнуть

дарвинизм»[3]. Противоречивость одной из причин такой оценки данных генетиков была та, что, с одной стороны, ясно обнаружились недостатки теории Дарвина, а с другой — эксперименты генетиков носили точный, поддающийся математической обработке характер и казались разрешающими все проблемы эволюции. Им и было отдано предпочтение перед «гипотетичным» дарвинизмом. Недостатки теории эволюции Дарвина, подсвеченные блеском генетических экспериментов, выросли в глазах генетиков до таких размеров, что дарвинизм в целом казался им опровергнутым. Дарвин обнаружил факт качественного различия организменного и видового уровней по их отношению к процессу эволюции. Но для более глубокого обоснования этого факта нужно было всесторонне исследовать причины наследственной изменчивости. Дарвин, как отмечал еще Энгельс, вынужден был отвлечься от их выяснения в силу исторической ограниченности биологии его времени[4]. Отмеченное разделение организменного и видового уровней в силу этого не могло быть достаточно аргументированным. Генетики же объявили его полностью несостоятельным. Организменный и видовой уровни были отождествлены по отношению к эволюционному процессу — путем прямого перенесения экспериментальных данных генетики в эволюционную теорию. Теория мутаций фактически отождествлялась с теорией эволюции. В действительности же теория мутаций — теория наследственной изменчивости и в этом своем качестве есть, как уже отмечалось, своеобразный предельный случай эволюции. Она отражает вполне определенный фактор эволюции, но не подменяет собою всех факторов, не является теорией эволюции. Ее распространение на весь процесс эволюции столь же неверно, сколько неверно распространение механики Ньютона на всю Вселенную. Антидарвинисты, «увлекаясь своими экспериментальными открытиями, вскрывали отдельные явления..., распространяли на весь процесс эволюции и тем самым извращали учение о факторах эволюции»[5].

Однако в описанной ситуации свою отрицательную роль сыграло не только несовершенство теории высшего уровня, но и относительность первых генетических экспериментов как источников истины. Ведь генетики не знали еще материальной природы генов. Они имели дело лишь с проявлением их на уровне организмов; создалась интересная с точки зрения связи теории и практики ситуация: несовершенство теории высшего уровня отрицательно сказалось на оценке экспериментов как критерия ее истинности. В то же время действительное значение этих экспериментов в отмеченном отношении не могло быть выяснено в силу их относительности: полное знание генов требовало изучения еще более глубоких уровней жизни. Цитология уже тогда обосновала теоретиче-

---

[3] Н. П. Дубинин. Эволюция популяций и радиация. М., 1966, стр. 193—194.
[4] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 70.
[5] Н. П. Дубинин. Эволюция популяций и радиация, стр. 196.

ский вывод, что ядро является фактором, регулирующим наследственность. Казалось, нужен еще лишь шаг, чтобы объединить усилия генетики и цитологии и на этой основе существенно продвинуться вперед в сближении генетики с теорией эволюции. Но открытые в экспериментах дискретность наследственности, расщепление и взаимодействие генов были столь принципиально новые, что в оценке данных цитологии повторилась ситуация оценки теории эволюции: экспериментальные результаты цитологов казались потерявшими всякое значение. Иными словами, ошибочное истолкование экспериментов на одном уровне имело своим следствием неверное понимание данных практики на другом уровне, хотя объективно результаты цитологии служили более глубокому пониманию данных генетики. Выход был найден на путях сопоставления данных клеточного и организменного уровней. Эксперименты на уровне организма были подтверждены экспериментами на уровне клетки. Каждый из этих рядов экспериментов приобрел тем самым новое, более глубокое значение как источник развития эволюции. Но эту свою функцию эксперименты выполнили после осмысления их с позиций теории эволюции. Внедрение теории эволюции в генетику как необходимое условие решения ее собственных проблем как раз и демонстрирует направляющую роль теории высшего уровня по отношению к данным, полученным на низшем уровне, а теория нижележащего уровня, как показывает анализ отношений теории эволюции и теории наследственности, действительно есть предельный случай теории вышележащего уровня. Ошибки многих эволюционистов и первых генетиков, отождествлявших индивидуальную и историческую изменчивость и считавших, что мутации «мирно» врастают в эволюционный процесс, свидетельствуют об одностороннем подходе к таким отношениям теории наследственности и теории эволюции [6].

Приведенный материал позволяет подчеркнуть еще одну важную черту связи теории и практики в освоении структурных уровней жизни: теоретические изыскания на более высоких уровнях опираются на практику не только в рамках этого уровня, но и на практику освоения низших уровней, она тоже входит в основу их формирования и средств проверки, но не прямо, а опосредованно — через теории низшего уровня; каков удельный вес названных видов практики в формировании и проверке теории — это вопрос иной. Например, решение проблемы гармоничного развития личности включает в себя обсуждение вопроса об усвоении ею социальной программы. Генетики вполне обоснованно говорят, что «гармоничное развитие способностей требует учета генетической структуры личности» [7]. Отсюда следует, что разработка теории личности должна опираться на данные практики не только со-

---

[6] См.: Современные проблемы эволюционной теории. М., 1967, стр. 436.

[7] Н. П. Дубинин. Философские и социологические аспекты генетики человека.— «Вопросы философии», 1971, № 2, стр. 61—62.

циального, но и молекулярного уровня жизни. То же относится и к их проверке. Положение, что человек становится личностью только через усвоение социальной программы, базируется и проверяется практикой на социальном уровне. Но вот вопрос о том, как человек усваивает социальную программу, едва ли может быть полностью решен и проверен только на социальном уровне, как не могут быть исчерпывающе решены вопросы эволюции в рамках отношений теории и практики либо только на организменном, либо только на видовом уровнях. В этом плане диалектичность практики в науках о живом не только в том, что она исторична, но и в том, что она, если можно так выразиться, многоуровневая. Для получения знания, особенно теоретического, касающегося одного уровня, требуется обращение к практическим данным, полученным не только на этом уровне, но и на других. Комплексный характер практики в биологическом познании выражается как в тесной взаимосвязи ее видов в рамках изучения одного уровня, так и во взаимосвязи форм практики на различных уровнях.

В заключение отметим, что специфические черты связи теории и практики в ходе освоения многоуровневого объекта определяются диалектикой взаимосвязи структурных уровней объекта, их относительной самостоятельностью и взаимопроникновением.

М. Л. Шубас

ПРАКТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕХНИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Техническое познание может в самом общем виде быть представлено как процесс получения знаний о технических устройствах, технологии их изготовления и условиях эксплуатации с помощью определенных средств и действий субъекта. Техническое знание есть знание конструктивных и функциональных характеристик технических устройств и технологических процессов, а также знание о возможных путях совершенствования техники на основе познанных как ее собственных законов, так и законов природы и общества.

Целью настоящей статьи является выяснение отношения технического знания к производственной практике, точнее к практике проектирования, изготовления и эксплуатации техники.

Известно, что до появления машинного способа производства отдельный субъект сам конструировал, изготовлял и очень часто сам эксплуатировал технику. При развитом машинном производстве эти три сферы технической деятельности постепенно отделились друг от друга и ныне существуют как самостоятельные виды человеческой деятельности (проектирование, изготовление и эксплуатация), которые выполняются отдельными субъектами в лице конструктора, технолога и эксплуатационника. Эта обособленная трудовая деятельность выполняется не только в разное время, так как сначала нужно данное устройство сконструировать, потом изготовить и лишь после этого его эксплуатируют, но весьма часто и в разных местах. Каждый из этих видов имеет, таким образом, свои временные и пространственные границы.

Разделение труда в сфере производственной практики и изменение тем самым структуры этого рода практической деятельности человека породили, в свою очередь, определенное разделение технического знания, которое приобрело тем самым специфическую структуру, не свойственную другим видам знания.

Обычная классификация технического знания рассматривает его с точки зрения отражения объекта познания. И поскольку каждому техническому устройству присущи и общие, и особенные, и единичные признаки, то все технические науки делятся в этом

плане на общетехнические науки, частнотехнические и специальные технические науки [1].

Данная классификация технических наук, хотя она наиболее распространенная и лежит в основе системы обучения студентов технических вузов и техникумов, не является, однако, единственно возможной классификацией. Поскольку непосредственным источником всякого человеческого знания является практическая деятельность людей, то своеобразная структура производственной практики объективно породила своеобразную структуру технического знания. В этом аспекте можно разделить техническое знание на конструкторское, технологическое и эксплуатационное, соответственно трем видам технической практики. Попытаемся изложить нашу мысль схематично:

Примечание: Зачеркнутые клетки показывают, какое знание требуется для отдельных видов технической практики.

В отличие от видов практики, которые состоят между собой в координационной связи, т. е. сосуществуют рядом, друг около друга, как самостоятельные (разумеется, в диалектическом понимании) сферы человеческого труда, виды технического знания не столько координируются одно с другим, сколько субординируются, т. е. связаны иерархически. В этом плане конструктор должен обладать не только конструкторским, но также технологическим и эксплуатационным знаниями, технолог — технологическим и эксплуатационным знаниями, эксплуатационник — эксплуатационным знанием.

Многогранность знаний конструктора вытекает из самой природы конструкторского труда, из значения этого труда в техническом развитии. Успешное функционирование любого технического устройства зависит главным образом от того, как его сконструировали, от правильности заложенной в нем конструкторской идеи.

---

[1] См.: О. М. Волосевич и Ю. С. Мелещенко. Технические науки и их место в системе научного знания.— В кн.: «Методологические проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук». Л., 1970, стр. 258.

Так, конструируя новый станок, недостаточно составить принципиальную схему и детализировать ее в чертежах. Установив и теоретически рассчитав соотношения между основными узлами станка, конструктор обязательно должен посмотреть, как разработанная им принципиальная схема будет действовать в конкретном оформлении, для чего необходимо изготовить экспериментальный образец и проверить его на практике, т. е. эксплуатировать устройство определенное время в реальных производственных условиях. Отсюда видно, что конструктор должен обладать не поверхностными, а глубокими знаниями об эксплуатации техники. Без такого знания практически невозможно создавать технику.

Поскольку создаваемое техническое устройство предназначено для массового употребления, его необходимо изготовить не в одном экземпляре, а во множестве. Следовательно, конструктор должен иметь общее представление о технологическом процессе, ибо конечный успех конструкторского замысла зависит от качества изготовления.

Кроме собственно конструкторского знания, т. е. знания способов и методов проектирования, основ организации конструкторского труда, инженер-конструктор должен обладать прочными естественнонаучными знаниями. «Конструктивное изучение машины, — подчеркивал известный конструктор А. И. Сидоров, — должно затрагивать **все** стороны дела, **все** обстоятельства работы машины, **все** физические свойства реальных тел, так как инженер строит машины и сооружения не из воображаемых, упрощенных материалов, а из действительных тел, добываемых в природе, и все свои выводы, суждения и расчеты должен основывать на полном и всестороннем знании всех свойств именно этих реальных тел и материалов [2].

Подытоживая изложенное, можно сказать, что к конструкторскому знанию относится знание, позволяющее строить, создавать и использовать для удовлетворения человеческих потребностей технические средства, их компоненты, а также целые совокупности технических систем.

Из приведенной схемы видно, что второе место по своему объему занимает знание технолога. Для последнего нет нужды в конструкторском знании, поскольку задача технолога — организовать массовое производство сконструированного устройства, чтобы последнее надежно функционировало в эксплуатации. В этом отношении технолог должен обладать эксплуатационным знанием не менее, чем конструктор. Нарушение технологии обработки деталей устройства, а также технологии сборки и монтажа обнаруживаются при эксплуатации устройства, снижают его производительность или делают технику экономически неэффективной и нецелесообразной. Содержание знания технолога составляет знание о способах и

---

[2] А. И. Сидоров. Основные принципы проектирования и конструирования машин. М., 1929, стр. 81.

процессах обработки или переработки предметов труда, т. е. знание о функционировании технических средств и связанных с этим изменений свойств, состояния, формы и положения обрабатываемого объекта.

Самое нижнее место в иерархии знаний занимает знание эксплуатационника. И это естественно. Последний не занимается ни проектированием техники, ни ее изготовлением. Задача последнего — организовать правильное и надежное использование машины, сооружения и т. п. Для этого эксплуатационник должен хорошо знать не только саму конструкцию, заложенные в ней идеи, режимы работы, взаимодействия со средой и влияния последней на работу конструкции, а также требования, предъявляемые к обслуживающему персоналу. В данном случае понятия «эксплуатационные знания» и «знание эксплуатационника» в известной мере тождественны, поскольку они почти эквивалентны по объему.

Из соотношения отдельных видов технического знания отнюдь не следует, что технолог и эксплуатационник не нуждается в общетехническом, сугубо теоретическом знании, на котором зиждется его специфическое знание как эмпирическая интерпретация теории.

Детальный анализ деятельности инженера и техника показывает, что она принадлежит к тому виду интеллектуальной деятельности, в котором своеобразно сочетаются и взаимодействуют понятийные, образные и эмпирические компоненты. Наиболее характерно это для конструкторской деятельности. «Через концептирование,— указывает Фр. Ханзен,— конструирование примыкает к исследованию, а через техническое проектирование и технологию — к производству. Установление принципа действия возникает при тесном сотрудничестве с исследователями, но не исключает самостоятельного решения вопроса в простейших случаях самим конструктором. Технология является связывающим звеном между проектированием и изготовлением. С ней конструктор также должен быть знаком в общих чертах»[3].

Взаимодействие и динамика всех компонентов знания происходит у субъекта в его деятельности, при решении технических задач, в процессе технического поиска, в ходе разрешения многочисленных проблемных ситуаций.

В этих условиях и объектное и структурное различения технического знания сливаются в определенное единство знаний, выступающее своей функциональной стороной, как средство преобразования действительности, средство создания новых технических устройств.

Эта функциональная сторона технического знания вызвала у некоторых философов-идеалистов иллюзию, будто она ничего не отражает. Гуссерлианец Вальтер Штольц полагает, что техниче-

---

[3] Фр. Ханзен. Основы общей методики конструирования. Л., 1969, стр. 114.

ское знание является лишь символом, свидетельствующим только о возможности сотворения того или иного технического устройства. Поэтому техническое знание есть лишь средство преобразования вещества, но ничего реального не отражает, так как всегда предшествует появлению техники, но никогда не следует за ней [4].

Штольц ошибается, во-первых, в том, что отождествляет всю технику с отдельным техническим устройством. Техническое знание предшествует появлению отдельного устройства, но не всей техники, которая по отношению к познающему индивиду выступает как объективно существующая действительность вне и независимо от его сознания.

Во-вторых, Штольц трактует познание как механическое отражение, простую фиксацию действительности. В действительности всякое познание, и особенно научно-техническое, является **творческим** отражением, мысленно преобразующим объективную реальность. Именно рефлективная основа технического знания обусловливает его функциональную природу.

Творческий, созидательный характер деятельности инженера и техника требует от субъекта постоянной проверки знания практикой, а практики — знанием. Главное в этом процессе не столько подтверждение истинности имеющегося знания, получаемых научных данных, сколько дальнейшее движение технической мысли, выдвижение новых гипотез и предположений и, как конечный итог,— новые успешные практические результаты, дальнейшее развитие самой техники.

Такое тесное взаимодействие теории и практики имеет место во всех видах производственной деятельности, но наиболее ярко оно проявляется в деятельности конструктора.

Каждое теоретическое решение конструктора не только относительно **всей** машины, но и по каждому ее узлу и детали проверяется, как правило, практически, особенно если это решение выходит за рамки общепринятого и общепроверенного или отбрасывает какой-то ранее принятый принцип.

Конструктор никогда не может быть полностью уверенным в точности теоретических расчетов и полагаться на умозрительные их решения (даже самые хорошие с теоретической точки зрения). «Неправильно всецело полагаться на расчет, — подчеркивает П. И. Орлов,— во-первых, существующие методы расчета на прочность не учитывают ряда факторов, определяющих работоспособность конструкции. Во-вторых, есть детали, не поддающиеся расчету (например, корпусные). В-третьих, необходимые размеры деталей зависят не только от прочности, но и от других факторов» [5].

---

[4] W. Stolz. Die Frage nach der ursprünglichen Einheit der Wissenschaften.— In: "Experiment und Erfahrung in Wissenschaft und Kunst", München — Freiburg, 1963, S. 304.

[5] П. И. Орлов. Основы конструирования. М., 1968, стр. 78.

Вот почему конструктор наряду с расчетом справляется с опытом исполненных конструкций, внося при необходимости обоснованные изменения.

Конструкторский эксперимент, проводимый в ходе проектирования новой техники, преследует главным образом цель получения нового знания, таких данных об оригинале, которые необходимы для решения вопроса о полезности изобретаемого устройства, т. е. будущего результата развития некоторой области техники. Каким бы талантливым ни был конструктор, он не в силах предусмотреть все неожиданные ситуации, могущие возникнуть в новой машине, приборе, приспособлении в процессе эксплуатации. Вот почему наряду с конструкторским экспериментом необходим еще и производственный эксперимент. Так, ни одна новая машина никогда не запускается в производство без предварительной проверки конструкции и ее отладки на опытном промышленном образце. Каждое новое приспособление, новый инструмент испытывается практически на пробной детали, для обработки которой они созданы, и лишь после **многократной** практической проверки в самых разных режимах обработки эти приспособления, инструменты запускаются в массовое производство.

Производственная практика, а вернее эксплуатационная практика, показывает, что опытные образцы изделий, изготовленные по тщательно продуманным и проверенным чертежам и испытанные в экспериментальных условиях, оказываются в эксплуатационных условиях с определенными недостатками и требуют дополнительной корректировки и отладки, а иногда обнаруживают существенные ошибки в самой принципиальной идее конструктора.

Специфической чертой производственного эксперимента является то, что, с одной стороны, он непосредственно примыкает к материальному производству, способствуя его развитию. С другой — производственный эксперимент еще не есть сам непосредственный процесс изготовления техники, так как по своему характеру и последствиям он является одним из методов научного познания действительности. Производственный эксперимент отличается, однако, от естественнонаучного тем, что имеет своей целью не содействие открытию новых законов природы, а содействие развитию техники, открытию наиболее рациональных способов овеществления познанных законов природы. Таким образом, этот эксперимент является тем звеном, которое непосредственно связывает техническую науку с производством, теорию с практикой.

Прогресс технического знания обусловлен не только производственными или конструкторскими экспериментами, но и всей технической практикой, особенно эксплуатационной, развитие которой иногда сдерживается отсутствием теоретической разработки той или иной технической проблемы. Так, эксплуатационная практика давно уже показывает большие преимущества стержневых механизмов, осуществляющих постоянство отношений угловых скоростей ведомого и ведущего звеньев, по сравнению с кулачковыми

механизмами. Хотя потребность в стержневых механизмах велика, практически их очень мало применяют. Причина лежит не в сложной технологии, а в теоретических трудностях проектирования, в составлении кинематических схем таких механизмов[6]. Дело в том, что условия эксплуатации таких механизмов требуют, чтобы «зависимость между числами оборотов ведущих и ведомых звеньев была бы выражена определенными, теоретически точными постоянными передаточными отношениями»[7].

Ввиду отсутствия теории точного синтеза механизмов, конструктор вынужден полагаться на интуицию и уповать на случайный успех, что чрезвычайно затрудняет выполнение поставленной задачи.

Движущая сила практики в техническом познании заключается не только в том, что она порождает новые теории, но и в том, что появление новых видов техники заставляет переосмыслить старые, уже сложившиеся теории под иным углом зрения. Так, внедрение промышленных роботов — кибернетических, автоматически управляемых машин, моделирующих функции живых организмов, «требует нового подхода к ряду вопросов теории систем машин автоматического действия, а также к математическому описанию выполняемых ими технологических процессов»[8]. Прежде всего необходимо коренным образом пересмотреть такие разделы общей теории машин и механизмов, как кинематика и динамика пространственных механизмов со многими степенями свободы, теория механизмов с переменной структурой, структурный синтез незамкнутых кинематических цепей.

Техническую науку развивает не только появление новых технических устройств, но также новых конструкционных материалов с заранее заданными свойствами. Создание постоянных однодоменных магнитов с кристаллической решеткой совершает революционный переворот в механике машин и механизмов. Вместо зубцов или громоздких зубчатых зацеплений можно будет построить совершенно гладкие колесики, цилиндры, конусы с магнитными точками. Такие намагниченные детали будут передавать вращение, даже не соприкасаясь друг с другом. Правда, произойдет это еще не скоро, так как нужно много времени для замены огромного количества действующих зубчатых механизмов магнитными. Но постепенное изменение практики найдет свое отражение в самом машиноведении. Из него со временем будет исключена как отжившая свой век теория зацепления зубчатых передач.

Важно отметить, что технический прогресс воздействует не только на самые технические теории, но и на логический аппарат образования технического знания, заставляя уточнять пределы

---

[6] Л. Д. Рузинов. Проектирование и расчет механизмов на основе геометрических преобразований. М.— Л., 1964, стр. 51.

[7] Там же.

[8] И. Артоболевский и А. Кобринский. Человеку служат роботы.— «Правда», 1972, 12 марта.

применимости того или иного постулата. Кинематические и динамические исследования в теории деталей машин и механизмов до сих пор строились и еще часто строятся на идеализированных представлениях о деталях как о геометрических телах, ограниченных правильными геометрическими поверхностями (плоскостями, цилиндрами, конусами) и двигающихся по геометрически правильным кривым, однозначно описываемым законами движения. Машина, собранная из таких деталей, представляется как состоящая из деталей, поверхности которых плоские и ровные, а по отношению друг с другу — абсолютно параллельны или перпендикулярны.

Пользуясь описанием машины методом идеализации, инженеры сознательно допускают как бы реальное существование таких идеализированных машин, хотя их в действительности нет и быть не может. Конструктор и технолог знают, что у реальных деталей существуют отклонения от правильной геометрической формы, от абсолютно точного относительного расположения поверхностей.

Пока практика не требовала деталей высокой точности обработки, идеализированное представление вполне совмещалось со знанием реального положения и нисколько не мешало конструированию деталей. В современном машиностроении все больше и больше требуется изготовлять детали механизмов с допусками, исчисляемыми в ряде случаев долями микрона. Следовательно, сложившиеся методы расчета на точность, основанные на представлениях о деталях как геометрически правильных телах, дают неверные результаты, и очень часто машины, собранные из деталей, обработанных по ГОСТу, не работают.

Практика изготовления деталей с высокой точностью обработки и заставляет инженеров отказаться от старой идеализации поверхностей детали и рассматривать последние как геометрически неправильные. Сопряжение деталей между собой производится в действительности не по всей линии поверхности, а по отдельным точкам. Положение деталей относительно друг друга определяется положением координат, возникающих на точках контакта. Механика машин и ее раздел «Детали машин и механизмов» не могут больше абстрагироваться от факта погрешностей относительного положения деталей, от взаимодействия деталей в процессе движения [9]. Это требует в свою очередь коренной переработки методики ограничения допусками различного рода погрешностей.

Гносеологический анализ роли практики в техническом познании показывает, что динамичность практики, разделение сфер практической деятельности находит свое объективное отражение в структуре технического знания как развивающегося знания. Практическая деятельность по созданию техники обусловливает также двуединую тенденцию развития технического знания: дифференциацию и интеграцию, без чего невозможен технический прогресс как материальная основа социального прогресса.

---

[9] И. М. Колесов. Об идеализации в исследовании машинной техники. В сб.: Некоторые методологические проблемы технических наук, ч. 2. М., 1971, стр. 33.

Л. А. Закс

ПРАКТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

Определяющая роль практической деятельности в общественной жизни — факт, давно научно обоснованный марксистской философией. Практика не только определяет все аспекты социального бытия, она пронизывает и все сферы духа: «общественная жизнь является по существу *практической*» [1]. Не представляет исключения из этого закона и искусство, художественное освоение мира. Научное исследование искусства поэтому предполагает постижение многообразных связей последнего с практикой, различных форм его практической обусловленности, в том числе и моментов непосредственного «проникновения» предметной деятельности в систему деятельности художественной.

В данной статье отношение «практика — искусство» будет рассмотрено со стороны: 1) формы (способа) существования художественной информации и искусства в целом, 2) содержания художественной информации, 3) социальных функций художественной информации.

Непременное включение практического, предметно-чувственного момента в любую социальную деятельность является существенным и необходимым условием выполнения ею своих социальных функций. Предметные моменты органически включены в данную деятельность, являются внутренним ее звеном (**профессионально-практический** аспект деятельности). Кроме того, они примыкают к деятельности, порождены ее потребностями и выступают условиями ее осуществления (**институционально-практический** аспект деятельности).

Рассмотрим под этим углом зрения художественную деятельность. Художественная деятельность, разумеется, прежде всего деятельность духовная, продукт ее духовен по своей сущности (образ), удовлетворяет она специфическую, духовную общественную потребность. Однако сама природа идеального требует практической переработки «предметности». «Отягощенность материей» (Маркс) в искусстве есть существующее предметно-чувственно

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 3.

произведение искусства (в разных искусствах с разной степенью «предметности»).

Искусство выступает как деятельность **знаковая** — и не только в том смысле, что оно опирается на знаки, что оно коммуникативно, но и как **знаковосозидающая** деятельность. Природа искусства — и это сегодня аксиома — обусловливает специфическое, «интимное» единство значения и знака, содержания и выражения, что предполагает специальное «кодирование» информации, воплощение ее в определенном материале, могущем стать знаком. В тех же искусствах, которые пользуются иконическими знаками, например, в живописи, театре, скульптуре, это по сути материальное «моделирование» художественного объекта. В музыке это моделирование звуковой структуры и т. д.

Условием художественной коммуникации выступает эмоционально-эстетический контакт с воспринимающим. Он обеспечивается прежде всего эстетическими достоинствами материальной структуры произведения искусства (эстетическая сигнальность). Таким образом, художественная деятельность выступает как деятельность **формообразующая,** эстетическая, заключающаяся в материальной переработке предмета для восприятия — в соответствии с социально значимыми нормами красоты. Побуждая к определенному восприятию, «вводя» в художественную реальность, форма является носителем и собственных значений, составляющих значительный аспект художественной информации, а в ряде искусств — основное содержание (декоративное, цирковое). Одним из таких значений выступает ее подчеркивание как «сделанной», созданной человеком (и, одновременно, выходящей за пределы возможностей публики — цирк, балет, музыкальное исполнительство). Осознание «сделанности», т. е. осознание творческого характера произведения искусства, является одним из факторов наслаждения искусством и способствует его адекватному восприятию (ср. знаменитое ленинское высказывание: «Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!» [2]). В литературе также существует «обработка» материала, или материальность формы, но здесь она выступает как «снятая» материальность внутренней речи — эта снятость хорошо выявляется при сравнении с фольклорными формами творчества, с импровизационным словесным творчеством, когда материальная (речевая) форма создается «на глазах» публики. «Созидание знаков», «формообразование» — это органически связанные моменты одного и того же. Можно указать и еще один момент **объективации** художественного содержания, шире — объективации сознания (некоторых его форм). Последнее «отчуждается» от своего творца, становится фактом социального бытия. Произведение, с одной стороны, становится моментом развития (саморазвития) человека: «человек удваивает себя не только интеллектуально, как это имеет

---

[2] В. И. Ленин. О литературе и искусстве. М., 1957, стр. 567.

место в сознании, но и реально, деятельно и созерцает самого себя в созданном им мире»[3]. С другой стороны, произведение начинает свою материальную жизнь, включается во «вторую природу», цивилизацию, попадает в зависимость от материальных условий природного и социального характера, в систему социального взаимодействия, получает свою «судьбу». Не только плуг, паровая машина или компьютер, но и Венера Милосская, Собор св. Павла, симфония Шостаковича, фильм Чаплина — символы определенной цивилизации.

Один из моментов объективации состоит в том, что произведение искусства опредмечивает «способы» деятельности, воплощает в своей структуре определенную «технологию» своего производства. Произведение может быть «распредмечено», т. е. некто может определить, как, каким образом (способом) сделано это произведение и, при известных задатках, усвоить этот способ (или, как говорят в искусстве, технику). В этом аспекте искусство выступает как определенное **ремесло** (ср.: в древней Греции искусство и было ремеслом — «технэ»). Под таким углом зрения искусство обычно воспринимают начинающие художники (впрочем, не только они).

Укажем, наконец, на еще один практический момент деятельности художника в ряде искусств, который, собственно, является не художественной деятельностью, а «предхудожественной», но органически входит в творческий процесс как неизбежный предварительный этап. Поскольку носитель информации с ней интимно связан и поскольку материал, используемый в искусстве, часто является природным, то возникает необходимость его **подготовить** для художественной деятельности: подготовка глыбы мрамора скульптором, холста и красок — живописцем, разминка у балерины. Сюда же относится и настройка музыкальных инструментов: скрипка, конечно, не природный предмет, но ненастроенная скрипка дает исходный звукоряд в его природной хаотичности, только установление здесь необходимых высотных отношений (соль, ре, ля, ми) делает скрипку готовой к игре на ней.

Как видим, профессионально-практический момент в искусстве — необходимый его компонент, подчиненный задаче «извлечения», воплощения и передачи духовной информации (содержания).

Любая социально значимая деятельность не существует в «голом», чисто деятельном виде. Она социально и самообеспечивается, обрастает культурными комплексами, включающими подсистемы «поддержки» данной деятельности (ресурсы, технические средства, опыт), учреждения, обеспечивающие внутрисистемную (для данной деятельности) и внесистемную коммуникацию и корреляцию, организационные «механизмы». Все это и есть **институционализация** деятельности, а институционализировавшаяся деятельность выступает как подсистема культуры. К таким подсисте-

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 566.

мам можно отнести, например, **науку**, выросшую «вокруг» теоретико-познавательной деятельности; **религию**, выросшую «вокруг» религиозного сознания; **образование**, выросшее из общественной потребности целенаправленной передачи информации индивидам. Ясно, что все они детерминируются основной подсистемой — материальным производством.

Из потребностей (и «вокруг») художественной деятельности (художественное творчество, художественное восприятие) выросла подсистема **«художественная культура»** [4]. Функционирование художественной культуры является, по сути, практическим: она потребляет ресурсы (материю, энергию, информацию), изменяет социальную действительность, создавая особые предметы цивилизации, воздействуя на жизнь, быт, на другую деятельность; при этом она изменяется сама, обновляя способы и средства художественной деятельности, накапливая традиции и ценности. Развитие искусства и художественной культуры, рост его социальной доступности связаны с вовлечением больших масс людей в художественную культуру, что ставит вопрос об их организации и регуляции их отношений (интересов) — как на уровне художественного творчества, «производства» (театр оперы и балета, ансамбль песни и пляски, киностудия, телецентр), так и восприятия, «потребления» (в театрах, музеях, концертных залах, на дому и т. д.). Все это создается и регулируется людьми и составляет момент их практики, без которого невозможно себе представить современного (в широком смысле, в Новое время) искусства.

Вышеизложенным, думается, во-первых, подтверждается вывод К. Маркса о практически-духовном освоении мира в искусстве; во-вторых, вывод о предметно-практическом характере социального бытия искусства и художественной культуры.

Содержательный аспект художественной информации — это отношение искусства и практики как объекта художественного отражения.

Собственно говоря, для искусства практика выступает (и существует в искусстве) как **жизнь** (общественная и индивидуальная — в их взаимосвязи, а также и в связи с природой). Искусство (с самого своего возникновения и до наших дней) воспринимает практику не как материальный процесс, объективный в своей предметно-чувственной определенности; не с точки зрения вещественного содержания и предметного результата этого процесса, а как переплетение предметной объективности мира с потребностями, интересами, страстями, чувствами, мыслями и деятельностью людей, как «реальный процесс их жизни», в его объективных и субъективных человеческих аспектах. К этой жизни искусство подходит с точки зрения определенным образом понятой человечности. В результате, многие стороны бытия выступают в своей чело-

---

[4] См. нашу статью «О соотношении искусства и художественной культуры».— В сб.: Эстетику — в жизнь, вып. 4. Свердловск, 1973.

веческой ценности и субъективной окрашенности; так, например, «закон» с древних времен выступает как «судьба», «рок»; явления гибели ценности, жизни — как «трагедия».

С другой стороны, искусство берет жизнь во всей ее целостности, не выделяя одну лишь утилитарно-практическую деятельность; все сферы общественных и личных интересов, все стороны жизни входят в искусство; на определенных этапах своего развития искусство вообще «отчуждает» от себя тему материальной жизни как труда; только сравнительно недавно в искусстве появилось сознательное отношение к «роли труда». Однако в принципе искусство всегда интересовалось деятельностью людей, проявлением их как существ, активно преодолевающих препятствия, целеустремленных, свободных. Таковы герои греческой мифологии и искусства: Геракл, Прометей, Гектор и, в известном смысле, даже Сизиф — «антигерой», «прасимвол» будущего отчуждения труда.

Практика выступает как «прообраз» художественного содержания; художественная информация (семантическая — в терминологии семиотики) — как отображение прообраза в определенной языковой системе. Искусство — модель практики (ее аспектов), определенная идеализация последней. Семантическое соответствие (соответствие образа прообразу) выступает как непрямое, опосредованное рядом факторов, в том числе субъективностью, ценностностью (прагматика в терминологии семиотики) искусства, его особым языком, применяемыми принципами художественного моделирования объекта, типом художественной условности и т. д. При этом «образная» (план содержания) и семиотическая (план выражения) структура выступают как набор отношений, «как сложная структура взаимопересекающихся подструктур с многократным вхождением одного и того же элемента в различные конструктивные контексты» [5], в конечном счете изоморфная (гомоморфная) практике (жизни).

Однако искусство (с разной для различных времен, видов и направлений активностью) стремится нарушить автоматизм восприятия, отождествляющий искусство и жизнь. Осуществляется это введением «внесистемных» элементов, нарушающих внешнее правдоподобие, привычность отношений, или использованием «запрещенных», т. е. также «внесистемных» (в отношении конкретной системы условности) приемов [6]. Искусство не только «не требует признания своих произведений за действительность», но даже боится абсолютной идентификации (ибо его познавательная роль определяется тем, что искусство — модель), хотя, как отмечено выше, предполагает жизнеподобие, а также и «художественное уподобление» [7] воспринимающего, его «перенесение» [8].

[5] Ю. М. Лотман. Структура художественного текста. М., 1970, стр. 101.

[6] См. статью Ю. Лотмана и Б. Успенского. «Условность в искусстве».— Философская энциклопедия, т. 5.

[7] См.: А. Ф. Еремеев. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. ч. 2—3. Свердловск, 1971, стр. 186—192.

[8] М. Марков. Искусство как процесс. М., 1970, стр. 167—184.

Все эти особенности искусства (плюс коммуникативные) создают принципиальную многозначность произведения искусства, множественность его истолкований. Возникает вопрос об истинном толковании.

Жизнеподобие (и, добавим, жизнеспособность) искусства проявляется как раз в этой «неисчерпаемости» индивидуальных подходов. Ведь каждый отдельный подход — перевод на нехудожественный язык, что неизбежно ведет к смысловым потерям. Только сумма этих подходов, взятая в их «инварианте», дает адекватную «художественному миру» интерпретацию [9].

Искусство, имея непрямую, опосредованную связь с жизнью, в известном смысле, подобно некоторым абстрактным теориям, допускающим несколько «предметных» интерпретаций: связь с действительностью обнаруживается как раз через интерпретацию. Множественность субъективных интерпретаций отражает (и реализует) это особое, «вариантное» отношение искусства к практике (конкретным ее состояниям) как ее инвариантный аспект. Поэтому суммарный (социальный) процесс интерпретации, осмысления (в конечном счете — усвоения) художественной информации (а это предполагает включение ее в систему личностного опыта субъекта) представляет своеобразную форму «верифицируемости». Причем, чем более разнородные (как в актуальном, так и в историческом плане) варианты создают «инвариант», тем большей «действительностью», истинностью обладает данное произведение. Каждое же отдельное восприятие (толкование) верифицируется через отношение (отнесение) к инварианту. Так, любые возможные в будущем интерпретации «Гамлета» будут «адекватны» Шекспиру, если не будут противоречить исторически сформировавшемуся инварианту пьесы; очевидно, заведомо ложной является трактовка Гамлета как человеконенавистника, Полония — как мудрого политика, Призрака — как клеветника, следовательно, Клавдия — как трагического героя. И это не противоречит реальной вероятности появления подобных интерпретаций: известна трактовка Н. Акимовым в 20-е годы образа Гамлета как прежде всего стремящегося к власти.

Однако закономерен вопрос о причине такого относительного подобия произведения искусства (конкретное) и абстрактной теории, об источнике других, обнаруживаемых при сопоставлении этих «реалий», аналогий. Следовательно, возникает вопрос об особенностях (характере) социального знания (шире — информации), «вырабатываемого» искусством, и о причинах таких особенностей. Но этот вопрос не решается в рамках чистой гносеологии. Здесь искусство должно быть рассмотрено в его **функциональном** отношении к практике, т. е. с точки зрения роли художественной информации в общественной жизни, социальной необходимости

---

[9] Ср.: В. Днепров. О музыкальных эмоциях.— В кн.: Кризис буржуазной культуры и музыка. М., 1972, стр. 108—109.

искусства. Мы рассмотрим этот вопрос в той мере, в какой он «вписывается» в сравнительный анализ научного, художественного и обыденного знания (познания).

Сопоставление трех выделенных форм познания (знания) обнаруживает как определенное сходство, безусловное родство, так и существенные различия искусства с обыденным и научным познанием. Кроме того, и искусство, и наука обнаруживают определенную целевую установку (ориентацию) по отношению к сознанию обыденному. То, что в этом проявляется их конечная объективная связь с практикой и субъектом практики, не вызывает сомнений.

Сравнивая искусство и обыденное сознание (познание, знание), обнаруживаем тождество их между собой (=отличие от науки) в следующих отношениях: а) объекты познания выступают не сами по себе, а в определенной соположенности субъекту, его интересам, их познание — не самоцель; б) знание охватывает определенный, ограниченный круг объектов, всегда выступает как конкретное, а не «абстрагированное»; в) всегда эмоционально окрашено, и в этом, а не в дискурсивности — источник убедительности; г) видимо, «гнездятся» эти знания на сходных (аксиологических) структурах личности. Перечисленные особенности накладывают ограничения на познавательные возможности этих сфер сознания. «Практика человека актуально не способна охватить всю природу. В связи с этим усвоение все новых вариаций значений, их взаимосвязей, не может обеспечить гарантию истинности вывода в сфере обыденного сознания. При изменении естественного контекста деятельности человека каждый шаг его рассуждений должен корректироваться практикой» [10].

Искусство, будучи в определенных отношениях эквивалентом обыденного сознания, разделяет судьбу его истин, которые имеют ограниченную сферу практического применения. Поэтому в искусстве так важен отбор «конкретной ситуации», ведь ее типичность определит сферу «познавательного потенциала» художественного познания. Однако, оставаясь в рамках конкретности, искусство, конечно, не может преодолеть границы, заданные самой его гносеологической природой. Обратной стороной этого является своеобразная «жадность» искусства к многообразию мира. С другой стороны, искусство не должно перескакивать через эту ограниченность (как практики, так и обыденного сознания) — последняя преодолевается наукой. У искусства же другая цель (которая вполне оправдывает «претензии» каждого произведения быть «моделью мира»). Видимо, искусству важен иной опыт, другую регуляцию (и целеполагание) должна осуществить художественная информация в субъекте, ее усвоившем. Искусство преодолевает ограниченность обыденного сознания в другом отношении, в другом аспекте «специализируется».

[10] Современные проблемы теории познания диалектического материализма, т. 2. М., 1970, стр. 112.

Поэтому художественное познание все-таки добывает универсальные, обладающие большой обобщающей (следовательно, регулятивной, ориентационной) силой знания, своеобразно осмысляет действительность, получает специфический ее информационный «экстракт».

Этот особый опыт суть **опыт духовно-ценностного отношения к миру** (будь он представлен ситуацией, либо человеком, либо вещью), опыт высших духовных чувств, содержащий нравственно-эстетические значения (смысл) освоенных здесь объектов, значения фундаментальных философских категорий; особое, суперпрагматическое, преодолевающее односторонность утилитарных подходов и интересов, знание жизни. Функции искусства — выработка и передача субъекту подобного рода опыта.

Как отмечено выше, природа искусства допускает определенную свободу моделирования мира; однако этим искусство обрекает себя на сложные отношения с сознанием (обыденным) потребителя. С одной стороны, возможен «ход» искусства за рамки ограничений, накладываемых нормами здравого смысла, наивного реализма, т. е. выходящий за рамки понимания «потребителя». С другой стороны, нельзя недооценивать характер современного индивидуального сознания, его информированность, «онаученность». В противном случае искусство может выступать как «понятное», но банальное, в принципе не восприниматься как художественное.

Это реальное противоречие связано в наши дни с противоречивым воздействием ускоренно развивающейся науки на различные аспекты культуры, в том числе на обыденное сознание и искусство. Наука, например, изменила фундаментальные представления о бытии и его атрибутах, развела их со здравым смыслом, что привело многих художников к необходимости переосмыслить свои представления (категории), в которых осваивался мир, изменить языковые, моделирующие принципы. Требование «научности» искусства, непротиворечивость художественного и научного толкования одних и тех же объектов все более обнаруживает тенденцию стать нормой современного искусства.

Обыденное сознание также все более проникается научными принципами, имеет тенденцию оперировать научной информацией и со своей стороны выдвигает ряд требований к искусству, которые также можно охарактеризовать как требования его «научности».

Отмеченная выше противоречивость отношений связана не только с ограниченностью обыденного сознания,— само искусство подчас поверхностно, даже извращенно воспринимает, усваивает достижения науки в духе антинаучных, субъективистских по преимуществу, форм мировоззрения. В этом, бесспорно, проявляется классовый характер искусства. Антинаучное мировоззрение реализуется, например, в тенденции к разрыву моделирующей (познавательной) и коммуникативной функций искусства, к прене-

брежению последней, что является явным игнорированием научно обоснованного требования единства этих функций.

Другое необходимое условие «научности» — знание специфических возможностей и границ искусства. Как хорошо показал в «Мифологичных» К. Леви-Стросс, декларирующие «научное» обоснование своих устремлений абстрактная живопись и конкретная (а также серийная) музыка по сути выходят за рамки являющейся итогом развития культуры специфической природы этих видов искусства и либо вообще становятся «неискусством» (как конкретная музыка, «бродящая около смысла»), либо другим искусством (так абстрактная живопись превращается в декоративное искусство) [11].

Примером, иллюстрирующим второй аспект, может служить театр абсурда, который исходит из понятий «отчуждения» и «некоммуникабельности», ставших на Западе достоянием массового сознания. Концептуальный характер, например, сочинений С. Беккета несомненен и восходит к иррационалистическому мировоззрению (типа экзистенциализма и неофрейдизма), которое проповедует индетерминизм, абсурдность и отчужденность человеческого существования.

Что касается обыденного сознания, то здесь поверхностность и односторонность порождает «квазипросвещенность», которая, с одной стороны, связывает с возрастанием роли науки снижение значения искусства, отводит ему роль развлечения и психологической компенсации; с другой стороны — абсолютизирует «особость» искусства, требует повышенного эстетизма, «зауми» и т. д.

Обобщая сказанное, отвлекаясь от нюансов и исторических вариантов [12], можно сделать следующие выводы.

В. И. Ленин писал о том, что «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» [13]. Это было сознательное требование (к которому пришла наука) к пониманию человеческого познания в целом.

Можно утверждать, что неосознанно эта точка зрения как выражение объективных связей с практикой всегда существовала и существует в науке и искусстве. Соответственно своей специфической функции в обществе каждая форма специализированного познания заключала в себе (в различных, разумеется, исторических модификациях) определенное отношение, понимание практики (общественной жизни) и вытекающую из этого понимания установку на получение социально необходимой информации. Так действует социальная необходимость, так сложились особенности научного и художественного знания.

---

[11] См.: К. Леви-Стросс. Из книги «Мифологичные. Сырое и вареное».— В кн.: Семиотика и искусствометрия. М., 1972.

[12] Последние хорошо упорядочены в статье академика В. Татаркевича «Дефиниция искусства».— «Вопросы философии», 1973, № 5.

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145.

Практика (общественная жизнь в целом) есть (по своей самой общей структуре) взаимодействие субъекта и объекта. Она осуществляется: а) по объективным законам, действующим на всех уровнях: объекта, субъекта (коллективного и индивидуального) и их взаимодействия, освоения объекта субъектом; б) существами, обладающими, кроме материального, духовным бытием — **субъективностью,** которая появилась как результат практического развития, выполняет ряд существенных практических функций, а также и функций суперпрагматических, причем выступает в последних как «цель в себе», как человеческая самоценность, как синоним внутренней свободы человека по отношению к материальной (внутренней и внешней) необходимости, через которую в конечном счете человек осознает материальную деятельность как свободную, имеющую смысл в себе и для себя. Субъективность, понимаемая как духовность, как сознательность, является необходимой предпосылкой практики как общественной по целям и способам осуществления деятельности.

К. Маркс никогда не сводил практику к одному вещественному взаимодействию, а сущность человека — к одному труду. Наоборот, враждебность капитализма человеку он видел в том, что тот, наряду с материальным, порождает отчуждение духовное, что человек отчуждается от своих духовных потребностей и способностей, практика — от своего сознательного смысла; тем самым человек возвращается к животному состоянию, практика овеществляется, ибо «человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы» [14].

Так выделяется два класса необходимых предпосылок, или оснований, общественно-исторической практики, из необходимости специального информационного обеспечения, поддержки которых и возникли две специализированные формы познания (освоения) мира. Специфика этих оснований объясняет — в основном, в главном, в генезисе — специфику как науки («отвечающей» за информацию об объективных законах), так и искусства («отвечающего» за информацию о всеобщих субъективных основаниях социальной деятельности). Цель обеих сфер познания — адекватность, установление информационной достаточности, в сумме дающей превосходство субъекта над объектом (духовное освоение мира).

Теперь понятна «устойчивость» и «универсальность» духовного опыта, заключенного в художественной информации. Он, еще раз употребим это слово, инвариантен в отношении конкретных объектных аспектов практики, он — ее духовная предпосылка, обеспечивающая социально необходимый уровень духовного развития субъекта (его отношение к миру, к деятельности, к обществу в целом и своим «коллегам», горизонты его самосознания, его душевная гармония и нравственная ответственность, его понимание

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 4.

смысла происходящего вокруг и перспективы; его творческие потенции и т. д.) и социальное качество его деятельности.

Поэтому можно сказать, что потребность людей в искусстве (как бы она ими ни осознавалась) есть реализация социальной потребности в осмысленном, сознательном, свободном существовании.

Ю. М. Бражников

ПРАКТИКА И СОДЕРЖАНИЕ ОБЫДЕННОГО ЗНАНИЯ

Теория познания диалектического материализма, наряду с выяснением общих закономерностей познания, предполагает анализ его конкретных форм в различных сферах человеческой деятельности. Одним из моментов такого анализа является рассмотрение отношения практики и обыденного познания.

Своеобразный характер связи обыденного познания с практикой обусловлен тем, что оно **не вычленяется** из повседневной деятельности людей. Наука способна абстрагироваться от непосредственно практических целей и подчинять саму практику своим собственным познавательным устремлениям. Она создает особую форму практики в виде научного наблюдения и эксперимента, превращаясь благодаря этому в специализированную форму человеческой деятельности. В отличие от науки обыденное познание не может превратиться в самостоятельную сферу человеческой деятельности. Обыденное познание осуществляется в формах деятельности, подчиненных непосредственным практическим целям. Здесь требуются сиюминутные, ситуативные знания, которые бы в деталях направляли, ориентировали ход практики. О необходимости таких знаний говорит, например, старый машинист из рассказа А. Платонова «Жена машиниста». Обеспокоенный рейсом своих сменщиков и доказывая жене, что им нужна его помощь, он ссылается на трудность маршрута, неопытность помощника машиниста и заключает: «Да одну машину — это знать мало. Надо видеть всю целую природу — и погоду, и что у тебя на рельсах: мороз или жарко, и подъемы надо знать наизусть, и машина как себя чувствует сегодня...» [1]. Надо полагать, что большая часть ситуативных знаний добывается каждый раз заново, ибо предмет и условия практической деятельности в чем-то обязательно неповторимы. Поэтому даже простая экстраполяция уже готовых знаний требует необходимой коррекции. Отсюда напрашивается вывод, что обыденное познание — это активный, творческий процесс. Однако его возможности ограничены, о чем свидетельствует появление специализированных форм познания.

---

[1] А. Платонов. В прекрасном и яростном мире. М., 1965, стр. 399.

Возможности обыденного познания ограничиваются, по нашему мнению, прежде всего тем, что оно **непосредственно** подчинено практическим целям. Познавательная ситуация здесь как бы вложена в практическую; практикой непосредственно задаются ее основные направления. Невозможность абстрагирования обыденного познания от выполнения конкретных практических задач ограничивает в нем создание достаточно общих понятий, необходимых, скажем, для построения теорий. Одним из проявлений ограниченности обыденного познания является некоторый предел обобщения, порождаемый потребностями и возможностями определенного уровня практики.

Речь идет о практической деятельности, которая может осуществляться на основе знаний, получение которых не требует выхода из круга этой деятельности. Ясно, что это возможно лишь до некоторого предела сложности самой практики, преодоление этого предела требует знаний нового качества. В ходе исторического развития практики обыденные знания становятся неэффективными и появляется потребность в научных знаниях. В данной связи можно указать на превращение современной науки в решающий фактор прогресса техники и производительных сил общества в целом, на проблему создания научных основ управления социальными процессами и др.

В работе «Что делать?» В. И. Ленин показал, что для преодоления стихийности в рабочем движении нужно дать рабочим научное понимание общественного развития. «История всех стран,— писал В. И. Ленин,— свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское... Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией»[2]. В. И. Ленин обращается к революционной интеллигенции от имени рабочих: «..Мы хотим знать все то, что знают другие, мы хотим подробно познакомиться со *всеми* сторонами политической жизни и *активно* участвовать во всяком и каждом политическом событии. Для этого нужно, чтобы интеллигенты поменьше твердили то, что мы и сами знаем, а побольше дали нам того, чего мы еще не знаем, чего мы сами из своего фабричного и «экономического» опыта и узнать никогда не можем, именно: политического знания»[3].

Действительно, в повседневной жизни политика так глубоко входит в различные социальные явления, что не только понять ее сущность, но и просто рассмотреть в чистом виде на уровне обыденного познания нельзя; для этого необходима высокая степень абстракции, возможная лишь в науке. К. Маркс отмечал, что «о всяких вообще формах проявления и о их скрытой за ними осно-

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30.
[3] Там же, стр. 73—74.

ве» можно сказать: «Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием» [4]. Говоря о ходячих формах мышления, К. Маркс здесь имеет в виду именно обыденное познание, которое есть, безусловно, чувственно-рациональный процесс. Другое дело, что обыденное познание не способно далеко отойти от чувственно-конкретного. Как верно отмечают Н. В. Буханова и М. Д. Матвеев, «рациональная сторона обыденного сознания отличается от теоретического уровня сознания прежде всего своей ограниченностью познания действительности, не выходящей за пределы чувственно достоверного» [5]. Поэтому оно не может формулировать законов, создавать теорий.

Однако было бы ошибочно полагать, будто обыденное познание вообще не способно подняться до раскрытия существенных признаков явления. Возьмем, например, знания «народной медицины» о лечебных свойствах трав. Нет сомнения, что они получены обыденным способом познания. Но разве эти знания не отражают существенных и внутренних свойств этих растений? Конечно, отражают, но весьма специфически. Для выяснения **специфики** отражения сущности обыденным познанием необходимо вновь вернуться к тому, что обыденное познание прямо, непосредственно подчинено практическим целям. Следовательно, оно берет предмет познания только со стороны практически нужного, не рассматривает, да и не может рассмотреть его всесторонне, потому что для этого как раз и нужно было бы выйти за пределы непосредственных практических потребностей. Но для того, «чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования» [6].

В повседневной жизни важно знать предмет не в его объективно целостной всесторонности, а лишь как предмет той или иной отдельной деятельности человека. В связи с этим обыденное познание совершается как постепенное развертывание объективных связей вещей как только предметов и средств человеческой деятельности. Этот узкий практицизм обыденного познания заставляет «вычерпывать» из предмета в обыденные представления или понятия лишь то, что развертывается в нем как **практически значимое**, т. е. предмет обыденного познания берется только в форме проявления в практике общественного человека. Обыденное познание и отражает сущность в этом ее проявлении.

Для установления сущности вещей, закона их существования нужна хорошо развитая абстрагирующая способность со столь же развитым инструментарием, нужна специально организованная познавательная деятельность. Обыденное познание не обладает

---

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 552.

[5] Н. В. Буханова, М. Д. Матвеев. Некоторые гносеологические вопросы общественного сознания в свете ленинской теории отражения.— «Уч. зап. Калининского пед. ин-та», 1970, т. 71, стр. 128.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

такими возможностями и не может вывести предмет из его связей с нашими практическими потребностями. Вопрос об объективном бытии предметов вне их практической значимости решается здесь как бы попутно, через раскрытие практического значения предмета, которое определяется уже не только объективным содержанием вещи, но и потребностями человека. Тогда степень развития содержания обыденного знания оказывается зависимой от непосредственных практических задач и потребностей повседневной практики. Об этом свидетельствует, например, то, что большинство предметов, употребляющихся в повседневной деятельности, определяется в обыденных понятиях функционально, т. е. как предметы, с помощью которых можно удовлетворить ту или иную потребность.

Если обратиться к научному познанию, то можно увидеть, что оно, стремясь к максимальной объективности, к знанию объекта вне его отношений к субъекту, находит на основе этого знания оптимальные варианты способов удовлетворения человеческих потребностей. В связи с этим научному познанию присущи две, отдифференцированные друг от друга функции: фундаментально-теоретическая, объясняющая, и технологическая, нормативно-указывающая. Они составляют, как указывает, например, Б. М. Кедров, самостоятельные, хотя и тесно взаимосвязанные сферы науки[7]. В обыденном же познании эти функции слиты, осуществляются в едином акте познания, и знание выражается здесь в непосредственно **нормативной** форме, представляет собой рецепт того или иного практического действия. Объяснение как бы свернуто, растворено в таком указании. Оно не развито в самостоятельную функцию обыденного познания. Вероятно, в обыденном познании не возникает потребности в этом. Необъясненного нормативного знания, знания-рецепта оказывается вполне достаточно для осуществления повседневной практики.

Практическая ситуативность обыденного познания, его неотделенность от выполнения практических задач определяет уровень развития способностей обыденного познания. Обыденное познание в своем маршруте непосредственно подчинено маршруту практических действий. Поэтому можно предположить, что в самом обыденном познании формируются лишь те методы, которые воспроизводят в познании приемы практических действий и операций, и не возникает производных от них, направленных на внутреннее развитие знания. Так, например, рассматривая донаучные знания, А. Н. Чанышев пишет: «Все эти знания не требовали специальных средств и методов наблюдения природы, они опирались на обыденный, массовый опыт и возникали стихийно, на основе проб и ошибок, а не на основе действительного познания законов природы»[8]. Научное познание не только целенаправленно совершен-

[7] См.: Б. М. Кедров. О науках фундаментальных и прикладных.— «Вопросы философии», 1972, № 10, стр. 39—49.

[8] А. Н. Чанышев. Эгейская предфилософия. М., 1970, стр. 144.

ствует методы обыденного познания и изобретает новые, направленные на решение собственных познавательных задач, но и саму практику подчиняет своим познавательным целям, специально организует ее в этом направлении. Обыденное же познание не может освободиться от «тирании» практических потребностей, поэтому оно неспособно ставить цели, отделенные от непосредственно практических нужд, направленные на развитие самого познания, его средств и методов.

Непосредственная практическая подчиненность и **ограниченность средств и методов** обыденного познания определяют не только своеобразие отражения действительности в обыденном знании, но и другие его качественные особенности, которые легче выявить, сравнив обыденное знание с научным.

В философской литературе обычно выделяются следующие признаки научного знания: а) предметность, научное знание должно иметь свой предмет и находиться к нему в определенном отношении; б) воспроизводимость и на этой основе принципиальная проверяемость; в) доказательность; г) систематичность, достигнутая путем специальной познавательной обработки знаний — систематизации. Обыденное знание, как и научное, имеет свой предмет, но отражает его специфично — **как предмет человеческой деятельности.** Субъект обыденного познания специально не интересуется познавательной стороной своей деятельности с целью фиксации маршрута получения знаний. По этой причине обыденное знание не может быть логически доказательным и критически систематизированным. Все это не позволяет проверить качество знаний со стороны самого познавательного процесса, так что проверка истинности знаний осуществляется стихийно, в ходе осуществления практики.

Сказанное не может служить основанием для отрицания положительного значения обыденных знаний в деятельности людей. Необходимо лишь четко осознавать, в каких пределах практики они достаточно эффективны, а где становятся бесполезными. Для этого и требуется выяснение тех специфических признаков, которые присущи обыденным знаниям. Решение многих вопросов, ставших актуальными в связи с широким внедрением науки во все сферы человеческой деятельности, было бы неполным, если бы мы ограничились только анализом самой науки. Необходимо еще исследование тех знаний и способов их получения, которые лежат за ее пределами.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Взаимодействие практики и познания

И. Я. Лойфман. Единство практики и познания как гносеологическая проблема 3
А. В. Гайда, К. Н. Любутин. Субъект и объект практики и познания 12
П. П. Чупин. Практика как материальная деятельность 21
В. В. Ким. Практика и знаковая деятельность 30
В. В. Байлук. Преобразующая и познавательная функции практики 39
К. А. Устиловский. Эмпирический и теоретический уровни научного познания и практики 45
Т. А. Бадкова. Математизация научного познания и практики . . 51
А. Н. Аверин. Опыт как вид связи познания и практики 57
В. И. Ермаков. Опредмечивание и распредмечивание в познании и практике 62
Н. И. Савцова. Практика и свобода 72
И. С. Нарский. Практика и отчуждение 80

Раздел II. Практическая обусловленность знания

Д. В. Пивоваров. Практика и формирование познавательного образа 93
Н. В. Бряник. Практика и процесс формализации знания 101
В. Н. Николко. Практические истоки статистичности физического знания 110
Н. Я. Муравлев. Практика и теоретическое освоение структурных уровней жизни 115
М. Л. Шубас. Практическая основа технического знания 122
Л. А. Закс. Практическая обусловленность художественной информации 130
Ю. М. Бражников. Практика и содержание обыденного знания . 141

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ
Выпуск 5

Практика
как гносеологическая категория

Редактор *Э. А. Лазарева*
Технический редактор *Л. П. Чистякова*
Корректор *Н. Д. Важенина*

Сдано в набор 5/XI 1973 г. Подписано к печати 5/V 1974 г. НС 18159.
Усл. печ. 9,25. Уч.-изд. 9 л. Тираж 1000 экз. Формат 60×90/16. Заказ 489.
Цена 55 коп.

Уральский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени А. М. Горького
Свердловск, проспект Ленина, 51

Типография издательства «Уральский рабочий», проспект Ленина, 49.